А. И. ЗЕВЕЛЕВ
Ю. А. ПОЛЯКОВ
Л. В. ШИШКИНА

БАСМАЧЕСТВО: ПРАВДА ИСТОРИИ И ВЫМЫСЕЛ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ

"МЫСЛЬ"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Авторы дают научную критику целого комплекса воззрений буржуазного обществоведения на возникновение, сущность и крах басмачества. В работе проанализированы фальсификаторские версии за период с 20-х годов до наших дней, показана несостоятельность их концепций. Для лекторов, преподавателей и студентов вузов, а также всех интересующихся историей советского общества

- А. И. Зевелев, Ю. А. Поляков, Л. В. Шишкина
  - ○
  - ○ Введение
  - ○ Глава I. Результаты многолетнего изучения
    - ■ 1. Вклад советских ученых
    - ■ 2. Объективные характеристики басмачества в зарубежной литературе
  - ○ Глава II. Фальсификация: этапы и направления
    - ■ 1. Их профессия — фальсификация истории Средней Азии
    - ■ 2. Фальсификаторские версии 20–50-х гг
    - ■ 3. Поток лжи не иссякает
  - ○ Глава III. Правда основывается на фактах
    - ■ 1. Несостоятельность мифа об «общенациональном», «общенародном» характере басмачества
    - ■ 2. Роль международного империализма в организации и руководстве басмачеством
    - ■ 3. Закономерный крах басмачества
  - ○ Заключение
  - ○ Приложения
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55

- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99

- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143

- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187

- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231

- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275

- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319

- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363

- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407

- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451

- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495

- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539

- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583

- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627

- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671

- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697

А. И. Зевелев, Ю. А. Поляков, Л. В. Шишкина
Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов

Редакции исторической литературы

Рецензенты:

доктор исторических наук В. М. Устинов, кандидат исторических наук Ю. И. Игрицкий

в скане бумажного издания отсутствуют страницы 100–101

Введение

Новое всегда вызывает сопротивление старого, которое никогда не покидает историческую сцену добровольно, без борьбы. Через преодоление сопротивления старого происходит развитие человеческого общества — таков закон истории. Революционные перемены в той или иной стране всегда вызывали ненависть и противодействие не только внутренней реакции, но и близких и дальних консервативных соседей. Социалистическая революция, ставящая целью не замену одного эксплуататорского класса другим (как было в буржуазных революциях), а ликвидацию власти эксплуататоров вообще, вызывает неизмеримо большее противодействие, чем другие революции. И в своем сопротивлении свергнутая контрреволюция одной страны получает всестороннюю поддержку международного империализма.

Правящие круги капиталистических стран, стремясь ликвидировать завоевания Октября, организовали в 1917–1922 гг. империалистическую интервенцию. Послав свои войска в Советскую Россию и всемерно поддержав сопротивление свергнутых Октябрьской революцией классов, они развязали долгую, кровопролитную войну, в результате которой Советская страна понесла тяжелые потери. Потребовался целый исторический период, занявший пять лет (1921–1925 гг.), для того чтобы ликвидировать ущерб, нанесенный интервентами и белогвардейцами.

При наличии общих закономерностей и характерных для всей страны черт вооруженной борьбы с интервентами и контрреволюционными силами в ряде регионов имелись существенные особенности. Несомненным является тот факт, что в большинстве окраинных районов эта борьба приняла более сложный и затяжной характер, нежели в центре. Это объясняется наряду с другими причинами прежде всего большими масштабами иностранного вмешательства. Именно в окраинных, близких к государственным границам районах иностранное вмешательство проявлялось особенно сильно.

Практически все сухопутные границы либо оказались под непосредственными ударами интервенционистских войск, либо являлись местами, где под иностранным прикрытием формировались контрреволюционные вооруженные силы, либо служили коммуникациями для транспортировки из-за рубежа оружия и боеприпасов.

Сказывались также обстоятельства социального порядка.

Слабое по сравнению с центром промышленное развитие большинства окраинных районов, обусловливавшее малочисленность пролетариата и, огромное преобладание крестьянской массы, оказывало существенное влияние на расстановку классовых сил.

Во многих национальных районах активно действовали националистические или клерикально-националистические силы, что тормозило процесс перехода широких трудящихся масс на сторону революции.

Эти общие соображения полностью относятся к большому и своеобразному среднеазиатскому региону, расположенному на юго-восточных рубежах Советской страны.

Вооруженная борьба с империалистической интервенцией и внутренней контрреволюцией в Средней Азии — сложный и многогранный процесс. Он включает в себя военные действия непосредственно против иностранных (английских) войск, оккупировавших территорию Туркмении, вооруженную борьбу против белогвардейских (в том числе белоказачьих) войск, наступавших на Советский Туркестан с разных сторон, и против басмаческих отрядов, действовавших в большинстве районов Средней Азии. Басмачество и ликвидация его — не изолированные явления, а составная часть гражданской войны в стране и регионе. Сущность басмачества может быть раскрыта лишь в общем процессе изучения расстановки классовых сил и особенностей классовой борьбы в Средней Азии.

После Октябрьской революции, когда миллионные массы узбеков, таджиков, туркмен, киргизов, казахов, каракалпаков и других народов и народностей Средней Азии с помощью русских братьев взяли власть в свои руки и начали строительство новой жизни, басмачество стало формой борьбы свергнутых эксплуататоров против власти трудового народа.

Феодальная и родо-племенная верхушка, реакционная часть мусульманского духовенства, нарождавшаяся в Средней Азии национальная буржуазия — вот кто организовывал и направлял деятельность басмаческих отрядов внутри страны.

Басмаческие главари выступали с открыто контрреволюционными лозунгами, ставя своей задачей свержение Советской власти, восстановление господства эксплуататоров в Средней Азии, отрыв ее от Советской России.

Басмачество носило ярко выраженный националистический характер, выступая под антирусскими лозунгами, разжигая вражду к русским людям, ко всему русскому. Одновременно сеялась рознь и вражда между различными народами Средней Азии. Националистическая пропаганда переплеталась с широким

использованием религиозных предрассудков. Являясь частью гражданской войны, басмачество стало самым острым оружием классовой борьбы в Средней Азии. Оно неизбежно смыкалось с общероссийской контрреволюцией. Басмаческие банды устанавливали контакты и вели совместные действия с русскими белогвардейцами.

Недостаточно сказать, что басмачи как враги революции, социализма, прогресса пользовались полной поддержкой международного империализма, реакционных сил в сопредельных странах. Можно с полным основанием подчеркнуть, что международный империализм явился побудителем и непосредственным организатором басмачества извне. Интересы англо-американского капитала совпадали здесь с целями свергнутых революцией эксплуататорских классов.

Английские и американские агенты, действовавшие на территории соседних государств, щедро снабжали басмачей оружием, боеприпасами, деньгами. Некоторые из этих агентов, проникая в наши пределы, принимали непосредственное участие в формировании басмаческих отрядов. Через горные перевалы, через выжженные солнцем пустыни шли верблюжьи караваны из-за кордона. В тяжелых тюках были упакованы винтовки, пулеметы, ящики с патронами.

Реакционные круги Афганистана, Ирана, Китая, Турции также не остались в стороне. Они активно поддерживали басмачей. Потерпевшие поражение басмаческие банды уходили на их сопредельную территорию и, накопив силы, снова вторгались на Советскую землю.

Действия басмачей сопровождались жестоким террором, принимавшим изуверские формы. Путь басмаческих банд был отмечен массовыми расправами с населением, изощренными пытками и казнями. Тысячи коммунистов и комсомольцев, сельских и городских активистов, девушек, осмелившихся сбросить паранджу, юношей, решивших обучаться грамоте, приняли мученическую смерть от рук бандитов.

Поджоги промышленных предприятий, складов, варварские разрушения железнодорожных станций, мирных селений, ирригационных сооружений, грабежи, угон скота — все это привело к катастрофическому падению производительных сил в Средней Азии.

Борьба против басмачества — драматическая, ожесточенная, напряженная — потребовала немалых усилий и жертв со стороны советского народа. Эта борьба с полным правом может быть отнесена к числу героических страниц нашей истории. Она содержит множество примеров мужества, стойкости, воинской

доблести советских бойцов и командиров, самоотверженности и преданности идеям революции простых людей всех национальностей, беззаветно отстаивавших правое дело.

Активность трудящихся масс Средней Азии, которые преодолевали вековую отсталость, освобождались от религиозного дурмана, отбрасывали демагогические националистические лозунги баев и их прислужников, явилась одним из решающих факторов разгрома басмачества. Но борьба с басмачами проходила не только там, где раздавались выстрелы и звенели клинки. Успех ее обеспечивался и повседневной деятельностью руководимых коммунистами трудящихся Средней Азии по укреплению советской национальной государственности, последовательным проведением революционных социально-экономических преобразований, мероприятий по восстановлению и развитию народного хозяйства, повышению культурного уровня народа. Мракобесию и изуверству басмачей была противопоставлена верность высоким идеям социализма, прогресса; темноте и невежеству — политическая сознательность; насилию и жестокости — социалистический гуманизм, включавший в себя и стремление помочь колеблющимся, ошибающимся элементам, и пролетарскую твердость по отношению к непримиримым врагам.

Дружба народов, их братская взаимопомощь взяли верх над стремлением разжечь националистические страсти, вызвать вражду между ними. Разгром басмачества означал полную победу идей пролетарского интернационализма.

Борьба с басмачеством — длительная историческая эпопея. Она продолжалась ряд лет, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Начавшись в 1917 г., достигнув своего апогея во время гражданской войны и в первые послевоенные годы, басмаческое движение пошло на убыль в первой половине 20-х гг. К 1926 г. оно было практически ликвидировано. Остатки басмаческих банд, укрывшись за рубежом, временно прекратили свою активность. Однако в 1929–1931 гг. отряды басмачей, прорвавшиеся из-за границы, вновь нарушили мирную жизнь в ряде районов Средней Азии.

История борьбы с басмачеством, таким образом, охватывает значительный хронологический период. Изучение ее, объединяющее большой комплекс проблем, возможно только в неразрывной связи с историей социалистической революции, великих социально-экономических и культурных преобразований в республиках Средней Азии.

Басмачество долгое время казалось явлением специфическим, свойственным особым условиям развития социалистической

революции в Средней Азии. Однако исторический опыт 60–80-х гг. нашего столетия показал, что явления, аналогичные басмачеству, имели место в ряде развивающихся стран Азии и Африки, в которых осуществлялись прогрессивные преобразования. Отсюда следует вывод, что басмачество в различных модификациях — явление, свойственное тем странам, где социалистические и другие революционные прогрессивно-демократические перемены происходят при наличии значительных остатков феодальных или даже родо-племенных отношений.

Действия контрреволюции при этом выливаются в защиту самых отсталых социально-общественных устоев, самых архаичных форм духовной жизни и быта, в фанатичное отрицание любых проявлений прогресса. Как правило, в басмачестве велико клерикальное влияние, что в большинстве случаев придает ему отчетливо выраженную религиозную окраску.

Характерной чертой басмаческой контрреволюции является то, что ее действия принимают дикие формы при расправе с инакомыслящими, отличаются средневековой изуверской жестокостью.

Обязательным условием возникновения и развития басмачества является всесторонняя и широкомасштабная помощь мирового империализма. Поддержка самых консервативных, самых реакционных сил, борющихся против прогресса, — отличительная черта империалистической политики экспорта контрреволюции.

Поскольку революционное обновление мира приняло во второй половине XX столетия огромный размах и ветер перемен коснулся самых различных стран, до этого являвшихся отсталыми колониями или полуколониями, то и масштабы сопротивления этим переменам весьма широки. Но при всех различиях в обстоятельствах времени и места мы без труда обнаруживаем разительное сходство между среднеазиатским басмачеством первой трети XX в. и его аналогами во второй половине столетия. Это отчаянное сопротивление реакционных феодальных и родо-племенных сил любым прогрессивным мероприятиям — от аграрной реформы до обучения грамоте. Это золото, оружие, инструкторы и организаторы из-за рубежа. Это и эксплуатация отсталости, невежества масс, религиозный фанатизм, беспощадная расправа с активистами, защищающими новую власть, с крестьянами, распахивавшими помещичью землю, с учителями, обучающими грамоте односельчан, с женщинами, осмелившимися вопреки вековым запретам открыть свое лицо.

Самым длительным и известным проявлением этих

характерных для басмачества реакционных действий стала борьба объединенных сил международного империализма, его союзников и внутренней контрреволюции против прогрессивных преобразований в Афганистане. Не случайно афганских контрреволюционеров называют душманами или басмачами.

Большое значение опыта борьбы с басмачеством в Советской Средней Азии обусловило интерес к истории этой борьбы. Возраст историографии проблемы превышает шесть десятилетий. Появилась значительная историческая литература, созданная как в научных центрах РСФСР, так и во всех среднеазиатских республиках.

Многообразие географических, экономических, исторических и прочих условий делает изучение истории борьбы с басмачеством в широком масштабе особенно сложным. Само басмачество, будучи единым по своим контрреволюционным, антисоветским целям, по своей социально-политической природе, в то же время делится на ряд течений, локализованных географически и хронологически, каждое из которых имело множество особенностей.

В силу этих обстоятельств в литературе 20–30-х гг., посвященной борьбе с басмачеством, иногда выделялись второстепенные черты в ущерб главным, основным, нарушались территориальные и временные пропорции. Тем временем в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Туркмении, Таджикистане бурно развивалась историческая наука, создавалось большое количество научных трудов по истории Октябрьской революции, гражданской войны, социалистического строительства в Средней Азии. Таким образом, благодаря разработке темы в общегосударственном масштабе стало возможным более глубокое и основательное выявление общих закономерностей и специфических черт классовой борьбы. Естественно, что по мере изучения фактов, всестороннего анализа и обобщения материала на основе марксистско-ленинской методологии возникали споры, различные точки зрения в оценке тех или иных этапов, явлений, мероприятий. Этот процесс, характерный для научного рассмотрения исторических проблем, привел к созданию в советской историографии единой концепции, объясняющей возникновение, сущность и причины краха басмачества. Накоплен и введен в научный оборот огромный фактический материал, позволяющий исследовать практически все главные вопросы, связанные с историей борьбы с басмачеством.

Одновременно с созданием комплекса научной литературы по истории борьбы с басмачеством в СССР появились книги и статьи по этой проблематике за рубежом. В книгах и статьях

авторов, стоящих на марксистских позициях, дана объективная оценка басмачеству. Но к сожалению, лишь немногим из буржуазных авторов свойственно стремление к действительно научному рассмотрению темы. Большинство же зарубежных работ, посвященных басмачеству, носит тенденциозный, фальсификаторский характер.

В последние годы интерес буржуазных историков к «басмаческой проблематике» возрастает. Это объясняется прежде всего тем, что, как отмечалось выше, в разных частях планеты имели и имеют место явления, аналогичные среднеазиатскому басмачеству. «Басмаческой проблематикой» занимаются во многих странах, занимаются во многих центрах буржуазной «советологии», занимаются много и многие.

История басмачества стала одной из острых проблем «советологии». Иными словами, «басмаческая проблематика» — поле идеологической борьбы. Поэтому возникла потребность рассмотрения буржуазных концепций истории борьбы с басмачеством, их критического анализа, показа научной несостоятельности, разоблачения антисоветской политической направленности.

Фальсификация возникновения, сущности и краха басмачества является составной частью развязанной против СССР империализмом «психологической войны», которая XXVII съездом КПСС квалифицировалась как «особая форма агрессии, информационного империализма». В Политическом докладе ЦК КПСС съезду подчеркивалось, что «мы имеем дело с искушенным классовым противником, политический опыт которого разнообразен, измеряется по времени веками. Он создал гигантскую машину массированной пропаганды… располагающую огромным аппаратом вышколенных ненавистников социализма»[1]. Съезд обосновал задачу ведения наступательной борьбы в разоблачении идеологических диверсий и доведении правдивой информации о жизни народов нашей страны.

В книге показана и советская концепция возникновения, сущности и краха басмачества. Советские исследователи в изучении темы опираются на марксистско-ленинскую теоретико-методологическую базу истории советского общества, составными частями которой являются основополагающие идеи о гражданской войне в СССР, о путях перехода народов Средней Азии от феодализма к социализму, минуя капитализм, о классовой борьбе в эпоху диктатуры пролетариата, о методах осуществления национальной и аграрной политики в своеобразных условиях Средней Азии.

Решению этих задач и посвящена данная книга.

Глава I. Результаты многолетнего изучения

1. Вклад советских ученых

Советские историки начиная с 20-х гг. и до наших дней ведут большую и плодотворную работу по изучению истории возникновения, социальных корней и разгрома басмачества.

Существующая по данной теме литература уже подвергнута специальному историографическому анализу[2]. Обществоведы СССР ведут успешную борьбу с фальсификаторами истории басмачества, отстаивая правду истории и разоблачая вымыслы и мифы многочисленных «советологов».

В формировании советской историографии, связанной с проблемой разгрома басмачества, наблюдаются определенные закономерности. Освещая их, обратим внимание на следующие моменты.

Изучение истории советского общества, гражданской войны, в том числе басмачества, началось в годы, когда в Туркестане еще полыхало пламя борьбы за победу Советской власти. Наиболее характерной особенностью «эмбрионального» состояния историографии было то, что начинавшие исследовать историю становления советского общества сами активно боролись с его врагами. Это объяснялось не только отсутствием профессиональных историков и сложившихся архивов, но и тем, что процесс накопления знаний только начинался и участники борьбы с басмачеством стремились полученный опыт сделать достоянием широких народных масс. Поэтому изучение событий с самого начала приобрело огромное политическое и воспитательное значение.

История басмачества, как и некоторые другие темы истории советского общества, стала областью знаний, где развернулась острая идеологическая борьба. Историки-коммунисты, не снявшие еще солдатских шинелей или находившиеся на партийно-советской работе, пытались осмыслить ход исторических событий, происходящих у них на глазах. В центре их внимания находились не только боевые действия на туркестанских фронтах, но и такие важные проблемы, как классовая природа басмачества, его политические цели и роль международного империализма в организации басмаческих сил. В то же время те, кто выражал интересы национальной и русской буржуазии, феодально-клерикальных кругов и бывшего колониального чиновничества, фальсифицировали великие завоевания Октября, национальную политику Коммунистической партии и ход самой гражданской войны. Так советская историческая наука уже на заре существования государства

рабочих и крестьян вступила в непримиримую борьбу с идеологами враждебного классового лагеря. Следует отметить, что и историки-коммунисты не все и не сразу смогли правильно оценить историю становления и упрочения Советской власти в регионе, историю Коммунистической партии Туркестана в годы гражданской войны, историю борьбы с басмачеством.

Вместе с тем уже в то время в литературе закрепляется мнение, что басмачество — контрреволюционное явление, которое «питается в первую голову реальной поддержкой байства, богачей-спекулянтов» и вследствие этого ведет борьбу с «мирными кишлачниками», которые находятся «на стороне Советской власти». Эти мысли присутствуют в статьях Назира Тюракулова, М. Шкляра[3].

В связи с изучением состава ферганских и хорезмских басмачей А. Виноградов, В. А. Гурко-Кряжин и другие авторы поднимают вопросы о роли английских империалистов в организации басмачества[4].

Однако далеко не вся литература, изданная в нашей стране, объективно отражает историю басмачества.

В реакционной буржуазной историографии для доказательства некоторых положений и идей басмачества часто используется книга троцкиста Г. Сафарова «Колониальная революция (опыт Туркестана)», опубликованная в 1921 г.[5]

Г. Сафаров, например, считал, что, поскольку в Туркестане господствовали докапиталистические отношения, здесь не могли быть созданы социально-экономические и политические предпосылки революции. По этой же причине трудящиеся местных национальностей якобы не были подготовлены к восприятию идей социалистической революции и Советской власти. Так в историографии появляется взгляд «об экспорте» революции из Советской России в национальные окраины.

Г. Сафаров, полностью игнорируя мероприятия Советов по ликвидации наследия царизма, высказал мнение, что Октябрьская революция в Туркестане закрепила колонизаторский характер власти. «Пролетарская диктатура здесь с первых же шагов приняла типично колонизаторскую внешность»[6], — писал он. Так родилась «теория» о продолжении Советской властью старой колониальной политики русского царизма, ставшая исходной для всех фальсификаторов истории народов Средней Азии. «Колониальный характер Советской власти» в Туркестане не только не изживается, но, по домыслам Г. Сафарова, еще больше «усугубляется» в связи с полным окружением Туркестана фронтами[7] гражданской воины.

Такие исходные позиции автора не соответствуют

действительности. Известно, что в эпоху империализма к анализу предпосылок социалистической революции надо подходить с позиций положения мировой системы империализма в целом. Именно такой подход дает возможность исследовать историю свершения и победы социалистической революции в Туркестане как закономерный и исторически неизбежный процесс развития общества.

В. И. Ленин требовал учитывать возможность перерастания антифеодальных и национально-освободительных революций в социалистические. Он писал: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»[8].

Ленинский подход предполагает анализ предпосылок революции в Туркестане и изучение национальноосвободительной борьбы, на которую поднимались его народы, не изолированно, а в тесной связи с рабочим движением в России и деятельностью Коммунистической партии, частью которой были большевистские организации в Средней Азии. Руководствуясь ленинским учением, советские историки пришли к выводу, что «победа социалистической революции в Туркестане явилась результатом совместной героической борьбы трудящихся всех национальностей под руководством русского рабочего класса во главе с Коммунистической партией, сумевшей соединить разнородные процессы в единый мощный революционный поток, тем самым придав назревшим объективным возможностям могучую силу действия»[9].

Объективистски и упрощенчески Г. Сафаров трактовал вопрос о басмачестве. Он заявлял, что басмачество возникло «на почве экономического кризиса, разрушившего хлопковое хозяйство»[10]. Классовый анализ причин возникновения басмачества подменен здесь вульгарно-экономическим. Известно, что басмачество является проявлением классовой борьбы байства, местной буржуазии и реакционного мусульманского духовенства против диктатуры пролетариата. Экономический кризис и упадок хлопководства были использованы главарями басмачества, а само басмачество только усугубило тяжелое хозяйственное положение.

Как определял Г. Сафаров степень участия в басмачестве трудящихся местных национальностей? Если, считал он, «Туркестанская Советская власть противостоит мусульманской бедноте как чуждая и враждебная сила»[11], если «красногвардейская атака… еще больше привязала киргизскую,

узбекскую и туркменскую бедноту к своим манапам, баям и улеме»[12], то этой бедноте ничего другого не оставалось, как идти в ряды басмачей. События, связанные с объединением басмачей и так называемой кулацкой «Крестьянской армии», он характеризует как «заключительный аккорд колонизаторской эпопеи»[13].

Кто же боролся в Туркестане с басмачеством и другими контрреволюционными силами? Ответ у автора один — в первую очередь Красная Армия, состоявшая, по Сафарову, из «деклассированных элементов». Но и эта оценка, очевидно, оказалась недостаточной, и он тут же добавил, что в ее рядах находились представители «колонизаторской партизанщины»[14].

Указанные взгляды Г. Сафарова не подтверждены в книге какими-либо документами, конкретными материалами из жизни народов Средней Азии в первые годы Советской власти, а являются по существу голым теоретизированием и в целом выпадают из формировавшейся советской историографии. Г. Сафаров и не пытался изучать факты, сделать хотя бы попытку осуществить научный подход в рассмотрении поднятых вопросов. Лишь немногие авторы из его ближайшего окружения (Е. Козловский, Г. Скалов, С. Гинзбург и др.) некритически восприняли отмеченные мысли. Небезынтересно отметить и то, что впоследствии Г. Сафаров, будучи активным участником троцкистско-зиновьевского оппозиционного блока, на практике показал себя противником ленинского плана строительства социализма в СССР.

В противовес Сафарову целая группа историков, публицистов и государственных деятелей — Ф. Ходжаев, П. Алексеенков, С. Айни, Н. А. Паскуцкий, Ди-Мур и др.[15] стремились объективно осмыслить историю борьбы с басмачеством. Так, в книге известного среднеазиатского писателя и историка Садриддина Айни заложена основа изучения истории басмачества на территории Бухарской народной /советской республики. Ди-Мур, исследуя те же сюжеты, писал, что восточнобухарское басмачество с начала до конца развертывалось «под знаком реакционного феодализма, пытающегося вокруг широкой панисламистской программы объединить все антисоветские, контрреволюционные элементы». Развивая этот исходный тезис, Ди-Мур показал, что проповедуемые эксплуататорскими верхами и духовенством лозунги об общности интересов и целей коренных жителей Средней Азии чужды трудящимся массам и «рассчитаны лишь на тонкий слой мусульманской интеллигенции и купечества»[16]. Главарями басмачества, отмечал Ди-Мур, выступали бывшие беки, муллы, чиновники, турецкие офицеры.

Большой вклад в дальнейшее изучение истории басмачества в 30-х гг. внес П. Алексеенков[17]. Он довольно подробно проследил отличие дореволюционного басмачества от послеоктябрьского, охарактеризовал процесс классовой дифференциации в туркестанском кишлаке. Послеоктябрьское басмачество, писал он, «по своему существу ни в коей степени не было продолжением или развитием дооктябрьского басмачества», оно «взяло от дооктябрьского басмачества в основном лишь его внешнюю форму, а по своему существу оно представляло собой независимое от него движение, имело совершенно особые социально-экономические причины и ставило перед собой в значительной степени иные, чем дооктябрьское басмачество, цели»[18].

П. Алексеенков коснулся и роли субъективного фактора в формировании басмачества. Он твердо стоял на том, что ошибки в области национальной политики не могли быть «причиной возникновения басмачества»[19]. Они, по его мнению, лишь были использованы контрреволюционными силами в своих целях. Кроме того, П. Алексеенков показал, что в басмачестве для совместной борьбы против Советской власти в единый блок объединились местные эксплуататоры и русское кулачество.

В 40-е и 50-е гг. делаются новые шаги в изучении проблемы. Роли английского империализма в организации басмачества, снабжении его оружием и боеприпасами были посвящены работы С. П. Тимошкова и А. Х. Бабаходжаева[20]. Впервые в советской историографии, использовав богатый материал, авторы показали, как английский империализм планировал свою агрессивную политику по отношению к Советскому Востоку, какие цели преследовал и какими методами стремился их достичь. Следует отметить, что политика американского империализма в Средней Азии и методы ее осуществления еще слабо изучены.

Внимание историков привлекала и роль Туркко— миссии ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП (б), Средазбюро ЦК ВКП(б) в борьбе с басмачеством после окончательного соединения Туркестана с центром страны (сентябрь 1919 г.)[21]. В результате постановки этой темы и привлечения новых источников, главным образом извлеченных из центральных архивохранилищ, более основательно стала исследоваться деятельность ЦК партии, Советского правительства и их полномочных органов в Туркестане по организации борьбы с басмачеством. Был изучен ряд аспектов партийно-политической работы среди трудящихся местных национальностей, показано изменение тактики борьбы с басмачеством, осуществленное под руководством М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева. Одновременно

наметились новые темы исследований: широкое привлечение представителей местных национальностей в Красную Армию и на фронт борьбы с басмачеством, деятельность партийных и советских организаций в кишлаках и аулах и др.

В 40-х — начале 50-х гг. продолжалось изучение истории борьбы с басмачеством в районах современной Киргизии, Туркмении, Таджикистана[22]. Заслугой Азиза Ниалло (А. В. Станишевского) и П. П. Никишова является попытка показать борьбу с басмачеством в Киргизии начиная с возникновения первых банд и до середины 20-х гг. В трудах по этой проблеме наряду с другими вопросами рассмотрена борьба частей Красной Армии, сформированных из трудящихся местных национальностей, с басмаческими шайками.

Вместе с известными успехами в изучении истории борьбы с басмачеством в те годы имелись и некоторые существенные недостатки, которые до конца 50-х гг. в определенной мере объяснились довольно узкой Источниковой базой. В научный оборот не были введены ценнейшие материалы центральных и местных архивов. Недостаточное внимание уделялось изданию воспоминаний активных участников гражданской войны, в результате чего некоторые важные стороны исторического процесса оставались почти неисследованными. Сказывались также отрицательные последствия культа личности, вследствие чего не раскрывалась в нужном объеме решающая роль народных масс, в особенности роль трудящихся местных национальностей, в борьбе с интервентами, белогвардейцами и басмачами, не исследовалась роль В. И. Ленина как организатора и руководителя побед в гражданской войне, слабо освещалась деятельность местных партийных и советских организаций по руководству трудящимися массами. Имена многих партийных, советских и военных деятелей, сыгравших большую роль в борьбе с басмачеством, в работах почти не упоминались.

Преодоление этих и некоторых других недостатков проходило в творческой обстановке, созданной после решений XX съезда партии, в ходе освоения новых источников, ставших доступными для исследователей, в условиях роста кадров историков Средней Азии. Особенно большое значение имели «новые сборники с публикациями из ленинского идейно-теоретического наследия («Военная переписка», XXXVI Ленинский сборник), переиздание протоколов VIII, IX и X съездов РКП (б). Постепенно сказались результаты деятельности окрепших и развернувших творческую работу институтов истории союзных академий наук и филиалов ИМЛ при ЦК КПСС. Последними были опубликованы сборники воспоминаний участников Октябрьской

революции и гражданской войны в Средней Азии[23]. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил и издал в 1960–1961 гг. трехтомный сборник документов «Из истории гражданской войны в СССР», часть документов которого отражает историю борьбы с басмачеством.

Пониманию специфических условий борьбы с басмачеством в Туркмении, а также уяснению мобилизующей роли местных партийных организаций помогают книги Ш. Ташлиева и М. Языковой, а также монография М. IL Покровского[24].

Для среднеазиатской историографии особенно важное значение приобрело появление тематических сборников ленинских произведений, затрагивающих историю Средней Азии, например: «В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане» (1957) и «В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане» (1960). Вышли в свет также «Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918–1924)» (1958), «Письма трудящихся В. И. Ленину (1917–1924 гг.)» (1964), «Трудящиеся Туркменистана В. И. Ленину» (I960). Теоретический и источниковый арсенал обществоведов Средней Азии обогатили Полное собрание сочинений и Биохроника В. И. Ленина.

Характерными особенностями начавшегося во второй половине 50-х гг. этапа исследования истории разгрома басмачества являются углубленное специальное изучение темы, более широкая постановка вопросов, привлечение новых источников. Уже в начале 60-х гг. появляются книги и статьи по проблемам, не освещавшимся в ранее изданных работах. Это относится прежде всего к вопросам интернационального сплочения трудящихся в борьбе с басмачами, а также к некоторым аспектам роли английского империализма как вдохновителя и организатора басмачества.

Роль международного, в первую очередь английского, империализма в развязывании и расширении гражданской войны в Средней Азии, в организации и руководстве басмачеством исследована А. Х. Бабаходжаевым. В его книгах на основе дополнительных источников дается новое понимание ряда принципиальных сторон во внешней политике английского империализма[25].

Заслугой А. Х. Бабаходжаева является рассмотрение политики английского империализма в Средней Азии, Афганистане и Иране под единым углом зрения. Такая постановка вопроса дала возможность выяснить два важнейших аспекта темы: значение разгрома английской интервенции и басмачества в Средней Азии для развертывания освободительного движения в Афганистане и Иране; взаимосвязь борьбы народов Средней Азии и Среднего

Востока против общего врага. Этот ракурс, как убедительно показал А. Х. Бабаходжаев, не противоречит тому факту, что трудящиеся Средней Азии под руководством Коммунистической партии сражались за социализм, а народы Среднего Востока вели национально-освободительную борьбу.

А. Х. Бабаходжаев широко использовал партийные документы, что позволило ему дать правильную политическую оценку целям и методам английской политики после победоносного завершения гражданской войны в центре России. Он показал, как после провала открытой интервенции английские империалисты перешли к организации антисоветских заговоров и мятежей, расширению басмаческих выступлений, подстрекая пограничные государства на антисоветскую агрессию, мечтая в конечном итоге о реставрации капитализма в нашей стране.

Известный вклад в изучение басмачества внесла книга М. Иркаева[26]. Большое место в ней отведено внутренним и внешним условиям возникновения басмачества, характеристике социальных корней и причин его значительного усиления в тот момент, когда во всей стране началось восстановление народного хозяйства. Автор справедливо утверждал, что социальной базой басмачества были феодалы, духовенство, чиновничество, байство и нарождавшиеся буржуазные элементы[27]. Рассматривая степень участия трудового населения в басмачестве, Иркаев приходит к общему выводу, что «в начальный период на территории Таджикистана басмачество имело значительный размах за счет отсталой и обманутой части населения»[28]. Участие трудовых масс в басмаческих бандах прослеживается в книге на всех этапах. Автор справедливо считал, что большинство трудящихся местных национальностей не примыкало к басмачам. Он писал, что «многие дехкане с первых же дней революции пошли за ней (новой властью. — *Авт.*), активно боролись за утверждение и укрепление власти Советов», что «значительная часть трудовых дехкан в начале борьбы за власть Советов занимала выжидательную позицию, затем в скором времени, познав плоды революции и советского строя, также начала поддерживать политику Советской власти»[29].

Успехи историографии гражданской войны в Средней Азии и Казахстане, накопление фактического материала, решение ряда принципиальных вопросов, а также рост кадров историков, сгруппировавшихся вокруг филиалов ИМЛ и институтов истории академий наук среднеазиатских республик и Казахстана, способствовали активизации исследовательской работы по истории партийных организаций. Вышли в свет монография по истории Туркестана, где широко освещается эта тема[30], книги

по истории отдельных республик и их компартий[31], другие историко-партийные труды[32].

Заслугой авторов этих работ является исследование борьбы против басмачества как составной и неразрывной части борьбы со всей среднеазиатской контрреволюцией, углубленное изучение истории ленинского решения национального вопроса в Туркестане и осуществления политики привлечения широких народных масс к защите республики, что обеспечило прочный военнополитический союз рабочих и крестьян всех национальностей Средней Азии.

В исследованиях 60-х гг. преодолен ряд недостатков и пробелов, присущих предыдущим изданиям, высказаны обоснованные мнения по некоторым вопросам, считавшимся ранее спорными или нерешенными.

Институты истории академий наук среднеазиатских республик и Казахстана, Казахский и Киргизский филиалы ИМЛ при ЦК КПСС совместно с архивными управлениями при Советах Министров и Центральными государственными архивами Казахской, Узбекской, Таджикской, Туркменской и Киргизской республик издали два тома документов о гражданской войне в Средней Азии и Казахстане[33]. Составители сборников выявили множество новых документов и материалов в архивах Москвы, Ташкента, Ашхабада, Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе, Оренбурга, Астрахани и других городов. Опубликовано 1158 документов, часть которых впервые вводится в научный оборот. Среди них — документы, связанные с басмачеством. Большую ценность представляет постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны от 25 декабря 1918 г. о «более энергичном наступлении на Оренбург» с целью ликвидации окружения Туркестана и соединения его с центром страны (т. I, с. 279), а также запись разговора по прямому проводу М. В. Фрунзе с И. П. Беловым 2 октября 1919 г. (т. II, с. 261–263). Эти материалы свидетельствуют о заботе В. И. Ленина, партии и Советского правительства о народах Средней Азии в тяжелые дни их жизни и борьбы. Впервые публикуемое письмо Деникина английскому генералу Маллесону (т. I, с. 363) еще раз подтверждает вывод советской историографии, что гражданская война в Средней Азии и Казахстане являлась составной частью борьбы во всей нашей стране. Оно раскрывает новый аспект роли английского империализма в антисоветской интервенции в Туркестане, о чем говорит и доклад Джунковского (одного из руководителей «Туркестанского союза борьбы с большевизмом») Деникину (т. I, с. 341), ответ последнего (т. I, с. 86–87), а также сообщение о связях басмачей с английским империализмом (т. II, с. 415–416).

История борьбы против басмачества в 1918–1923 гг. занимает большое место в двухтомнике «История гражданской войны в Узбекистане»[34]. Авторы этого издания, опираясь на успехи историографии предшествующего периода, сделали попытку решить ряд теоретических и методологических проблем (установить свою периодизацию гражданской войны в Средней Азии, показать закономерности и специфику политики «военного коммунизма» и нэпа в Туркестане и др.).

В двухтомнике приведен новый фактический материал о борьбе против басмачей, особенно на территории Бухарской и Хорезмской народных республик и Каракалпакии. Достоинством издания является глубокий анализ экономико-политической жизни народов Туркестанской республики, Бухарской и Хорезмской народных республик, без знания которой нельзя понять историю возникновения и краха басмачества. Более обстоятельно, чем это делалось ранее, раскрыта роль национальной политики партии при ликвидации басмачества в Фергане, показана хозяйственная, продовольственная и культурная деятельность партийных и государственных органов.

В этом издании впервые опубликованы некоторые документы ЦК РКП (б), Туркестанского бюро и Средазбюро ЦК партии за 1921–1922 гг., касающиеся борьбы против басмачества, показана их мобилизующая и организующая роль в разгроме врага, проанализированы материалы ряда местных партийных и советских органов.

Достижения в изучении басмачества были закреплены и приумножены в труде «История коммунистических организаций Средней Азии»[35]. Значение этой работы определяется не только тем, что в ней имеются написанные на высоком теоретическом уровне главы, излагающие историю партийного руководства борьбой против басмачества, но и главным образом тем, что в ней рассмотрен ряд теоретико-методологических проблем, имеющих большое значение для понимания закономерностей и особенностей разгрома контрреволюции в Средней Азии. К ним относятся: интернациональная миссия русского революционного пролетариата — руководящей силы в борьбе за освобождение трудящихся местных национальностей от социального и национального гнета; характер и особенности военнополитического союза рабочих и крестьян и его роль в победе над басмачеством; характер и цели народных революций в Бухаре и Хиве и процесс их постепенного перерастания в социалистические; закономерности некапиталистического пути развития народов Средней Азии; процесс консолидации большевистских организаций в условиях бывшей колониальной

окраины; отношение Коммунистической партии к различным классам, политическим партиям и организациям, действовавшим в Средней Азии в первые годы Советской власти.

Это исследование вносит новые элементы в понимание сущности басмачества. В главе «Коммунистическая партия Туркестана в период иностранной военной интервенции и гражданской войны» на основе предыдущих научных разработок и привлечения нового материала дан объективный ответ на вопросы о социальноклассовой природе басмачества и о причинах его наибольшего размаха первоначально в Ферганской долине, а затем — на территории Бухары и Хорезма.

Сущность басмачества определяется «вооруженной формой борьбы свергнутых местных эксплуататорских классов против диктатуры пролетариата»[36]. И далее: «Подавление басмачества не составляло бы особой трудности, если бы в нем участвовали лишь эксплуататорская верхушка и деклассированные элементы. Между тем дело обстояло значительно сложнее, ибо в состав басмаческих шаек влилось немало трудовых дехкан»[37]. Авторами дано объяснение причин, по которым часть трудового дехканства примкнула к басмачам, и показаны революционные силы, ставшие на защиту Советской власти. Постановка проблемы именно в таком разрезе дала возможность наиболее объективно осветить борьбу против басмачества.

История борьбы против басмачества отражена в двух общих работах о гражданской войне в Туркестане М. Х. Назарова и Ш. Т. Ташлиева и в монографии о периоде «военного коммунизма» Р. А. Наруллина[38]. Написанные главным образом в историко-партийном плане, эти исследования содержат богатый материал о мобилизующей и направляющей роли коммунистов Туркестана в борьбе с басмачеством.

Проблемы этой борьбы и осуществления ленинской национальной политики партии в Средней Азии отражены также в крупнейших обобщающих трудах по истории КПСС — многотомной истории партии и учебнике по истории КПСС под редакцией академика Б. Н. Пономарева. Так, в третьем томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза», в главе; посвященной разгрому контрреволюции на окраинах страны, говорится о басмачестве как орудии «борьбы международного империализма против социалистической революции», о том, что в период мирного строительства его ликвидация явилась «важнейшей задачей местных партийных органов»[39].

В учебнике широко и глубоко показана национальная политика партии в действии, ее влияние на ликвидацию фактического неравенства бывших отсталых народов, помощь им

всех народов России, и прежде всего русского рабочего класса. Названы имена выдающихся деятелей Средней Азии, воспитанных партией большевиков.

В историографии Средней Азии с конца 50-х гг. появляется новое направление, которое можно обозначить как изучение «персоналий». В литературе этого направления делается попытка нарисовать портреты руководителей и организаторов борьбы с басмачеством[40]. Различны биографии людей, о которых пишется в книгах данной серии, разные пути привели их в революцию в специфических условиях колониального Туркестана, эмирской Бухары и ханской Хивы, но цели у них были общие. Авторы показывают, как у партийно-государственных деятелей и героев гражданской войны вырабатывались воля и характер, мужество и бесстрашие, преданность интересам народа, что было так необходимо для борьбы с басмачеством.

Характерной особенностью данного направления историографии является исследование важных аспектов истории краха басмачества на примере деятельности революционеров. Эта работа должна быть продолжена, с тем чтобы создать целую галерею образов мужественных борцов за коммунистическое будущее, бессмертные подвиги которых являются вдохновляющим примером верности социалистической Родине.

В конце 70-х — начале 80-х гг. в условиях освободительной и справедливой борьбы афганского народа против международного империализма и сил внутренней реакции интерес к теме о среднеазиатском басмачестве вновь возрос. Советские историки, вооруженные большим опытом исследования коренных вопросов истории одной из особенно ожесточенных форм классовой борьбы — басмачества, попытались теперь ее осмыслить в свете борьбы афганских душманов против народной власти, а также других реакционных выступлений в странах Азии и Африки, направленных на свержение прогрессивных и демократических режимов.

В советской историографии в эти годы появляются новые обобщающие работы, подводящие итоги изучению истории борьбы с басмачеством в Средней Азии и намечающие перспективы дальнейшего исследования темы[41], а также стремящиеся проанализировать среднеазиатское басмачество в его сопоставлении с афганским душманством[42].

В трудах, написанных видными историками Москвы и Средней Азии, на основе достижений историографии предшествующего периода и новых теоретических и конкретно-исторических разработок отражены закономерности и специфические черты классовой борьбы в Средней Азии начиная с

момента победы Великого Октября и до полного разгрома басмачества, показана историческая обреченность и неизбежность его окончательного краха.

Характерными особенностями новейшей литературы является то, что каждый факт, событие большого или малого масштаба строго документированы, поставлены в соответствующий хронологический и тематический ряд и научно обоснованы; в оборот вводятся все новые имена руководителей и рядовых участников борьбы с басмачеством, особенно из числа трудящихся и интеллигенции коренных национальностей Средней Азии и Казахстана, что в свою очередь опровергает некоторые измышления фальсификаторов истории. Советские авторы дают достойный отпор отдельным выступлениям «советологов», специализирующихся по среднеазиатской проблематике.

Б. В. Лунин и Э. Ю. Юсупов на основе анализа состава басмаческих и душманских банд показали сходство их социальных корней и истоков, разобрав методы и тактику действий — установили адекватность их задач и целей. Особое внимание авторы уделили обоснованию мысли о том, что и басмачество и душманство не могли бы так долго существовать без направляющей роли и неограниченной помощи со стороны реакционных кругов империализма.

Анализ развития научной мысли по теме за все время ее отражения в литературе позволяет прийти к следующим выводам.

В результате коллективных усилий большой группы историков республик Средней Азии и Казахстана, научных работников центральных исследовательских институтов выработана марксистско-ленинская концепция сущности и классовых корней контрреволюционного басмачества. Создана достоверная картина проходившей под руководством Коммунистической партии героической борьбы народов Средней Азии, защищавших завоевания Великого Октября от покушений объединенных сил белогвардейцев, басмачей и интервентов.

На основе марксистско-ленинской методологии решены многие кардинальные вопросы истории борьбы с басмачеством. По этой весьма важной для исторической науки теме написаны специальные исследования, в том числе монографии и статьи, разделы, главы и параграфы в обобщающих работах по истории гражданской войны в Средней Азии, истории среднеазиатских партийных организаций, в книгах по отдельным теоретическим вопросам, в той или иной мере связанным с классовой борьбой в 20–30-х гг. В центр внимания становится изучение решающей роли в этой борьбе трудящихся масс, руководимых

Коммунистической партией. Доказано, что, борясь за сохранение Советской власти в Средней Азии, Коммунистическая партия создала и укрепила военно-политический союз между рабочим классом и трудовым дехканством, ставший решающей социальной и политической силой, которая обеспечила победу над врагом. Важнейшим фактором, способствовавшим укреплению этого союза в условиях Средней Азии, было неуклонное проведение Коммунистической партией ленинской национальной политики.

Не менее важным условием организации успешной борьбы против контрреволюции в Туркестане было оказание повседневной экономической и военно-политической помощи народам Средней Азии со стороны ЦК РКП (б), Советского государства и всего русского народа. Эта помощь цементировала дружбу народов России с народами Туркестана, Бухарской и Хорезмской народных республик.

Все полнее стала раскрываться роль Коммунистической партии, ее Центрального Комитета во главе с В. И. Лениным в разгроме объединенных сил интервентов и внутренней контрреволюции в этом регионе. Советскими историками многое сделано, чтобы в полном объеме показать теоретическую и практическую помощь, оказанную В. И. Лениным партийной организации Туркестана, его борьбу за идейно-организационное укрепление КПТ, за победу идей марксизма и пролетарского интернационализма в партийных организациях, возникших после победы Октября на восточных окраинах России. Благодаря умелому руководству ЦК РКП (б) во главе с В. И. Лениным, помощи полномочных органов ЦК и Советского правительства — Туркомиссии, Туркбюро (позднее Средазбюро) ЦК коммунисты Средней Азии, преодолев огромные трудности, исправив ошибки и недостатки в своей работе, сумели выковать многочисленные кадры местных работников и стать тем передовым отрядом рабочего класса и трудового дехканства, который возглавил борьбу за упрочение Советской власти и социалистическое строительство в крае, за победу в гражданской войне.

Историки дали в основном правильные ответы на такие сложные и важные вопросы, как социальноклассовая природа басмачества, причины его относительно длительного существования в отдельных районах Средней Азии, формы и методы иностранной интервенции, а также причины краха английской интервенции в Туркестане.

Большую роль в понимании причин краха басмачества сыграло исследование национальной и аграрной политики Коммунистической партии. В связи с этим началось изучение

форм и методов вовлечения в социалистическое строительство трудящихся масс местных национальностей, их сплочения вокруг пролетариата и Коммунистической партии. В ряде работ показано, как в борьбе с басмачеством и другими контрреволюционными силами выковывался нерушимый союз советских народов, развивался пролетарский интернационализм.

Расширена, особенно в последнее двадцатилетие, проблематика работ, что дало возможность развернуть изучение ряда аспектов истории гражданской войны в Средней Азии, длительное время не исследовавшихся. Если в 20–30-е гг., например, внимание историков привлекал в основном только ход боевых действий на фронтах, то сейчас интенсивно изучаются состояние тыла, единство фронта и тыла, расстановка классовых сил и их изменение на различных этапах гражданской войны, создание и укрепление союза рабочего класса с дехканством в годы войны и роль этого союза в победоносном ее завершении, национальная и аграрная политика партии. Одновременно раскрываются методы политической организации трудящихся в условиях некапиталистического пути развития, формы их приобщения к активной политической деятельности, что являлось одним из важных условий разгрома басмаческих шаек. В памяти народа воскрешаются имена многих командиров и политработников, а также героев гражданской войны, незаслуженно забытых или ранее вовсе не упоминавшихся в историографии.

Однако до сих пор существует известная неравномерность в исследовании ряда проблем. Военная и политическая история борьбы с басмачеством изучена более полно по сравнению с социально-экономическими условиями его возникновения и разгрома.

Заканчивая обзор литературы по истории разгрома басмачества, следует подчеркнуть, что в 60–80-е гг. научный уровень исследований заметно повысился. Немаловажную роль в этом сыграли расширение источниковой базы, повышение квалификации историков, укрепление научно-исследовательских учреждений и кафедр общественных наук вузов Средней Азии. Основной формой исследования постепенно становится монография.

Таким образом, достигнуты новые качественные результаты в изучении темы. Вместе с тем нельзя считать, что все проблемы уже решены, что исследование темы полностью завершено. Впереди создание трудов, достойных требований, поставленных перед исторической наукой XXVII съездом КПСС.

Отдельную группу публикаций составляют монографии и

статьи, направленные против фальсификации истории борьбы с басмачеством в Средней Азии[43].

Анализ указанной литературы позволяет выявить некоторые тенденции, характерные для развития данного направления советского обществознания. Рассматриваемая проблема является составной частью обширной литературы, посвященной борьбе с антикоммунизмом и антисоветизмом и направленной прежде всего против извращения национальной политики КПСС и Советского государства[44]. Книги и статьи И. С. Зенушкиной, В. И. Салова, М. И. Куличенко, Э. А. Ваграмова, Ю. И. Игрицкого и других советских историков приобретают большое значение в понимании целенаправленности фальсификации «басмаческой про блематики», ее места и роли в общем потоке антисоветизма. В монографиях Х. Ш. Иноятова, Г. А. Хидоятова, К. М. Новоселова и др. показано, как зарождался и разрабатывался миф о «народном характере» басмачества, умалчивалась или затушевывалась роль англоамериканского империализма в возникновении и разжигании басмаческих выступлений, определении целей и задач, ставившихся перед басмаческими шайками и перед всем басмачеством в целом.

Литература, связанная с рассматриваемой проблематикой, играет свою роль не только в разоблачении реакционной и антисоветской сути буржуазной историографии. Она, несомненно, способствует утверждению в науке марксистско-ленинской концепции басмачества как одного из проявлений острой классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата.

В советской историографии обращено внимание на перераспределение центров, изменение «географии» изданий по басмачеству. Если в первые годы после победы Октября данная тема разрабатывалась первоначально в Турции, Англии, Германии, США и Франции, то ныне главными ее «очагами» стали США, Англия, ФРГ и Франция. Другая сторона этого вопроса состоит в том, что советские историки первоначально включились в борьбу против фальсификаторов из англоязычных стран и отчасти из ФРГ, а ныне выступают еще и против исказителей нашей истории из Франции.

Советские историки (Г. Хидоятов и др.) разоблачили истинное лицо и классовые цели фальсификаторов истории басмачества, показав, что некоторые из них являются изменниками Родины, платными агентами зарубежных разведцентров.

Советские исследователи обратили внимание также на то, что ряд современных буржуазных историков в какой-то мере изменили тактику своей фальсификаторской деятельности:

вместо прежней беззастенчивой лжи, рассчитанной главным образом на малоосведомленного читателя, ныне они вынуждены признавать определенные успехи Советской власти, ее национальной политики. На этом фоне, под влиянием успехов советской историографии и деятельности прогрессивных авторов капиталистических стран происходит своеобразная «модернизация» взглядов на басмачество.

Однако признавая бандитский характер многих басмаческих шаек, грабеж ими мирного населения, современная «советология» не отступает от своего главного мифа — о «народном» характере басмачества.

Грубым вымыслом является утверждение Беннигсена, Броксап, Мортимера о том, будто бы в последние сорок лет в советской литературе почти не затрагивался вопрос о басмачестве и тема стала активно разрабатываться только с конца 70-х гг., обусловливая это исключительно событиями в Афганистане[45]. Предыдущий обзор литературы убедительно опровергает это заявление и подтверждает вывод советской историографии об увеличении потока работ буржуазных авторов по истории басмачества в связи с борьбой афганского народа против внутренних и внешних врагов. Уже в 60-е гг. Г. Хидоятов привел данные американского профессора Армстронга, свидетельствовавшие о том, что Средней Азии и Украине в американской литературе, касающейся «советской проблемы», посвящено наибольшее число работ[46]. Ныне эта тенденция закрепилась.

Высоко оценивая достижения советской историографии в разоблачении фальсификации истории басмачества, нельзя не отметить и некоторые ее спорные положения. Вряд ли абсолютно справедлива мысль о том, что «басмачество сыграло *большую роль* (выделено нами. — *Авт.*) в укреплении Советской власти», так как оно якобы «встряхнуло деревенскую бедноту в среднеазиатских кишлаках, провело резкую дифференциацию между имущими и неимущими, между богатыми и бедными в деревне. Быть может, *впервые в истории* (выделено нами. — *Авт.*) беднейшие элементы среднеазиатской деревни увидели всю эксплуататорскую верхушку во всем обличии, без прикрас, узнали ее цели, увидели всю опасность, грозящую им»[47]. Борьба с басмачеством, конечно, «встряхнула деревенскую бедноту», способствовала ее сплочению вокруг Советской власти. Однако «впервые в истории» истинное лицо басмачей, их цели и зверства были показаны уже во время существования «Кокандской автономии». Сами же басмачи всеми силами стремились разрушать Советскую власть.

В существующей литературе крайне недостаточно показаны «центры», ведущие разработку проблематики басмачества. Без такого анализа трудно уяснить концептуальную сущность взглядов буржуазных авторов.

Неверным является положение, при котором зарубежная историография представлена лишь ее реакционным направлением, а труды, принадлежащие перу прогрессивных авторов, стремящихся внести свой вклад в борьбу с фальсификаторами, исключены.

Наконец, отметим, что до сих пор не была написана отдельная книга о фальсификаторах басмачества (обычно искажение истории басмачества рассматривалось в главах или параграфах общих работ по истории гражданской войны и о национальной политике Советского государства), в которой была бы освещена вся сумма проблем, относящихся к данной теме.

В современных условиях имеется полная возможность и большая надобность *в целом* раскрыть антисоветский и контрреволюционный характер фальсификаторской литературы о басмачах, проследить объективные и субъективные факторы ее развития на разных этапах существования всей «советологии». В этом общем контексте будет показана и та идейная борьба, которая направлена на разоблачение ведущих концепций буржуазных авторов.

2. Объективные характеристики басмачества в зарубежной литературе

Ряд ученых, прогрессивных политических деятелей за рубежом обращались и поныне обращаются к истории становления Советской власти в Средней Азии, и в том числе к истории разгрома басмачества. Интерес к этому периоду вызван у них различными причинами: некоторые пытаются постичь поучительную во многих отношениях историю народов Советского Востока в связи с развитием мирового революционного процесса; другие рассматривают борьбу с басмачеством в общем контексте истории СССР и истории КПСС; третьи изучают эти проблемы в связи с анализом причин и условий краха англо-американской интервенции против Советской России.

В буржуазной историографии, пытающейся с объективных позиций показать историю разгрома басмачества, имеется также несколько направлений.

Особый интерес представляют работы зарубежных историков-марксистов. Применяя общеметодологические принципы партийности и историзма, Э. Киш (Чехословакия), П. Вайян-Кутюрье (Франция), Р. П. Датт, Э. Ротштейн (Великобритания), Ш. Сардисаи (Индия) и др. в своих трудах раскрыли сложность классовой борьбы в Средней Азии в первые десятилетия после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, показали международное значение осуществления Коммунистической партией Советского Союза ленинской национальной политики.

В конце 20-х — начале 30-х гг. жизнь среднеазиатских республик, огромные социально-экономические перемены в них, ставшие возможными благодаря успешному воплощению в действительность ленинской национальной политики, ярко отображались на страницах публицистических произведений французского писателя-коммуниста П. Вайяна-Кутюрье[48] и известного писателя Э. Киша[49][50].

Э. Киш, рассказывая о социалистическом строительстве в Узбекской, Туркменской, Таджикской республиках, привел характерные примеры и убедительные доказательства участия трудящихся местных национальностей в борьбе с басмачеством. Он опубликовал данные о помощи иностранных империалистических кругов антисоветским силам в Средней Азии, об истинных целях английской интервенции в

Туркестан[51]. Автор упоминал имена отдельных героев борьбы с басмачами, останавливался на массовом движении «красно—палочников», сыгравшем значительную роль в разгроме басмачества. Он указал, что к 1931 г., когда осуществлялась политика коллективизации, надежды националистических эмигрантских кругов за границей и их иностранных покровителей на «всенародное восстание против Советской власти» были беспочвенны.

Р. П. Датт, видный английский политический деятель[52], еще в 50-х гг. отмечал революционное влияние успехов некогда отсталых народов царской России на народы колониальных стран: «Факт равноправия и быстрого развития бывших колониальных территорий старой царской империи, в особенности среднеазиатских республик, вызывает негодующее размышление у всех колониальных народов»[53]. Автор в своей книге привел многочисленные данные и факты о значении социалистической революции в Туркестане, об участии его народов в строительстве социализма.

Во второй половине 60-х гг. прогрессивный индийский автор, член Национального Совета Коммунистической партии Индии Ш. Г. Сардисаи писал об огромном влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на Индию. Правду Октября донесли до трудящихся Индии солдаты индийской армии, ставшие очевидцами, а некоторые и защитниками русской революции в Средней Азии, мусульманские эмигранты, воспринявшие в Советской России идеи ленинизма[54].

Представляют известный интерес статьи 70-х гг. коммуниста из США Уильяма Дж. Помероя, посвященные национально-государственному строительству в республиках Советского Востока[55]. Автор показал активную поддержку народами Средней Азии и Казахстана политики Советской власти, убедительно разоблачил миф о «колониальном» характере диктатуры пролетариата, установленной в Средней Азии.

Разоблачительные материалы о замыслах правящих кругов Великобритании в отношении Туркестана опубликовал в конце 70-х гг. известный общественный деятель, ветеран коммунистического движения, президент Общества британо-советской дружбы Эндрю Ротштейн[56][57]. Используя архивные материалы Министерства иностранных дел Великобритании, он привел данные о деятельности шпионско-дипломатических миссий, направленных в Туркестан, где они должны были «вступить в связь с антибольшевистскими элементами в этом районе»[58].

Ротштейн привел материал, свидетельствующий о связях

различных военных миссий Великобритании в Средней Азии с местными контрреволюционными силами, в том числе и с басмачами[59].

Произведения авторов-коммунистов поведали зарубежному читателю о грандиозных политических, хозяйственных и культурных изменениях в некогда отсталых районах бывшей царской России, о пробуждении восточной женщины, о ее стремлении активно участвовать в строительстве новой жизни, В их произведениях вскрывались захватнические цели антисоветской интервенции в Туркестане, роль международного империализма в сохранении басмачества в мирные годы строительства социализма в среднеазиатских республиках. На этом фоне была показана антинародная сущность басмачества, указано, что в результате разгрома басмачей народы Советского Востока смогли добиться впечатляющих успехов, поэтому опыт решения национального вопроса в СССР служит вдохновляющим примером для колониальных народов мира.

Буржуазные ученые и политические деятели прогрессивного направления стремятся объективно осмыслить историю гражданской войны в Средней Азии. Их труды утверждают неизбежную победу сил революции над силами, отживающими свой век и пытающимися повернуть вспять колесо истории; они помогают миллионам трудящихся за рубежом познать закономерность классовой борьбы.

Зарубежные либеральные историки и буржуазные публицисты супруги Коутс, У. Чемберлин (Великобритания), Дж. Куниц, У. Мандель (США)[60] и другие авторы в разное время с чувством уважения к прошлому и настоящему Советской страны поведали западному читателю о социально-экономических, культурных успехах, достигнутых народами Средней Азии за годы строительства социализма, и в связи с этим затронули тему басмачества[61].

В этом плане написана книга супругов Вебб[62] «Советский коммунизм». Авторы в основном объективно повествовали о национальной политике Коммунистической партии, ее осуществлении в бывшем колониальном Туркестане[63]. Они, в частности, писали о том, что в апреле 1918 г., хотя Советская власть еще не повсеместно утвердилась в Средней Азии, «в Ташкенте был открыт Туркестанский Народный Университет», который сыграл значительную роль в подготовке специалистов «из числа местных национальностей Средней Азии». Супруги Вебб также отметили роль Московского и Петроградского университетов в укомплектовании Ташкентского университета профессорско-преподавательским составом, в обеспечении его

книгами, учебным и лабораторным оборудованием. Все эти факты разоблачают буржуазных фальсификаторов, утверждающих идею о «колониальной политике» Советской власти.

Кроме специальных исследований отдельные периоды истории Средней Азии в эпоху социализма отражены также в ряде книг и статей, написанных политическими деятелями, журналистами и туристами, побывавшими в республиках Советского Востока. Среди них выделяются книги Джавахарлала Неру[64], бывшего французского губернатора Алжира А. П. Тюбера «Советская республика Узбекистан», Ж. Рожиссара «От Парижа до Самарканда», шведского журналиста А. Лунквиста «Маки Ташкента» и др.[65]

П. Сарджент, заместитель редактора английской буржуазной газеты «Дейли мейл», в книге «Новый путь в Самарканд» писал о том, что «мечты народов Среднего и Ближнего Востока стали сейчас действительностью в Советском Союзе»[66].

Дж. Пристли, английский буржуазный писатель, побывавший осенью 1962 г. в Узбекистане, отмечал: «…на расстоянии двух тысяч миль от Москвы люди разного расового происхождения, в том числе принадлежащие к народам, которых на протяжении тысячелетий разделяла традиционная вражда, мирно живут вместе в одном городе, довольные своей жизнью»[67].

Факты, приведенные Неру, Пристли и др., также способствуют пониманию тех огромных успехов, которых добились республики Советского Востока.

Рассмотрим более подробно книги, в которых освещаются проблемы басмачества.

В 30-е гг. наиболее всеобъемлюще, с привлечением большого круга источников история борьбы за социализм в Средней Азии была освещена в работах У. Чемберлина и Дж. Куница. Они дали иную, чем большинство буржуазных «советологов», характеристику причин возникновения и крушения басмачества.

Остановимся на таких значительных работах этих авторов, как двухтомное исследование английского историка У. Чемберлина «Русская революция»[68] и публицистическое произведение американского социолога Дж. Куница «Заря над Самаркандом: возрождение Средней Азии»[69]. Эти работы отличает широкое привлечение советских источников по истории гражданской войны в Средней Азии. Так, Чемберлин отмечал, что только благодаря военной помощи Великобритании могло существовать ашхабадское эсеровское правительство, что Англия намеревалась установить свой протекторат над всей Средней Азией[70]. Он считал, что попытка союза «Русской крестьянской армии» Монстрова с басмаческими силами Мадамин-бека «на

антибольшевистской платформе потерпела неудачу»[71]. Однако в объяснении поражения выступления басмачей в Восточной Бухаре в начале 20-х гг. Чемберлин близок к позиции большинства «советологов». Он называет следующие причины: отсутствие современного оружия (хотя общеизвестно, что басмачи получали пулеметы и винтовки английского производства через посредство бухарского эмира С. Алим-хана, обосновавшегося в Афганистане, и по другим каналам); «создание специальной армии (регулярной Красной Армии. — *Авт.*) под командованием офицера русского генерального штаба Какурина»[72]. На самом деле не только Н. Е. Какурин (впоследствии видный советский военный историк), но и другие военачальники, а также добровольческие отряды трудящихся местных национальностей сыграли одну из решающих ролей в разгроме басмаческих банд.

Как и другие авторы тех лет, Чемберлин преувеличивал роль зарубежных интернационалистов в установлении и упрочении Советской власти в Туркестане, разгроме басмачества[73]. Неверна и его оценка «Кокандского автономного правительства», которое он называл народным только потому, что оно включало «большое количество представителей среднеазиатского местного узбекского населения»[74]. Установлено, что эти «представители» — в подавляющем большинстве свергнутые Октябрем верхушки местных эксплуататорских классов (банкиры, заводчики, баи, представители духовенства).

Джошуа Куниц объективно осветил историю Средней Азии с момента присоединения к России и до начала 30-х гг. Написанное им исследование многопланово, оно затрагивает политические, экономические проблемы, вопросы культурного строительства. Рассматривается история басмачества. Автор, используя как советские, так и исходившие от басмачей (прокламации бухарского эмира, курбашей) документы, записи бесед с партийными и советскими работниками среднеазиатских республик, с участниками и очевидцами борьбы за Советскую власть в регионе, попытался раскрыть классовую природу басмачества, его антинародную, антинациональную сущность. Основное внимание Куниц уделил истории бывшего Бухарского эмирата и развитию в советское время Таджикистана, который ранее входил в этот эмират. Вскрывая истоки длительного существования бухарского басмачества, он выделил главную причину — помощь империалистических кругов Запада, в частности Великобритании, а также реакционных кругов Афганистана и Ирана.

Куниц дал объективную характеристику «Кокандскому автономному правительству», выделил причины возникновения

контрреволюционного правительства именно в Коканде: этот город — коммерческий и хлопковый центр с «относительно большим количеством среднего класса и очень малым контингентом революционных пролетариев и русских железнодорожных рабочих», удаленный от революционной столицы края — Ташкента[75].

В противовес авторам, трактовавшим «Кокандское правительство» как «национальное», «народное», Куниц подчеркнул, что по составу оно представляло собой «политический отдел местных хлопковых королей» и «⅓ национального правительства состояла из русской буржуазии»[76].

В оценке дореволюционного и послеоктябрьского басмачества Куниц также был не согласен с большинством «советологов», утверждавших, что представители того и другого выступали прежде всего против русского «колониального господства». Сам он писал, что «на основе целиком внешнего сходства этот термин («басмач». — Лет.) применяется к двум социальным феноменам, отличным друг от друга по происхождению и цели»[77]. И если до Октябрьской революции басмачи — это уголовники и бандиты, то после свершения социалистической революции — это представители «национальной буржуазии, феодальных и клерикальных элементов, лишенных наследства революцией», т. е. «в старую форму басмаческого разбоя было влито новое содержание»[78]. Басмачество приобрело политический, классовый характер: направляемое бывшими лидерами «Кокандского правительства» и «английскими представителями, находившимися в китайском Туркестане, они теперь начали координационные действия» с определенной политической целью — свергнуть Советское правительство[79].

Куниц указывал, что социальной базой басмачества являлись баи, а в первые послереволюционные годы — средние крестьяне[80]. Американский социолог показал причины участия части дехкан-середняков и беднейших крестьян в басмачестве: экономическая разруха вследствие интервенции и гражданской войны в Средней Азии; «невежество, фанатизм и культурная отсталость коренного населения»; «неопытность», ошибки советских руководителей в осуществлении политических и экономических мероприятий в Туркестане в 1917–1919 гг.[81] В басмачестве, подчеркивал Куниц, воедино слились «местные буржуазные националисты, мусульманское духовенство, русский империализм, православные священники и, конечно, бухарский эмир»[82].

Используя книги Эссертона и Блэккера, Куниц показал шпионскую деятельность английских миссий в Туркестане, их

организационную работу по консолидации всех контрреволюционных сил, и в том числе басмачей[83].

Впервые в буржуазной литературе 30-х гг. приводилась объективная оценка деятельности Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, главной целью которой, по мнению Куница, было улучшить работу коммунистических организаций, помочь восстановлению экономики региона, и «прежде всего привлечь к этой работе реорганизации и восстановления большое число туземных рабочих и крестьян»[84].

Куниц отмечал огромное революционизирующее значение образования в 1924 г. национальных республик в Средней Азии, встреченное с одобрением большинством местного населения[85], показал роль представителей республик в разгроме басмачества.

В противовес другим западным авторам Куниц указывал на большое значение осуществления земельноводной реформы в республиках Средней Азии, что подорвало социальную базу басмачества. Если большинство буржуазных авторов в экономической разрухе обвиняло Советскую власть, то Куниц подчеркивал, что это — результат деятельности басмаческих банд. В 1922 г., по его данным, в Восточной Бухаре численность населения сократилась на 25 %, посевная площадь — на 72, численность крупного рогатого скота — на 60 % и т. д.[86] Он также выделил причины длительного существования басмаческих банд в Восточной Бухаре (удаленность от центра, отсутствие дорог, близость к границе с Афганистаном)[87].

Наибольший размах басмачество приняло в Бухаре после 1920 г., что было связано с ожесточенной борьбой свергнутых эксплуататорских классов, с провозглашением здесь народного строя. К тому же, добавил Куниц, ошибки в экономической, административной политике, обусловленные политической незрелостью и даже предательством интересов народа некоторых руководителей БНСР, создали «атмосферу, благоприятную для распространения басмаческой пропаганды»[88].

Отличающуюся от оценки большинства буржуазных авторов объективную характеристику дал Куниц одному из организаторов и руководителей басмачеству — Энвер-Паше[89][90].

Куниц указал на неискренность намерений Энвер-Паши сотрудничать с Советской властью, ибо он преследовал корыстные цели, поэтому закономерным был его переход к басмачам. Автор подчеркнул, что Энвер «апеллировал к шовинизму высших классов и религиозному фанатизму масс», чтобы привлечь их в басмаческие банды, помочь ему в создании обширной пантюркской империи, в которую должны были войти Бухара, Туркестан, Афганистан, Казахстан[91].

Куниц замечает, что крах замыслов Энвера был предопределен тем, что он выступил против социалистической революции, оказавшей, как пишет автор, мощное влияние на Среднюю Азию и другие народы мира. К тому же политический порядок в Восточной Бухаре, где действовали басмачи, ничем не отличался от деспотического режима свергнутого эмира: те же чиновники, та же коррупция, то же угнетение крестьян[92]. Если «советологи» затушевывали эксплуататорскую сущность порядка в районах, захваченных басмачами, доказывали, что решающей причиной поражения войск Энвера было многократное превосходство частей Красной Армии, то Куниц подчеркивал, что одной из главных причин поражения басмачей в Бухаре является «сотрудничество дехкан с Красной Армией»[93]. Первым из западных авторов Куниц отметил позитивную роль профсоюзов, крестьянского союза «Кошчи» («Пахарь») в сплочении трудящихся масс города и деревни[94].

В годы второй мировой войны в Великобритании и США был издан ряд книг, в которых давалась объек тивная оценка строительства социализма в СССР. С ростом влияния Советского Союза — главного организатора антигитлеровской коалиции среди широких масс трудящихся усилился интерес к нашей стране, к ее истории. Стало возможным издание книг, объективно освещавших развитие Советского государства[95].

В годы войны вышло исследование У. Манделя «Советский Дальний Восток и Средняя Азия». В основу раздела о Средней Азии были положены статьи автора, опубликованные ранее в американских журналах[96] Работы Манделя в целом проникнуты объективным от ношением к Советскому Союзу. В них отмечаются экономические, политические и идеологические успехи среднеазиатских республик, достигнутые ими за годы Советской власти, дается обстоятельная оценка классовой борьбы первых лет революции. Манделем, одним из немногих буржуазных авторов, была выделена прогрессивная сторона восстания 1916 г. в Туркестане внесшего «вклад в свержение царизма следующей весной». Он обратил также внимание на то, что это восстание пробудило чувство национального самосознания, ибо в нем участвовало, по его данным, почти 8 млн. из 11 млн. человек коренного населения[97].

В противовес буржуазным авторам, утверждавшим что после Октябрьской революции большевики в Сред ней Азии столкнулись с всенародной оппозицией, Мандель доказывал, что в борьбе за трудящиеся массы большевики победили реакционеров-феодалов и националистическую буржуазию «своей политикой национального равенства»[98]. Основу басмаческих

банд, терроризировавших Среднюю Азию до 1931 г., составляли по мнению автора, беки, муллы, националистическая буржуазия, все те, кто мечтал о свержении Советской власти. Мандель отметил также, что басмачество до стигло своего апогея в 1921 г., когда его возглавил Энвер-Паша[99].

Экономические, политические и культурные мероприятия, подчеркивал Мандель, позволили Коммунистической партии уже в начале 20-х гг. в основном ликвидировать басмачество[100]. В привлечении широких масс трудящихся к социалистическому строительству сыграл большую роль союз «Кошчи». Обычно в буржуазной историографии тех лет эта проблема не освещалась, замалчивалась. Мандель, опираясь в значительной степени на исследование Дж. Куница, указал на значение организаторской деятельности союза «Кошчи» по привлечению беднейшей части дехканства на сторону Советской власти[101]. Национальная политика, индустриализация, коллективизация, пришел к выводу Мандель, обеспечили расцвет ранее самых отсталых в экономическом и политическом отношении районов царской России[102].

В 1945 г. в Великобритании супругами Коутс был выпущен сборник документов по истории англо-советских отношений[103]. Книга вышла в год победоносного разгрома фашистской Германии. В предисловии к сборнику авторы писали, что его изданием они стремились «улучшить связи между двумя правительствами и создать англо-советскую дружбу на солидной и прочной основе»[104]. В их сборнике, содержащем в основном материалы из крупнейших лондонских газет за 1917–1942 гг., была ярко показана порочность, бессмысленность антисоветской политики правящих кругов Великобритании в годы Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Приводились документы, разоблачающие вмешательство Великобритании в борьбу контрреволюционных сил против Советской власти в Закаспии и Туркестане[105].

В 50–60-е гг. в работах известных английских историков Э. Карра и уже упоминавшихся супругов Коутс[106] была дана оценка роли правящих кругов Великобритании в развязывании антисоветской интервенции в России, показана их помощь некоторым главарям басмачества в Средней Азии.

Э. Карр, крупнейший английский «советолог» тех лет, вопреки своей антисоветской концепции высказывал отдельные объективные, заслуживающие внимания суждения о ходе социалистического строительства в национальных районах Советского Союза. Он, в частности, в своем трехтомном труде «Большевистская революция» осторожно оценивал заявление

Кастанье о том, что Энвер-Паша должен был быть первоначально «посредником между большевиками и басмачами», полагая источники этого автора недостаточно надежными[107]. В отличие от большинства буржуазных реакционных историков, возвеличивавших авантюриста, он считал, что гибель Энвер-Паши — это «тривиальный конец мелодраматической карьеры»[108].

Карр и Коутсы, используя опубликованные советские источники, отметили ведущую роль Великобритании в осуществлении антисоветской интервенции в Средней Азии[109]. Супруги Коутс указали, что в мемуарах бывшего британского генерального консула в Кашгаре подполковника Эссертона и главы военной миссии Бейли приводятся факты об их связях с басмачами, русскими контрреволюционерами. Ими было отмечено, что надеждой контрреволюции стал Энвер-Паша, который в свою очередь с помощью басмачей стремился осуществить свои честолюбивые планы о «великом мусульманском государстве»[110]. Они также признавали, правда с оговорками, материальную (оружием и деньгами) помощь Великобритании басмачам Энвера.

Коутсы, как и Мандель, отметили положительное влияние политических, экономических мероприятий Советского правительства по ликвидации басмачества. Решающим в окончательном разгроме басмачества они считают 1931 год, когда окрепли и экономически расцвели республики Средней Азии[111].

В отличие от большинства буржуазных авторов Коутсы высоко оценивают национальную политику Коммунистической партии Советского Союза, дружбу народов рассматривают как «жизненно важный фактор» в развитии республик Средней Азии[112].

Прогрессивный французский автор М. Эгрето в книге «Советский Восток: Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Азербайджан» показал истинное обличье басмачей, убивавших советских партийных работников, дехкан, женщин, стариков, детей[113].

Во второй половине 60-х гг. тема басмачества была затронута индийским буржуазным историком Р. Вайдьянатхом в монографии «Образование советских среднеазиатских республик: исследование по советской национальной политике, 1917–1936»[114].

Он проходил стажировку в университетах Великобритании и Советского Союза, где ознакомился с архивами и с литературой этих стран. Исследование Р. Вайдьянатха изобилует архивными источниками Великобритании, современными ему работами советских ученых из республик Средней Азии. Подход к теме у

него неоднозначный: по некоторым вопросам индийский автор исходил из концепций, утвердившихся в западной реакционной буржуазной историографии, по другим высказывал отличающуюся от них оценку.

Более подробно, чем другие буржуазные авторы, Р. Вайдьянатх рассмотрел деятельность Туркомиссии. Он отметил, в частности, что экономические и политические меры, предпринятые Туркомиссией в борьбе с басмачеством, в целом оказались эффективными[115].

Как и многие индийские буржуазные авторы, Р. Вайдьянатх высоко оценивал образование социалистических республик в Средней Азии, открывшее путь к экономическому и культурному расцвету народов этого региона[116].

В наши дни традиции прогрессивных авторов 30–40-х гг. продолжают демократически настроенные ученые, общественные деятели, публицисты. Именно их правдивые публикации раскрывают перед трудящимися капиталистических стран непреходящее международное значение справедливого решения национального вопроса, наглядного примера преимуществ социализма. Среди этих авторов — ряд индийских ученых, и прежде всего прогрессивный общественный деятель и литератор Шидван Синг Чоуэн, автор книги «Национальный вопрос в США и СССР: (Сравнительное исследование)», и историк Д. Каушик — автор ряда книг о Средней Азии[117], а также канадец Б. Уайт, отразивший в своей публикации «Казахстан. Страна древней легенды, смешивающихся народностей и совершенных чудес»[118] политические и экономические успехи среднеазиатских республик.

Таким образом, видно, что ряд буржуазных авторов стремятся разобраться в причинах, социальной сущности и политической направленности басмачества. Хотя их оценки и суждения грешат порой непоследовательностью, будучи нередко сделаны под влиянием реакционных идей и взглядов, они все же служат делу научного осмысления истории классовой борьбы в Средней Азии на протяжении первого двадцатилетия существования Советской власти.

Глава II. Фальсификация: этапы и направления

1. Их профессия — фальсификация истории Средней Азии

В советской историографии верно подмечено, что острая идейная борьба по вопросам истории Октябрьской социалистической революции продолжается столько лет, сколько лет самой революции[119]. То же самое можно сказать и об идейной борьбе вокруг проблем, связанных с басмачеством. Буржуазная историография басмачества не представляет собой нечто застывшее и неизменное в области проблематики, центров и кадров. В разное время, на разных этапах в связи с конкретизацией глобальных условий и задач империализма, действиями сил реакции более интенсивно изучались то одни, то другие вопросы, происходило изменение источниковой базы, менялся круг авторов, исследующих басмачество, создавались и реорганизовывались «центры» по изучению проблемы и т. д.

Великая Октябрьская социалистическая революция, индустриализация и коллективизация в СССР, решающий вклад нашего государства в разгром фашизма во второй мировой войне, распад колониальной системы, образование мирового социалистического содружества, национально-освободительные революции последних лет в Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Афганистане влияли и влияют на буржуазную историческую науку, на концепции «советологов». Эти и некоторые другие события сказались на исследовании буржуазными авторами различных аспектов истории Великого Октября и гражданской войны в СССР, и в частности басмачества.

Рассматривая начальный период изучения басмачества в реакционной буржуазной историографии, можно сделать вывод, что для нее характерно, как и для всей «советологии» начала 20-х гг., почти полное отсутствие работ профессиональных историков и преобладание мемуарной литературы[120].

Послевоенный этап характеризуется появлением десятков исследовательских «советологических центров» в США, которые в настоящее время определяют главные направления антисоветских исследований. В 60–80-е гг. такие «центры» появляются в Италии, Японии, Израиле. В эти же годы стали регулярно проводиться международные конференции «специалистов по советским делам»[121].

С начала 1978 г., со времени Апрельской революции в Афганистане и антиимпериалистической, антишахской революции в Иране, буржуазная историография на примере

среднеазиатского басмачества пытается идеологически обосновать правомерность борьбы душманов против народного строя в Афганистане, использовать лозунги ислама в контрреволюционных целях[122].

В этих условиях своевременный отпор различного рода «советологическим» концепциям, разоблачение их антикоммунистической, антисоветской направленности приобретают огромное политическое значение» Оно не только вскрывает антинаучную сущность фальсификаторских версий о басмачестве в Средней Азии, но и служит делу разоблачения истинного лица афганских душманов, других реакционных антинародных выступлений, направленных на подрыв современного революционного процесса.

Рассмотрим более подробно, как зарождались и развивались «советологические центры», формировались кадры «специалистов» по истории Советской Средней Азии.

Великая Октябрьская социалистическая революция, коренным образом изменившая ход развития мировой истории, вызвала появление новой ветви антикоммунизма — «советологии». История «советологии» — это развитие ее организационной структуры (учреждений и центров), идейно-теоретического фундамента (методологии, представлений, концепций), причем идейно-теоретические концепции создавались раньше возникновения «исследовательских центров»[123].

До 1914 г. в США, Великобритании, других странах Европы изучению русской истории уделялось мало внимания. Только в 1915 г. в Англии была создана лондонская школа славянских и восточноевропейских исследований, в 1916 и 1918 гг. — институты Восточной Европы в Кенигсберге и Бреслау, в 1920 г. — Институт славяноведения в Париже. В США в 1919 г. при Стэнфордском университете был создан ведущий в современном мире антикоммунистический «центр» — Гуверовский институт войны, революции и мира, названный так в честь его основателя, президента США в 1923–1933 гг. Г. Гувера[124].

Сильное влияние на изучение истории СССР в советское и досоветское время оказала российская контрреволюционная эмиграция, объединившая в своих рядах представителей разнородных политических течений — от ярых монархистов до представителей так называемых социалистических партий (эсеров, меньшевиков)[125].

В США обосновались М. Карпович, Д. Вернадский, А. Мазур, занявшие высокое положение в преподавании истории советского

и досоветского периода в американских университетах. На их книгах выросли последующие поколения западных «советологов».

Среди эмигрантов, занявших ведущие места в «советологии» в 20-х — начале 40-х гг., были и буржуазные националисты, активные участники антисоветской борьбы в Туркестане, идеологи и вожди басмачества М. Чокаев, А. Валидов (Валиди Тоган), предатель родины Вали Каюмхан.

За десятилетия, прошедшие со времени выхода первых фальсификаций по истории советских среднеазиатских республик, изменилась их «география», авторский состав. Если среди авторов до войны преобладали бежавшие от социалистической революции буржуазные националисты, турецкие пантюркисты, то в последующий период их представляют в значительной степени профессиональные историки из США, Англии, ФРГ, Франции: В. Аспатурян, С. Зеньковский, А. Парк, Р. Пайпс, Э. Оллуорт, М. Рывкин (США); В. Коларз, Дж. Уилер (Англия); А. Беннигсен, Э. Каррер д'Анкосс, Ш. Лемерсье-Келькедже (Франция); В. Вурм, Б. Майснер (ФРГ)[126].

Белоэмигранты, предатели родины, в 20–40-е гг. стали авторами основного комплекса литературы по истории басмачества, носившей ярко выраженный антисоциалистический, националистический характер. Среди них М. Чокаев, А. Валидов (Валиди, Тоган), В. Каюмхан[127].

Различного рода белоэмигрантские и националистические издания способствовали утверждению антисоветских, антисоциалистических концепций по проблемам истории республик Советского Востока.

Только в 1925 г. в разных странах было зарегистрировано 364 периодических издания на русском языке. За 1918–1932 гг. вышло 1005 наименований русских эмигрантских журналов[128].

В 1920–1941 гг. в Париже выходил один из самых значительных эмигрантских общественно-политических журналов — «Современные записки», который основали эсеры Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков, М. В. Вишняк, А. И. Гуковский, В. В. Руднев. В Праге в 1920–1931 гг. В. Черновым издавался центральный орган партии эсеров «Революционная Россия». Там же в 1920–1932 гг. выходил эсеровский еженедельник «Воля России»[129].

В Югославии, Чехословакии, Германии в 20–30-е гг. возникли архивы русской эмиграции. Публиковались материалы и документы, мемуары, дневники, записки белогвардейских генералов, дипломатов, руководителей и участников борьбы с Советской властью. В Праге, например, при содействии чехословацкого правительства были созданы Историческое

общество, Донской казачий архив, Русский заграничный исторический архив (РЗИА)[130].

В 30-е гг. в Германии, Польше, Турции, Финляндии выходили периодические издания на тюркском, русском и европейских языках пантюркистского направления эмигрировавших из Советской России националистических лидеров азербайджанской, татарской буржуазии, бывших басмаческих главарей[131].

В Берлине с декабря 1931 по июнь 1939 г. ежемесячно выходил орган Национального совета Туркестана «Yas Türkistan» («Молодой Туркестан»), вдохновителем которого был М. Чокаев. Под его редакцией в Париже выходил в 1934–1935 гг. журнал «Туркестан. Новый журнал. Орган национальной защиты Туркестана» («Turkestan. Revue Nouvelle. Organe de defence nationale de Turkestan»)[132]. На страницах этих и других изданий печатались статьи М. Чокаева с антисоветскими измышлениями о революции в Средней Азии.

С 1927 по 1931 г. нерегулярно издавался «Yeni Türkistan» («Новый Туркестан»). Всего вышло 39 номеров[133]. Антисоветские лозунги и призывы к народам Советской Средней Азии неслись со страниц ежемесячника «Orhun. Aylik Turkin Mecmua» («Орхан. Пантюркистский ежемесячник»), выходившего нерегулярно в Стамбуле с конца 1933 по 16 июля 1934 г. и с 1 октября 1943 по 1 апреля 1944 г. Он освещал вопросы культуры, истории, литературы народов Закавказья, Поволжья, Средней Азии. В 30-х гг. его издателем был Хусейн Н. Азиз (Atsziz), проповедовавший лозунг «Туркестан для туркестанцев»[134].

Помимо эмигрантских периодических изданий тема басмачества находила отражение на страницах исторических и общественно-политических журналов Великобритании, Франции, ряда других капиталистических стран.

В исторических журналах Великобритании, таких, как «Journal of the Royal Central Asian Society» («Журнал королевского Среднеазиатского общества»), «Asiatic Review» («Азиатское обозрение»), в начале 20-х гг. были опубликованы пространные воспоминания участника шпионской миссии Бейли в Ташкенте Л. Блэккера «Войны и путешествия в Туркестан»; бывшего генерального консула в Кашгаре Дж. Маккартнея «Большевизм, каким я его видел в Туркестане в 1918 г.»; руководителя антисоветской интервенции в Закаспии У. Маллесона[135] «Британская военная миссия в Туркестане, 1918–1920», других активных участников антисоветской интервенции в Туркестане[136]. Во Франции одним из первых «советологов», обратившихся к теме басмачества, был Жорж Кастанье[137].

В 20–30-е гг. кадры «советологов» составляли

преимущественно белоэмигранты, участники и свидетели антисоветской интервенции.

В годы второй мировой войны в Германии интенсивно продолжалось «изучение» истории республик Средней Азии учреждениями «Остфоршунга» — наследниками созданного в 1913 г. Германского общества по изучению Востока[138]. Главным назначением книг, издаваемых под эгидой указанного общества, было теоретическое обоснование и практическое обслуживание реваншистской политики германского империализма, идеологическая обработка населения Германии в антикоммунистическом духе. Помимо этого действовали старые и создавались новые антисоветские, националистические организации[139].

В те же годы выходил антисоветский журнал «Милли Туркестан» («Национальный Туркестан»), в котором стал активно сотрудничать Б. Хаит. Им же в 1944 г. была издана в Германии «Краткая история Туркестана»[140], содержащая явную клевету на советский строй и фальсификацию проблемы участия народов Средней Азии в социалистическом строительстве.

Вторая половина 40-х гг. — период развертывания «холодной войны» — характеризуется усилением антисоветской пропаганды, обвинениями в адрес Советского Союза в распространении «коммунистической экспансии» в связи с установлением народно-демократических режимов в ряде стран Восточной Европы.

Круг авторов из профессиональных историков, занимавшихся «советологией», пополнили в США и Англии потомки белоэмигрантов, предатели Родины, политические эмигранты из стран народной демократии[141]. В эти годы создаются новые «советологические исследовательские центры», субсидируемые государственными организациями, частными компаниями, фондами и т. п.

В 1946 г. при содействии фонда Рокфеллера был создан Русский институт при Колумбийском университете, в 1948 г. на средства корпорации Карнеги — Русский исследовательский институт при Гарвардском университете[142]. Важную роль в подготовке профессиональных историков по изучению Советской Средней Азии и поныне играет фонд корпорации Карнеги, который отпускает на это немалые средства. Так, начиная с 1947 г. он финансирует подготовку кадров «среднеазиеведов» и исследовательскую работу по Средней Азии в стенах Гарвардского университета[143].

В 40-е гг. продолжали издаваться журналы, в которых отражались материалы и по истории советских среднеазиатских республик: «Slavic Review» («Славянское обозрение»), «Russian

Review» («Русское обозрение») и ряд других.

В Великобритании в эти годы продолжало функционировать «Среднеазиатское королевское общество», основанное в 1901 г. Оно издавало свой печатный орган «Journal of the Royal Central Asian Society» («Журнал королевского Среднеазиатского общества»).

Состав «советологов» в то время, как мы уже отмечали, был чрезвычайно разнообразным, в их рядах — и бывшие военные разведчики, в частности Ф. Бейли[144].

50-е годы отмечены размахом «холодной войны», неистовым антисоветизмом. Это не могло не наложить отпечаток на развитие буржуазной историографии в целом и конкретно историографии по Советской Средней Азии. В эти годы и в начале 60-х гг. появляются новые «советологические исследовательские центры» в США, Великобритании, ФРГ, Франции, увеличивается число «специалистов», занимающихся проблемами Советского Союза, Многие из «центров» в большей или меньшей степени «исследуют» и историю Советского Востока, среди них — «Среднеазиатский исследовательский центр» в Лондоне, основанный в 1950 г. Олафом Кэроу под названием «Тюркологический центр» и переименованный в 1953 г. (с 1953 по 1968 г. его возглавлял полковник Дж. Уилер), Институт советских и восточноевропейских исследований в Глазго, Федеральный институт по исследованию Востока и международных отношений в ФРГ и др.

Так называемый «Среднеазиатский научно-исследовательский центр» при Оксфордском университете был на самом деле далеко не научным учреждением, о чем свидетельствует секретный документ английской разведки[145]. В нем, в частности, указывалось:

«1. Среднеазиатский исследовательский центр является учреждением, работающим при поддержке и под контролем английской разведки. Он… функционирует как обычная научно-исследовательская организация, представляющая собой филиал колледжа «Святого Антония». Кроме директора этого центра — полковника Дж. Уилера, являющегося офицером СИС (сокращенное название английской разведки. — Авт.), и секретаря (также сотрудника СИС), ни один сотрудник этого учреждения не знает о связи Среднеазиатского исследовательского центра с английской разведкой.

2. Основной задачей Среднеазиатского исследовательского центра является изучение политического и культурного развития шести республик Советского Союза (Азербайджана, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана), имеющих

мусульманское население, а также советских публикаций в отношении соседних стран — Ирана, Афганистана и Индии. Результаты этих исследований публикуются в ежеквартальном журнале «Сентрал эйши ревью», который является изданием Среднеазиатского исследовательского центра…

4. Продукция Среднеазиатского исследовательского центра используется СПА (отделом специальных политических и идеологических акций английской разведки. — Авт.) и исследовательским управлением МИД как первичный материал для пропагандистских акций.

5. Директор Среднеазиатского исследовательского центра ответствен непосредственно перед заместителем начальника СИС, с которым поддерживает связь через СПА. Постоянный контроль за деятельностью Среднеазиатского исследовательского центра осуществляет секция СПА/4 (секция отдела специальных политических и идеологических акций английской разведки, занимающаяся идеологическими диверсиями против СССР и социалистических стран. — Авт.), которая одновременно играет роль посредника между Среднеазиатским исследовательским центром и другими подразделениями центрального аппарата СИС. Через СПА/4 проходит вся корреспонденция Среднеазиатского исследовательского центра…»[146]

Характерен и послужной список руководителей «центра» О. Кэроу и Дж. Уилера, «исследователей» истории Средней Азии. Олаф Кэроу с 1945 по 1947 г. был губернаторам Северо-Западной пограничной провинции Индии, при нем в Пенджабе в 1947 г. были спровоцированы погромы и межнациональная резня между индусами, мусульманами и сикхами. Дж. Уилер свыше 30 лет занимал различные должности в британской армии и разведке, а также в политическом аппарате английских колоний. Ему принадлежит наибольшее в Великобритании число публикаций по советским среднеазиатским республикам[147], в которых грубо фальсифицируются национальная политика КПСС, причины краха басмачества.

Остановимся более подробно на публикациях журнала «Среднеазиатское обозрение» — печатного органа «центра». Журнал выходил с 1953 по 1968 г., когда якобы из-за «финансовых трудностей» он был закрыт и объединен с журналом «Mizan» («Мизан»)[148] — печатным органом филиала колледжа «Святого Антония», занимающегося исследованием советских и китайских отношений со странами Африки.

Всего вышло 16 томов, более 60 номеров, и в каждом из них — обзоры советской литературы по истории Средней Азии, статьи по различным проблемам. Большое внимание уделялось периоду

Октябрьской революции и гражданской войны в СССР, роли Красной Армии в разгроме внутренней и внешней контрреволюции, деятельности Туркомиссии, а также басмачеству[149]. Журнал в эти годы всячески обелял действия Великобритании в Туркестане в 1918–1920 гг., замалчивал ее экспансионистские планы в отношении Советской Средней Азии[150]. Большинство статей было написано анонимными авторами, и это неудивительно, ибо многие сотрудники «исследовательского центра», печатавшиеся на страницах его журнала, был сотрудниками английской разведки. Хотя в передовой статье, посвященной 15-летию деятельности «Среднеазиатского исследовательского центра», заявлялось, что работы сотрудников «центра» должны объективно освещать политическую, экономическую, культурную историю народов Средней Азии[151], демагогию этих слов раскрывают публикации в печатном органе «центра», книги отдельных его сотрудников, ибо в них грубо искажались, фальсифицировались как прошлое, так и настоящее республик Средней Азии. Публикуя обзоры советской литературы (например, книг А. Бабаходжаева «Провал английской агрессивной политики в Средней Азии», С. Н. Покровского «Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане, 1918–1920», коллективной монографии под редакцией академика И. И. Минца «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане» и др.[152]), их авторы не давали объективного анализа трудов советских исследователей.

Одной из особенностей журнала являлось то, что при наличии пространных ссылок на советские работы 50–60-х гг. его авторы основные положения и выводы делали на базе литературы 20-х гг., особенно той, в которой содержались грубейшие методологические ошибки.

И не скупилась реакционная буржуазная историография на похвалы работ С. Зеньковского, А. Бенпигсена, других «советологов», явно фальсифицирующих национальную политику Советского правительства, ход классовой борьбы в Туркестане в послеоктябрьский период[153].

С 1953 по 1968 г. на страницах «Среднеазиатского обозрения» регулярно печатались материалы и по истории басмачества в Средней Азии, которые мы рассмотрим ниже.

В 1951 г. при университете в Глазго был учрежден Институт советских и восточноевропейских исследований. И поныне он поддерживает связи с мюнхенским Институтом по изучению СССР, радиостанцией «Свободная Европа», филиалами ЦРУ в ФРГ[154].

«Советологическую» работу в Великобритании координирует созданная в 1967 г. Британская национальная ассоциация советских и восточноевропейских исследований. Она ежегодно проводит национальные конференции. В ее составе немало и «среднеазиеведов». Старейшим членом ассоциации является профессор Лондонского университета до 1966 г., доктор экономических наук Виолетта Конолли, до 1944 г. возглавлявшая русскую секцию исследовательского отдела Министерства иностранных дел. Ее публикации начиная с 1933 г. и по настоящее время проникнуты антисоветским духом[155]. В написанных в том же духе работах другого члена ассоциации, профессора Оксфордского университета Хью Сетон-Уотсона, даются антикоммунистические фальсификации истории Советской Средней Азии, басмачества.

Активно велось в 50 –60-е гг. изучение Советской Средней Азии в Федеративной Республике Германии, где и в настоящее время насчитывается свыше 100 организаций, занимающихся изучением Советского Союза и стран Восточной Европы. Наиболее крупные из них: Федеральный институт по исследованию Востока и международных отношений, Мюнхенский институт Восточной Европы, Геттингенское исследовательское общество. На страницах периодического издания «Германского общества по изучению Восточной Европы» — «Остойропа» — публикуются антисоветские материалы[156]. С 1953 по 1964 г. в Дюссельдорфе при «Исследовательской службе Восточной Европы» под руководством профессора, доктора Герхарда фон Менде (1904–1963) функционировал туркестанский рабочий кружок. Всеми этими учреждениями издавались публикации, которые, по мнению западных специалистов, «до сих пор считаются важными источниками для исследования Туркестана»[157].

В ФРГ многие институты, занимающиеся проблемами Советского Союза, щедро субсидируются американскими компаниями и особенно ЦРУ. Только в 1952 г. американские власти представили «Остфоршунгу» 29 млн. немецких марок, а фонд Рокфеллера — 3 тыс. долларов Институту Восточной Европы при «свободном университете» в Западном Берлине. В 1961 г. фонд Рокфеллера ассигновал 42 тыс. долларов этому институту на исследовательские работы в области марксизма. Кроме того, и сами государственные органы ФРГ, а также частные лица выделяют значительные суммы на «исследовательские программы» в учреждения «Остфоршунга»[158].

С помощью В. Каюмхана и Б. Хаита после второй мировой войны были созданы националистические, антисоветские

организации «Бундесфрай» («Союз свободы»), немецкая мусульманская лига народов Азии с резиденцией в Гамбурге и ее филиалы, называемые «центрами свободы». Особенно разнузданной антисоветской деятельностью отличается воссозданный «Туркестанский национальный комитет»[159].

Во Франции в 50–60-е гг. ведущими «центрами» по изучению Средней Азии были Институт славяноведения, кафедра истории и цивилизации славян в Сорбонне при VI отделе Высшей школы практических наук, открытых еще в 20-е гг., Институт славяноведения Парижского университета. Французские «центры» по «среднеазиеведению» существуют в основном за счет средств университетов и институтов, но некоторые из них, например VI отдел Высшей школы и «центр» по изучению международных отношений, финансируются государством.

В эти же годы проблемами истории Средней Азии интенсивно занимались различные академические институты и «советологические» учреждения Соединенных Штатов Америки. В конце 50-х — начале 60-х гг. в США были приняты различные программы по «изучению» России и СССР, созданы Институт славяноведения при Калифорнийском университете (Лос-Анджелес, Беркли), Институт по изучению Дальнего Востока и СССР при Вашингтонском университете, Русский исследовательский центр Йельского университета, Русский и Восточноевропейский институт Университета штата Индиана (Блумингтон), Центр по изучению Советского Союза и стран Восточной Европы при Фордхэмском университете (штат Нью-Йорк), Центр славяноведения при Маркетском университете (в городе Милуоки, штат Висконсин) и т. д.[160]

Ведущую роль в подготовке «советологических» кадров играли старейшие американские университеты — Гарвардский и Колумбийский. Члены руководства Русского института при Колумбийском университете с момента своего возникновения выступали, официально или неофициально, как консультанты госдепартамента, министерств и других правительственных учреждений США.

Выпускники Колумбийского университета Т. Уиннер (1950), А. Парк (1953), Э. Оллуорт (1959), бывший одно время ведущим специалистом в «среднеазиеведении» США, профессор факультета языков Среднего Востока и культуры, директор программы исследований советских национальных проблем при Колумбийском университете в Нью-Йорке, руководитель и организатор ряда конференций и семинаров; Гарвардского университета — Р. Пайпс; сотрудник Стетсонского университета С. Зеньковский, М. Рывкин и другие «среднеазиеведы» США[161] в

своих работах на новом уровне фальсифицировали историю Советской Средней Азии, и в частности басмачества.

На средства госдепартамента США и различных концернов в 50-е гг. в Канаде были созданы славяноведческие «центры», проводилась подготовка кадров «среднеазиеведов» в институтах и университетах Монреаля, Ванкувера, Оттавы, Торонто и др.[162]

Все «советологические центры» существуют за счет финансовой поддержки госдепартамента США, Пентагона, частных лиц, промышленных корпораций, разного рода фондов. Так, в 1958–1965 гг. Государственный фонд (или фонд «Национального закона об обороне в области образования») ассигновал исследовательским «центрам» 1 млрд, долларов. Часть этих средств пошла на создание «центров» по изучению Средней Азии в Гавайском университете, в университете Мичиган (Анн Арбер), факультетов среднеазиатских языков в Русском институте Колумбийского университета[163].

Частный, «благотворительный» фонд Форда с конца 30-х гг. по 1963 г. субсидировал 5 тыс. учебных заседаний, выделив для этого почти 1 800 млн. долларов. Миллионными дотациями Форда пользовались в 60-е гг. Русский исследовательский центр при Гарвардском университете, первым разработавший региональную программу по изучению советских республик Средней Азии, и такой же центр при Мичиганском университете. Еще в 1960 г. Русский институт при Колумбийском университете в Нью-Йорке получил от фонда более 5,5 млн. долларов на «исследования неевропейских районов», из них около 3 млн. — на «изучение СССР и других районов Азии»[164].

Помимо «советологических центров» в 50–60-е гг. создается и расширяется разветвленная сеть пропагандистского аппарата, использующего в идеологической борьбе со странами социализма материалы исследовательских «центров», институтов, учреждений и организаций. Главенствующее положение в этой системе занимало и продолжает занимать в настоящее время Информационное агентство Соединенных Штатов Америки (ЮСИА), издающее около 80 журналов и 60 газет.

В пропагандистском арсенале антикоммунизма в 50–60-е гг., как и поныне, важное место занимали мощные радиоцентры «Голос Америки», Би-би-си, «Свободная Европа»[165]. С 1952 г. выходит наиболее злобный и антикоммунистический орган Информационного агентства США (ЮСИА) «Problems of communism» («Проблемы коммунизма»), рассчитанный в отличие от других изданий этого пропагандистского «центра» на более узкую, «элитарную» аудиторию. Это в первую очередь те, кто делает политику антикоммунизма и ведет

антикоммунистическую пропаганду или причастен к этому По-настоящему оценить журнал можно, прежде всего уловив его основную функцию — быть наставником для непосредственных проводников антикоммунистической политики, служить пособием для подготовки кадров пропагандистских учреждений и — не в последнюю очередь для антикоммунистического совершенствования «на дому» буржуазных политиков вообще. Этим категориям потенциальных читателей журнала нужны и регулярная поставка аналитических материалов, и отобранная специалистами информация по различным аспектам антикоммунизма[166]. На его страницах в 50–60-е гг печатались такие клеветнические материалы о политическом и экономическом развитии республик Средней Азии и Казахстана

Как уже отмечалось, ряды профессиональных «советологов» после второй мировой войны пополнили предатели, изменники родины Среди них оказался ныне ведущий, как заявляют на Западе, «ученый-тюрколог» Баймирза Хаит[167]. «Ценность» его «научных» изысканий профессор Г Хидоятов определил так: ««Литературные труды» Б. Хаита показывают его как мелкого политического шулера Этот политический банкрот пытается размахивать национальным знаменем и представить себя поборником «свободы» Туркестана, хотя лишь повторяет зады буржуазных фальсификаторов и выгораживает своих хозяев-колониалистов»[168].

Современные буржуазные авторы на все лады расписывают «достоинства» исследований Б. Хаита, сознательно умалчивая о том, что еще в 1946 г. журнал «Soviet Union News», издававшийся в Англии, назвал людей, подобных Хаиту, «среднеазиатскими Квислингами», подчеркнув тем самым их преступную деятельность. В этом, как верно заметил Г. Хидоятов, проявляется «закономерность, которая заключается в том, что империалисты в идейной борьбе не гнушаются никакими средствами, даже такие, как Б. Хаит и компания,[169] являются находкой для них».

И еще несколько слов для характеристики Хаита: «… предатель, набивший руку на интригах и наушничестве, такой же грязный в жизни личной, как и в общественной, легко меняющий хозяев, как и жен, беспринципный карьерист, безграничный бахвал и лжец, Баймирза Хаит представляет собой полное воплощение морального и политического облика всей буржуазной антисоветской литературы»[170].

Концепции Б. Хаита о классовой борьбе в Средней Азии в период установления и упрочения Советской власти мы рассмотрим ниже. Отметим только, что в советской

историографии 50 –70-х гг. «писания» Б. Хаита были подвергнуты серьезному критическому анализу[171].

Как уже отмечалось, в 60–80-е гг. «изучением» Советской Средней Азии «плодотворно» занимались А. Беннигсен, Э. Каррер д'Анкосс (Франция), С. Зеньковский, Р. Пайпс (С1ПА), Дж. Уилер (Великобритания) и др. В последние годы в их ряды влились М. Олкот (Великобритания) и Э. Арнольд (США).

В 70–80-е гг. «расцвели» многочисленные «советологические службы» Запада. Реакционными зарубежными мусульманскими кругами были предприняты попытки идеологически воздействовать на население республик Советского Востока. В Великобритании, ФРГ, Франции продолжали свои «научные исследования» антикоммунистические «центры», созданные в предшествующие десятилетия, возникли новые «советологические» учреждения. Возросло значение и пропагандистских служб западных стран в идеологической борьбе против СССР, мирового социалистического содружества. Так, активно проводит антикоммунистическую деятельность Лондонский институт стратегических исследовании[172].

К началу 80-х гг. в капиталистическом мире была создана многочисленная и разветвленная сеть идеологических учреждений, занятых антикоммунистическими разработками концепций по различным проблемам истории советского общества. В этот период в США существовало около 200 «советологических центров». Ежегодный бюджет крупнейшего из них — Гуверовского института войны, революции и мира — составляет более 5 млн. долларов. С 1964 по 1973 г. в США было присуждено более 2,5 тыс. степеней доктора философии за диссертации, посвященные истории и экономике СССР (в 1960–1964 гг. — 400). В 70-е гг. ежегодно в США и странах Западной Европы защищалось свыше 400 докторских диссертаций по проблемам «советологии»[173]. В настоящее время, как и ранее, «советологические центры» существуют за счет субсидий различных фондов, сотрудничают с военно-промышленными комплексами. Так, Гуверовский институт войны, мира и революции тесно связан с Пентагоном и «РЭНД корпорейшн»[174]. В конце 70-х гг. в США была создана группа планирования сравнительных исследований коммунизма со своими печатными органами. Финансирование этой группы осуществляло Информационное агентство США (ЮСИА), которое с 1978 г. вошло в состав Управления по международным, связям (УМС) и получило то же наименование, в 1982 г. вновь было переименовано в ЮСИА[175].

В ФРГ насчитывается около 100 различных

«исследовательских центров». Ведущим среди них является Федеральной институт по исследованию проблем Востока и международных отношений, поддерживающий тесные связи с соответствующими институтами США, Австрии, Швеции, Италии. Финансовую поддержку институту оказывают в основном федеральное Министерство внутренних дел. Только в 1976 г. его бюджет составлял 3 391 тыс. западногерманских марок.

В 1974 г. бюджет другого «советологического центра» ФРГ, Германского общества по изучению Восточной Европы, составлял 564 тыс. западногерманских марок[176].

В Великобритании в 70–80-е гг. ведущие «советологические центры» функционировали при университетах в Глазго, Бирмингеме, Оксфорде. С июля 1970 по октябрь 1976 г. университет в Глазго осуществил серию публикаций о Советском Союзе и восточноевропейских странах для Национальной ассоциации по изучению СССР и стран Восточной Европы. В мае 1973 г. при этом же университете был создан Международный информационный центр по проблемам Советского Союза и восточноевропейских стран[177].

В настоящее время в Великобритании насчитывается более 20 «советологических центров», сочетающих «исследовательскую» работу с подготовкой кадров. Окончившие Лондонскую школу экономики и школу по изучению славянских и восточноевропейских проблем при Лондонском университете, Институт по изучению СССР при университете в Глазго составляют значительную часть всех выпускаемых в стране «специалистов» по СССР. Так, в 1977 г. на долю антисоветских «центров» при Лондонском университете пришлось 36 (из 91) диссертаций об СССР и Восточной Европе[178].

Во Франции ведущим «советологическим центром» является Национальный институт восточных языков и цивилизаций. Главным печатным органом французских «советологов» является журнал «Cahiers du Monde Russe et Soviétique» («Тетради по русскому и советскому миру»).

Группа французских «среднеазиеведов» менее малочисленна по сравнению с аналогичными группами в Великобритании, ФРГ и США. Ведущее положение в ней занимает руководитель Парижской высшей школы практических наук Александр Беннигсен, бывший русский граф, эмигрант, «специалист» по истории и современному положению ислама в СССР. Он читал лекции на эти темы в американских университетах, часто публикуется в английской, американской исторической периодике.

Активно проводит «исследовательские изыскания» по

Средней Азии профессор Национального центра политических наук (Париж), профессор Сорбонны Э. Каррер д'Анкосс, являющаяся также директором высшего цикла исследований Советского Союза в парижском Институте политических исследований. В настоящее время она ведущий «советолог» не только во Франции, но и во воем капиталистическом мире. «Специалист по советским проблемам, особенно по национальным отношениям» — таково «паблисити» этого автора, что далеко не случайно. Она выдала на-гора целый цикл антисоветских книг и статей, каждая из которых в той или иной степени связана с республиками Средней Азии и Казахстана: «Взорванная империя: бунт народов России» (другой перевод — «Расколотая империя») (1966, переиздания 1978, 1982 гг.), «Конфискованная власть» (1978), «Большой брат: Советский Союз и советизированная Европа» (1983). Все они получили самую высокую оценку в ряде западных стран и переведены на английский и другие языки.

Основные идеи д'Анкосс сводятся к следующему: Октябрьская социалистическая революция не имела объективных и субъективных предпосылок в Средней Азии, и поэтому коренное население якобы в ней не участвовало. Отсюда басмачество — закономерное явление.

Что же нового в этих трудах, в той их части, которая связана с проблемами Средней Азии, профессор д'Анкосс добавила к писаниям Чокаева, Тогана? По существу ничего. Правда, антисоветизм автора носит зоологический характер. Об этом свидетельствует книга «Большой брат», о направленности которой говорит и тот факт, что крайне правый французский журнал, примыкающий к неофашистам, — «Нувель обсерватер» дал ей высокую оценку. Кощунственно звучат слова профессора Сорбонны о том, что разгром гитлеризма явился не победой, а поражением Европы, так как не произошел возврат к «нормальной» (по определению д'Анкосс) жизни времен Гитлера, Муссолини, Чемберлена, Петена. И здесь же она с прискорбием добавляет, что такого возврата «на днях не произойдет». В этом «труде» д'Анкосс воплотились все ее антикоммунистические концепции социалистической революции, роли коммунистической партии в социалистическом обществе. По существу это пасквиль, а не серьезное научное исследование по истории современной Европы, складывания и развития мировой системы социализма. Автору ненавистны послевоенные границы, и закономерно, что, начав с фальсификационных версий Великой Октябрьской социалистической революции, решения национального вопроса в Советском Союзе, в 80-е гг. д'Анкосс

стала провозглашать по существу кредо неофашистов, а во внешней политике явилась верной сторонницей курса американского президента Рейгана[179].

60–80-е годы характеризуются тем, что в «советологию» привлекаются бывшие дипломатические работники и, по давнишней традиции, бывшие военные разведчики. Буржуазные авторы, специализирующиеся на истории советских среднеазиатских республик, обычно проходят стажировку в старейших «центрах советологии», некоторые из них побывали на стажировке в СССР, но и их труды большей частью проникнуты антикоммунистическими концепциями. Так, антинаучные концепции происхождения и сущности среднеазиатского басмачества проводят в своих исследованиях американский «советолог» Л. Паулейде[180] и индийский буржуазный ученый З. Имам[181].

Антисоветские материалы по национальным отношениям в СССР публиковались в 70—80-е гг. в таких изданиях, как «Soviet Studies» («Советские исследования»), «Slavic Review» («Славянское обозрение»), других западных журналах. Наиболее преуспел в такого рода фальсификациях журнал «Problems of communism» («Проблемы коммунизма»): с первого номера (1952 г.) около 40 % общей численности всех его публикаций посвящались национальной политике [182].

Рассматриваемый период — период координированных «советологических» разработок «центрами» различных стран Западной Европы и Америки, причем лидирующее положение занимают «советологические» учреждения США, действующие под контролем ЦРУ[183]. В 1976–1980 гг. в институте им. Кеннана, в Иллинойском, Гарвардском, Калифорнийском университетах был проведен ряд установочных семинаров и симпозиумов по «межнациональным отношениям в СССР».

В это время значительно активизировалась деятельность Центра средневосточных исследований Чикагского университета по комплексному изучению «национальной проблемы», а в деле ее координации ведущая роль принадлежит «Комитету по изучению национальностей в СССР и Восточной Европе», созданному в 1970 г. Координация исследований носит международный характер: осенью 1980 г. в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ) состоялся 2-й Международный конгресс «советологов». Главную роль в его проведении и финансировании сыграли США[184].

В июне 1980 г. в Вашингтоне проходила двухдневная конференция «Мир ислама от Марокко до Индонезии». Ее материалы вошли в книгу «Изменение и мусульманский мир»,

изданную Сиракузским университетом при участии Вашингтонского центра Азиатского общества, Ближневосточного института и других организаций, занимающихся изучением ислама[185]. Один из разделов этой книги — «Ислам в Советском Союзе» — написан французским «специалистом» по советским мусульманам А. Беннигсеном, который вновь утверждает, будто «исламская политика советского режима преследовала единственную цель: уничтожить в советском обществе религию»[186]. Материалы конференции проникнуты антикоммунистическим, антисоветским духом, они извращают национальную и религиозную политику Советского государства.

Конец 70-х — начало 80-х гг. характеризуется также усилением роли «советологов» в деятельности государственного аппарата ведущих капиталистических стран. В частности, это проявилось в том, что в американской администрации в начале 80-х гг. пост главного эксперта по советским делам Совета национальной безопасности занимал «ярый антикоммунист из академического мира» (по оценке американского еженедельника «Таймс»), один из самых «жестких сторонников жесткой линии в администрации Рейгана»[187] — Ричард Пайпс.

Закономерен путь Р. Пайпса в лагерь так называемых «ястребов». С 1950 г., когда он защитил докторскую диссертацию «Генезис советской национальной политики», Р. Пайпс «плодотворно исследует» различные темы по истории России и Советского Союза (национальные отношения и образование в СССР, внешнюю политику, роль интеллигенции и др.)[188]. Все его «сочинения» носят открыто антисоветский, антикоммунистический характер. Другой отличительной чертой публикаций Р. Пайпса является проповедь национализма, который рассматривается как некая абстрактная категория, вне конкретно-исторических условий возникновения и «действия». В свете этого закономерно, что реакционные антисоветские выступления в Средней Азии и других районах Советского Союза в первые послеоктябрьские годы представляются «национальными» и даже «справедливыми».

Уже в 50-е гг. Р. Пайпс одним из первых западных ученых стал привлекать советские публикации, но по— своему их «интерпретируя». Обращает на себя внимание и то, что даже в последних работах он использует в основном литературу 20-х гг. и крайне редко привлекает данные современной историографии.

Концепции Р. Пайпса, грубо извращающие и фальсифицирующие историю России и Советского Союза, отражают классовые интересы самых реакционных империалистических кругов США, проводящих ныне

авантюристический курс, направленный на достижение социального реванша, силовое подавление прогрессивных, освободительных движений, поддержание международной напряженности и в конечном итоге на развязывание новой мировой войны. Более того, Пайпс считает даже, что Рейган «недостаточно тверд в своей политике по отношению к Советскому Союзу».

В одной упряжке с Р. Пайпсом находятся также один из руководителей Центра по стратегическим и международным исследованиям Джорджтаунского университета в Вашингтоне, бывший заместитель директора ЦРУ Р. Клайн, руководитель «Комитета по существующей опасности» П. Нитце, бывший профессор Джорджтаунского университета и бывший глава представительства США при ООН Дж. Киркпатрик (1982–1984 гг.) и др. Все они активно пропагандируют лживое утверждение о поддержке Москвой международного терроризма. Эти «политологи» внесли свою лепту в развязывание «психологической войны», муссируя тезис о «советской военной угрозе», «разоблачая» коммунизм, извращая и фальсифицируя цели и методы советской внешней политики. Их «труды» обосновывали «право» США на насильственное изменение существующего мира.

В соответствии с доктринами Рейгана раздувается миф о советской военной угрозе в Азии. Официальные лица заявляют, будто бы вся деятельность России в этом регионе мира — «история конфликтов», что СССР якобы и в настоящее время осуществляет «колониалистскую политику»[189]. Так, Д. Загориа, профессор политических наук Нью-Йоркского городского университета, в Заявлении, подготовленном им для подкомиссий по Европе и Ближнему Востоку, а также по азиатским и тихоокеанским делам, комиссии по иностранным делам палаты представителей конгресса США (1983 г.), клеветнически утверждает, что Советский Союз сегодня осуществляет свое влияние в Азии «исключительно военными мерами», пытается создать здесь «ядерное превосходство над Америкой» и посему представляет «военную угрозу» для США[190].

Американские «специалисты» в области политических наук, например «советолог» из Иллинойского университета Р. Канет, один из «компетентных специалистов» по Азии, тесно связанный с корпорацией Карнеги, С. Харрисон, профессор политических наук Иллинойского университета С. Кохен, «научно обосновывают», а в действительности грубо извращают, фальсифицируют советскую внешнюю политику, интернациональную помощь Советского Союза народу Афганистана в борьбе с внутренней и внешней

реакцией[191].

Миф о «советском терроризме» используется буржуазной историографией и при «исследовании» истории басмачества в Средней Азии. Ведущий французский «советолог» А. Беннигсен, американский историк С. Уимбуш, английский «среднеазиевед» Дж. Уилер трактуют борьбу Советской власти с басмачеством как «большевистский терроризм», который в соответствии с доктриной Рейгана объявляется «главным звеном ленинской теории социалистической революции»[192].

Как уже отмечалось, книги по истории Советской Средней Азии, в которых затрагивается и проблема басмачества, выходят под эгидой различных «исследовательских программ». Так, одной из наиболее крупных работ первой половины 70-х гг. по истории этого региона явилась книга американского профессора политических наук и председателя исследовательской программы по России в колледже «Хантер» Г. Масселла «Псевдопролетариат: мусульманки и революционная стратегия в Советской Средней Азии, 1919–1929»[193]. Это объемистое, почти в 500 страниц, «исследование» вышло при содействии «центра» международных программ Принстонского университета. В конце 70-х гг. в США в серии «Программы по современным проблемам по этносу и национальности» (CSEN) Школы международных проблем Вашингтонского университета вышла монография афганца узбекского происхождения М. Шахрани «Киргизы и вакшцы Афганистана: адаптация к закрытым границам»[194].

В области изучения «межнациональных отношений» в 70–80-е гг. особую активность проявили и мусульманские «центры». Например, в Ускинге (под Лондоном) находится один из крупнейших «центров». Он связан со многими научными учреждениями и университетами мусульманских государств, чьи исследования пропитаны антикоммунистическим, антисоветским духом, финансируются в основном за счет средств Саудовской Аравии.

Лондонский журнал «Арабский и мусульманский мир», регулярно выходящий на английском языке с 1981 г., дает многочисленные публикации фальсификаторского толка о положении мусульман в СССР. Другой «советологический центр» Великобритании — Институт стратегических исследований в Лондоне выпускает с начала 80-х гг. специальную хронику событий в Советской Средней Азии, подчеркивая и выделяя в ней свидетельства, по их мнению, роста влияния ислама[195].

В 70–80-е гг. империализм вновь (в который раз) пытается делать ставку на разжигание националистических настроений в странах социализма, прежде всего в Советском Союзе, спекулируя

на религиозных чувствах отдельных последователей исламского мировоззрения. С помощью империалистических спецслужб на Западе в ряде мусульманских стран (более чем в 80)[196] возникли многочисленные клерикальные «центры» и организации «исламского направления». За рубежом действуют клерикально-националистические организации, созданные на базе антисоветской эмиграции: «Туркестан либерейшн» («Свободный Туркестан», Джакарта, Индонезия), «Бундесфрай» («Свободный союз», ФРГ), «Общество культуры восточных туркестанцев» (Турция) и т. д.[197]

Ведущее место среди международных исламских клерикальных «центров» занимает Всемирная исламская лига (Мекка, Саудовская Аравия). С 1974 г., когда по решению ее съезда был учрежден Высший комитет по координации деятельности исламских организаций мира, Лига окончательно утвердила свое главенствующее положение среди других политических организаций. В 1976 г. на ее конференции была провозглашена программа «священной войны» с коммунизмом[198].

Антикоммунистическую деятельность осуществляет исследовательский Институт по делам мусульманских меньшинств (ИММ) при университете им. короля Абдул Азиза, созданный в 1978 г. (Джидда, Саудовская Аравия). В программе института сказано, что он занимается «вопросами миллионов мусульман, находящихся во враждебном окружении, в том числе в Туркестане, и его главная цель — борьба с антиисламскими течениями, и в первую очередь с коммунизмом»[199].

Уже на своем первом пленарном заседании руководители института обсудили вопрос «Положение мусульман в России». Выступил небезызвестный специалист по «туркестанским делам» Б. Хаит, призвавший все страны мира «бороться против ущемления прав мусульман в СССР», создать институт «по изучению положения мусульман, живущих в коммунистических странах», и специальную «организацию защиты исламской культуры, исламских социальных принципов и исламской политики в коммунистических странах», а также «поддержать идею освобождения Туркестана и других мусульманских районов СССР из-под ига безбожников»[200]. ИММ свою «деятельность» координирует с Всемирной исламской лигой, Всемирным мусульманским конгрессом, другими мусульманскими клерикальными центрами.

В 70-х — начале 80-х гг. проблемы ислама в СССР интенсивно изучаются на исламских факультетах различных университетов США. Ведущими центрами исламистики являются Институт

Ближнего и Среднего Востока при Колумбийском университете, Центр ближневосточных исследований Гарвардского университета, аналогичные «центры» при Принстонском и Калифорнийском университетах. В Канаде с помощью фонда Рокфеллера при Макгильском университете в Монреале действует Институт исламских исследований, в штате которого в основном состоят американские востоковеды[201].

Особенностью рассматриваемого периода стало усиление пропагандистской деятельности мусульманских организаций, работающих в тесном контакте с империалистическими кругами Запада. Со второй половины 70-х гг. проводятся встречи и консультации с участием государственных деятелей, ученых и специалистов из западных и мусульманских стран в Кембридже (Англия), Берне и Париже.

Исламские пропагандистские «центры», апеллируя к Корану и сунне, как и западные идеологи, осуществляют антикоммунистическую, антисоветскую пропаганду.

В эти годы Советский Союз буквально окружается западными радиостанциями, ведущими пропагандистские передачи для районов Кавказа и Средней Азии. Так, правительство английских консерваторов, как и правительство США, значительно увеличило начиная с 1980 г. ассигнования и, следовательно, время радиопередач на русском языке, на языках народов союзных республик[202].

Советские исследователи выделяют два основных направления в западной и правомусульманской пропаганде на республики Средней Азии:

обширная по масштабам и тематике панисламистская пропаганда, основанная на апологетике ислама и его роли в жизни народов как в прошлом, так и в настоящем. Ей уделяется большое внимание в передачах радиостанций как восточных, так и западных капиталистических стран. Между ними есть различия, но они не носят принципиального характера. Если передачам радиостанций Запада свойственна большая информативность (речь, естественно, не идет о достоверной информации), то восточные больше внимания уделяют чисто религиозным программам (молитвам, проповедям и т. д.). Имеются различия и между ортодоксальносуннитской пропагандой Саудовской Аравии, Египта, Пакистана и шиитской пропагандой Ирана. Довольно активно на республики Советского Востока вещают средства массовой информации Турции, стоящие на позициях открытого пантюркизма; националистическая пропаганда, направленная на определенные национальные группы населения СССР, стремится разжечь националистические настроения,

широко распространяя религиозные догмы и религиозную нетерпимость[203].

Радиопропаганда использует «советологические» концепции, с тем чтобы обособить мусульманское население СССР, противопоставить его другим нациям и народностям, разглагольствуя о «наднациональной общности» мусульман. «Радиоголоса» на все лады повторяют утверждения Р. Пайпса, А. Парка, других «советологов», будто образование республик Средней Азии нарушило национальное единство Туркестана, где формировалась якобы новая «мусульманская нация»[204].

В эти годы империализм особую ставку делает на «исламский фактор», особенно в попытках использовать его в пропаганде идей «мусульманского единства» среди населения регионов СССР с традиционным распространением ислама, с тем чтобы нейтрализовать влияние коммунистической идеологии, нарушить единство советского народа, расколоть его по религиозному признаку. Но все потуги буржуазных идеологов тщетны. Даже религиозно настроенные трудящиеся СССР, в том числе мусульмане, не приемлют другого строя. «Уважаемые отцы и братья, — говорил, выступая с проповедью в душанбинской соборной мечети «Джами», представитель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана по Таджикской ССР Абдулладжон Калонов, побывавший во многих странах земного шара. — Мы благодарим всемогущего Аллаха за то, что мы живем в такой прекрасной, свободной и благословенной стране, какой является наша Родина. В различных частях света мы наблюдаем безработицу, эксплуатацию, бедность, неграмотность. Со всем этим давно покончено в нашей стране. От года к году, от пятилетки к пятилетке наша страна становится богаче и сильнее, а вместе с этим растет жизненный уровень и культура каждого человека, каждого мусульманина. Такой заботы о простом человеке, как у нас, нет ни в одной стране мира. Чем богаче и могущественнее наша Родина, тем крепче мир на Земле, тем больше возможностей для содействия народам мусульманских стран в развитии экономики, в подготовке специалистов»[205].

Никаким западным, мусульманским и иным «советологическим центрам» не повернуть колесо истории вспять: будущее за социализмом и коммунизмом.

В конце 70-х — начале 80-х гг. особую активность в «изучении» истории социалистического строительства в Средней Азии, контрреволюционных выступлений в этом регионе проявляет преподавательница Колгейтского университета в Глазго Марта Олкот. Ряд ее статей был опубликован в одном из самых антикоммунистических журналов — «Советские

исследования».

М. Олкот специализируется в области национальных отношений в СССР. В 1981 г. она прошла стажировку в Гарвардском университете, где работала под руководством Национального Совета по изучению Советского Союза и Восточной Европы над книгой по исламу и коммунизму в Советском Союзе. В 1982 г. подготовила к печати монографию «Казахи» для опубликования в Гуверовском институте в серии «Советские национальности»[206].

В начале 80-х гг. среди авторов, затронувших некоторые аспекты истории басмачества, оказался и бывший офицер американской разведки Э. Арнольд, выпустивший в 1981 г. в издательстве Гуверовского института книгу под претенциозным названием «Афганистан: Советское вторжение в перспективе»[207].

В конце 70-х — начале 80-х гг. вышли новые работы ведущих французских «советологов» А. Беннигсена, Э. Каррер д'Анкосс, Лемерсье-Келькедже, американских авторов Э. Оллуорта, С. Уимбуша, М. Рывкина, Б. Хаита (ФРГ) и других, в которых по-прежнему фальсифицировалась ленинская национальная политика КПСС, строительство социализма в Средней Азии.

* * *

Становление и развитие «советологических центров», формирование кадров «советологов» прошли долгий путь. Их возникновение, реорганизация, изменение форм и методов «научной» и пропагандистской деятельности всегда вызывались глобальными задачами империализма, его политикой антикоммунизма. Названные учреждения и специалисты ныне играют ведущую, определяющую роль не только в пропагандистской службе империалистических кругов Запада, но и в «академической», научной деятельности историков, философов, социологов капиталистических стран. Именно из недр «советологических центров» выходят антикоммунистические концепции, извращающие Великую Октябрьскую социалистическую революцию, международную значимость решения национального вопроса в СССР.

С каждым годом все более разветвленной становится сеть «советологических учреждений», все более много численными кадры «советологов», «тоньше» и «разнообразнее» антикоммунистические фальсификации. Но суть осталась одна — очернить реальный социализм, не допустить перехода все новых народов на путь некапиталистического развития.

Наша эпоха, ход современного общественного развития убедительно доказывают бесплодность и тщетность таких устремлений идеологов антикоммунизма.

2. Фальсификаторские версии 20–50-х гг

Трактовки реакционной буржуазной историографии басмачества, как уже отмечалось, зародились одновременно с развертыванием басмаческих выступлений.

В 20–40-х гг. наибольшее внимание басмачеству уделяли националисты, белоэмигранты, а также некоторые буржуазные авторы из Великобритании, США, Франции, Германии и Турции.

М. Чокаев, А. Валидов (Валиди, Тоган), Ж. Кастанье, П. Эссертон одними из первых в «советологии» попытались заложить фальсификационные версии о сущности, происхождении, социальном составе басмачества[208]. Их выводы во многом повлияли на дальнейшее развитие реакционной буржуазной историографии в последующие годы[209].

В 1928 г. в Париже вышла в свет на французском языке книга бывшего главы буржуазно-националистического «Кокандского автономного правительства» Туркестана М. Чокаева «Советы в Средней Азии». Это первая книга по истории Октябрьской революции в Туркестане, изданная за рубежом. Она была написана в связи с заявлением членов делегации Коммунистической партии Франции после их поездки в СССР и посещения Средней Азии по случаю празднования 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции: французские коммунисты отметили впечатляющие успехи народов СССР в строительстве социализма. В 1935 г. в Париже уже на русском языке вышло дополнительное издание этой книги под названием «Туркестан под властью Советов»[210]. С того времени поток публикаций, фальсифицирующих строительство социализма в советских среднеазиатских республиках, не иссякает. Уже в той своей книге М. Чокаев одним из первых стал утверждать, что басмачество представляет собой «народное выступление масс против Советской власти», носит «освободительный характер».

В 30-е гг. вышло несколько работ (статьи и книги) Чокаева, в которых повторялись его прежние взгляды, приобретшие завершенность с точки зрения их фальсификаторской направленности[211]. Об этом, в частности, свидетельствует и личный архив «советолога», находящийся ныне в библиотеке Национального института восточных языков и цивилизаций в Париже[212]. В нем имеются машинописные экземпляры статей и заметок объемом от 2 до 80 страниц («В Туркестане», «Антибольшевистская война в Туркестане в 1918–1920 гг.» и т. д.), обширная переписка с лидерами

буржуазнонационалистического крыла эмиграции А. Валидовым (Тоганом) и другими, в которых взгляды авторов целиком совпадают: «басмачество — народное, освободи тельное движение».

Эта точка зрения характерна и для А. Валидова (Тотана). В 1939 г. в Стамбуле вышла его книга «Современный Туркестан и его недавнее прошлое», а в 1940 г. — памфлет «Положение Туркестана в 1929–1940 гг.», в которых автор призывает к «антисоветской борьбе», «восстановлению независимости Туркестана» путем организации нового басмачества[213].

Одним из первых во французской буржуазной историографии вопрос о басмачестве затронул Ж. Кастанье, который уже в декабре 1917 г. опубликовал в парижском «Русском журнале» корреспонденцию, извращавшую суть установления Советской власти в Туркестане[214]. В первой половине 20-х гг. он выпустил ряд статей и книг: «Туркестан после русской революции (1917–1922)», «Советская организация мусульман России», «Басмачи»[215].

В этих работах с позиций антикоммунистической концепции истории Октябрьской революции и гражданской войны в Туркестане впервые дается оценка советским исследованиям по басмачеству. Рассматривая, например, советскую литературу 20-х гг., Чокаев считает ее «главным недостатком» то, что она не «выводит» причину возникновения басмачества из проведения в жизнь национальной политики Советской власти[216].

Одновременно, оперируя данными советской историографии, он также указывал и на такую причину возникновения басмачества, как неразрешенность аграрной проблемы в Средней Азии сразу после Октябрьской революции и в первые годы Советской власти[217]. Но в дальнейшем, противореча себе, он заявлял, что «аграрная проблема не имела ничего общего к возникновению басмаческого движения»[218], хотя ясно, что феодальные элементы, составлявшие подавляющее большинство басмачей, как раз и выступали за сохранение старых аграрных порядков, против передачи земли трудящимся дехканам.

Буржуазные фальсификаторы, конечно, не указывают, что решение этой проблемы затянулось на относительно длительное время вследствие иностранной интервенции и гражданской войны, общей экономической отсталости региона. В лживом свете буржуазные авторы рассматривают (либо вообще умалчивают) осуществление земельно-водной реформы в республиках Средней Азии и в Казахстане в 1921–1922 и в 1925–1929 гг. В результате реформы было полностью ликвидировано хозяйство крупных землевладельцев, баев-полуфеодалов (скотовладельцев), часть

земли была передана безземельному и малоземельному дехканству (в 1920–1921 гг. в Туркестанской АССР за счет изъятия земель у феодалов наделы получили 10 тыс. киргизских, 3 тыс. узбекских, 7 тыс. туркменских и 3 тыс. семей европейских национальностей)[219], что привело к увеличению середняцких хозяйств и в значительной степени обусловило изменение социально-классовой структуры региона. Если удельный вес помещичье— феодальных и кулацко-байских хозяйств в Узбекистане в 1913 г. составлял 11 %, то к 1928 г. первые были вообще ликвидированы, а вторые составили 5 % по отношению ко всем крестьянским хозяйствам. За это время удельный вес батрацко-бедняцкой группы (по числу хозяйств) сократился с 72 до 43 %, а середняцкой повысился с 17 до 53 %. Удельный вес бедняцких хозяйств в Казахстане уменьшился с 65 % в 1925/26 г. до 50 % к концу 1928 г., а середняцких повысился до 44 %[220].

В советской историографии указывается, что осуществление земельной реформы в различных регионах Средней Азии проходило с разной интенсивностью, что влияло на размах басмачества в том или ином регионе[221]. Так, в Туркмении социалистические преобразования происходили при наличии более значительных элементов докапиталистических общественных отношений, чем в других республиках Средней Азии. Кроме того, в земледельческих округах Туркменской республики — Чарджоуском, Ташаузском, Керкинском — не была осуществлена земельная реформа, которая в других республиках Средней Азии сыграла важную роль. В кочевых и полукочевых районах Туркмении к началу коллективизации во многом еще сохранились феодально-патриархальные отношения. Байство по-прежнему представляло собой серьезную экономическую силу. Большая часть скота (60 %) и водных источников, имевших исключительно важное значение для хозяйства туркмен, находилась у байско-родовой верхушки, кроме того, сохранялась частная собственность на колодцы. В 1929 г. в Туркменской республике в колхозы было объединено лишь 2,4 % дехканских дворов, баи составляли 6,9 % всего сельского населения, но им принадлежало 27 % средств производства, 12,5 % посевной площади и 52,7 % поголовья мелкого скота[222]. В ходе коллективизации коренным образом были перестроены аграрные отношения, ликвидированы эксплуататорские классы в сельском хозяйстве. В 1934 г. во всех среднеазиатских республиках и Казахстане перестал существовать класс сельских эксплуататоров[223], тем самым была уничтожена социальная база басмачества.

Анализ реакционной буржуазной литературы 20-х — начала

40-х гг. показывает, что именно тогда были заложены основы фальсификаторских концепций басмачества, таких его трактовок, как «народная», «освободительная война». Авторами различного рода антикоммунистических версий происхождения басмачества были в основном непосредственные участники контрреволюционной борьбы с Советской властью в Туркестане — интервенты, буржуазные националисты. Из-за своего субъективного восприятия Великой Октябрьской социалистической революции они дали искаженную картину классовой борьбы в регионе. Но, приведя многочисленные факты, буржуазные авторы независимо от своих желаний убедительно показали роль британского империализма, реакционных кругов Афганистана и Ирана в разжигании басмачества.

Характерной чертой работ 20–40-х гг., как и вообще всей реакционной буржуазной историографии Октябрьской революции, было оправдание антисоветской интервенции в Советскую Россию (и, в частности, в Туркестан) необходимостью борьбы с немецкой и турецкой угрозой для Индии и соответственно для Великобритании. При этом преувеличивалась роль военнопленных— интернационалистов (немцев, венгров) в установлении Советской власти в крае, в борьбе с «Кокандской автономией». В статьях скупо, с тем чтобы скрыть факты, разоблачающие вмешательство английского империализма во внутренние дела Советского Туркестана, освещалось басмачество, которое трактовалось как «антибольшевистское восстание».

«Советологи» начала 20-х гг. невольно раскрыли классовое содержание контрреволюционного, националистического выступления в Средней Азии в годы гражданской войны. Независимо от своего желания они нарисовали довольно впечатляющую картину действительных замыслов различных британских «дипломатических», а на самом деле шпионско-диверсионных «миссий» на территории Туркестана в 1918–1920 гг., показали, что только с военной и материальной помощью Великобритании, реакционных кругов Афганистана, Ирана могли существовать подпольные контрреволюционные организации в Ташкенте, эсеровское Ашхабадское «правительство» и басмачество.

В буржуазной историографии 40–50-х гг. резко выделяются два этапа: 1941–1945 гг., вторая половина 40-х — начало 50-х гг. Хронологически они связаны со второй мировой войной, складыванием мировой системы социализма. Если для первого этапа характерным было издание в Англии, США прогрессивных исследований по Советской России, и в частности по среднеазиатским республикам, то вторая половина 40-х гг.

отличается особым, антикоммунистическим, антисоветским подходом к исследованию проблем Октябрьской революции.

1941–1945 годы оставили известный след в развитии «советологии», хотя в этот период не появилось крупных исследовательских работ. Связано это было с военной обстановкой, когда в основном велись разработки оборонно-экономического характера, и с необходимостью создания популярных работ о Советском Союзе в связи с небывалым в Англии и США ростом интереса к нашей стране. В этих условиях издание откровенно враждебных, антисоветских публикаций по истории Октября, гражданской войны значительно сократилось[224]. Знаменательно, что работы Бейли, Эссертона, Чокаева не были включены в рекомендательный список литературы о Советской России, изданный библиотекой Конгресса США в 1943 г.[225]

Откровенно антикоммунистический, антисоветский характер носили «исследования», вышедшие в годы второй мировой войны в фашистской Германии и прогитлеровски настроенной Турции. В книгах по истории Советской Средней Азии наряду с экономическими, географическими вопросами истории Туркестана, советских среднеазиатских республик рассматривались не которые аспекты борьбы за победу Октябрьской революции в регионе, в частности и басмачество[226]. Оценка этого явления не отличалась от той, которая была дана в работах Кастанье, Чокаева: также утверждался «народный», «национальный» характер басмачества, говорилось даже о «народно-социалистическом движении»[227].

В 1942–1944 гг. в Турции вышел ряд работ эмигрантов из России, и среди них книги А. Валидова (Тогана), в которых басмачество трактуется с пантюркистских позиций, как национально-освободительное движение, привлекшее к себе «в 1918–1923 годах все силы, способные к активным действиям»[228]. Характеризуя социальную базу басмачества, Валидов признал, что «басмаческие организации опирались в большей мере на «улемов» с их косными взглядами и фанатически настроенную часть узбекской буржуазии»[229]. В эти годы начала проявляться тенденция игнорирования многочисленных фактов из литературы 20–30-х гг. об иностранной помощи белогвардейским и басмаческим организациям, получившая распространение в последующие годы. Помощь империалистических государств (Англии, Франции, США, а также Германии, Турции) объявлялась «выдумкой большевиков»[230].

Во второй половине 40-х гг. басмачество рассматривалось не только в мемуарных работах[231], но и в исследованиях,

посвященных общим проблемам истории Советского Союза[232]. Так, американский буржуазно-либеральный историк, профессор Ф. Шуман осветил планы Энвер-паши создать «антисоветскую исламскую империю в Средней Азии». Он подчеркнул, что «антисоветизм как ключ к национальной политике особенно проявился в Великобритании в двадцатые годы»[233].

Одной из наиболее крупных работ, изданных во второй половине 40-х гг., были мемуары бывшего английского шпиона Ф. Бейли. Его книга «Миссия в Ташкент», являвшаяся одной из первых послевоенных попыток фальсификации истории гражданской войны в Туркестане, содержит много данных, которые могут быть использованы советской историографией для разоблачения роли агрессивного английского империализма в Средней Азии.

Для Бейли характерно преувеличение значения бывших военнопленных немцев, австрийцев, венгров — бойцов Красной Армии в установлении Советской власти в Ташкенте, Коканде, других городах Средней Азии, в разгроме контрреволюционных сил, и в том числе басмаческих банд[234]. Он привел косвенные сведения о своих связях с басмачами, дал характеристику главарям басмачества: Иргашу и др.[235]

Советские историки в начале 70-х гг. опубликовали секретный документ Бейли «Отчет о Кашгарской миссии, 1918–1920 гг.», обнаруженный в индийском Национальном архиве в фонде Особого бюро расследований, созданного британскими колониальными властями для борьбы с проникновением в Индию идей Октябрьской революции[236]. Автор отчета, во многом дополняя свою книгу, более явственно подчеркнул организующую, вдохновляющую роль международного империализма, прежде всего Великобритании и США, в широком развертывании басмачества.

В 40-е гг. реакционная буржуазная историография (А. Валидов, Ф. Бейли и др.) продолжала трактовать басмачество как национально-освободительную войну, а басмаческих главарей — как «национальных героев». Исследования, в которых затрагивались проблемы басмачества, принадлежали перу как профессиональных историков (Мандель, Шуман), так и бывших националистических лидеров, участников антисоветской интервенции в Туркестане (А. Валидов (Тоган), Ф. Бейли). Это наложило отпечаток на изложенную в них оценку событий 1917–1920 гг. в Советском Туркестане: откровенно враждебная, фальсификаторская позиция ярых противников, более объективная — буржуазнолиберальных авторов.

В целом буржуазная историография 40-х гг. осталась на

позициях ранее выработанных основных антикоммунистических версий басмачества. Эти концепции получили дальнейшее развитие и были наиболее полно представлены в работах таких советологов в 50-х гг., как Р. Пайпс, А. Парк, С. Зеньковский.

В 50-е гг. интерес буржуазной историографии к басмачеству определялся ростом национально-освободительного движения, началом крушения колониальной системы.

Для буржуазной историографии 50-х гг. по проблемам Средней Азии было характерно то, что преобладающим видом исследовательских работ становятся монографии. Статьи в периодических изданиях принадлежали перу профессиональных историков.

В подавляющем большинстве труды буржуазных историков этих лет носили открыто фальсификаторский, антикоммунистический характер.

В те годы несколько изменяется источниковая база исследований буржуазных авторов по истории Советской Средней Азии: помимо белогвардейских, белоэмигрантских источников привлекаются и труды советских историков. Это позволило Р. Пайпсу, А. Парку затронуть такие ранее не изученные в буржуазной историографии аспекты классовой борьбы в Средней Азии, как национально-государственное размежевание, образование советских среднеазиатских республик, создание и деятельность Туркомиссии и т. д. «Советологи» использовали в основном труды советских ученых, изданные в 20-е гг. Так, Г. Хидоятов указывает, что в работе Р. Пайпса «Образование СССР» (1954 г.) в главе, посвященной Октябрьской революции «на мусульманских территориях», по выражению американского автора, из 122 ссылок свыше 100 приходится на долю советских изданий, причем подавляющее большинство их относится к периоду 20-х гг.[237] Все это делается для того, чтобы более «научно» фальсифицировать Октябрьскую революцию, гражданскую войну, мирное строительство социализма в Средней Азии.

Аналогичным приемом пользуется и Б. Хаит. Так, в работе «Некоторые проблемы современной истории Туркестана»[238] объемом менее 100 страниц 88 сносок, более 60 из них сочинены автором или искажены[239]. В советской исторической литературе, как уже отмечалось, сделан подробный анализ этого «труда» Хаита, мы только укажем, что все в нем подчинено одной задаче — создать превратное, неправильное представление об Октябрьской революции, ее значении для народов бывших колониальных окраин царской России.

Среди изданий, вышедших в 50-е гг., наиболее крупными

работами, в которых с антикоммунистических позиций впервые в буржуазной историографии освещался большой круг вопросов по истории социализма в Средней Азии, включая и басмачество, были книги О. Кэроу (Великобритания) «Советская империя»; Р. Пайпса (США) «Образование Советского Союза: Коммунизм и национализм, 1917–1923»[240]; У. Коларза (Великобритания) «Россия и ее колонии» (выходила тремя изданиями в 1953–1955 гг.); Б. Хаита (ФРГ) «Туркестан в XX веке»; В. Монтея (Франция) «Советские мусульмане»; А. Парка (США) «Большевизм в Туркестане, 1917–1927» и др.[241] Специально проблемам басмачества была посвящена статья анонимного автора в лондонском журнале «Среднеазиатское обозрение»: «Басмачи: среднеазиатское движение сопротивления, 1918–1924»[242].

В этих работах и «исследованиях» других «советологов» фальсификация истории басмачества основывалась на «толкованиях» ленинской теории социалистической революции, характера Великой Октябрьской социалистической революции.

Рассматривая басмачество как «национальную войну против Советской власти», Парк, Хаит, ряд других буржуазных авторов проповедовали тезис о том, что в местной деревне главными были не классовые противоречия между байством и беднотой, а национальные — между дехканством в целом и русским переселенческим крестьянством.

Так, Б. Хаит в своей книге «Туркестан в XX столетии» выдвинул концепцию «единого классового общества» в Туркестане накануне Октября, подхваченную американским историком А. Парком. В Туркестане до Октябрьской революции было, по утверждению Хаита, не только классовое единение, но и социальное благополучие. Изобретается даже особый термин для обозначения этого обетованного рая — «исламская демократия». Его не смущало, очевидно, то, что Среднюю Азию потрясали социальные и классовые конфликты, а ее народы в 1905 и 1916 гг. участвовали в революционной, национально-освободительной борьбе[243].

Одним из самых «сильных доводов» Б. Хаита является утверждение о том, что народы Туркестана до Октября якобы имели свой особый путь развития, отличавшийся даже от путей развития других народов Востока, и что здесь не было деления на классы. «Тюркский народ, — читаем мы в его книге, — отличался от народов других исламских стран тем, что здесь во многих областях исчезла бедность». Хаит прямо писал, что «туркестанский народ… образовывал бесклассовое общество на основе ислама»[244]. Формулировка о «без— бедности» дехканства Туркестана понадобилась автору для перехода к

националистической идее о бесклассовости народов Средней Азии, выступавших якобы единым фронтом против социалистической революции. Однако данные, приведенные Б. Хаитом для подтверждения «безбедности» и «бесклассовости» народов Туркестана на примере Ферганской долины, были опровергнуты другим «туркестановедом» — американским историком Парком, приведшим ряд фактов социального расслоения Ферганы[245]. Тем не менее А. Парк вслед за Б. Хаитом утверждал, будто после победы социалистической революции коренное население Туркестана, внутри которого не было никакой классовой дифференциации и которое состояло, следовательно, из монолитного бесклассового мусульманского общества, выступило единым фронтом против большевистской партии[246]. Основной прием, которым пользовался Парк, состоял в том, что некоторые ошибки партийного и советского руководства края он выдавал за политическую линию Коммунистической партии в национальном вопросе. С этих позиций рассматривалась им и сущность «Кокандской автономии»: Парк считал ее проявлением национально-освободительного движения народов Туркестана.

Б. Хаит пытался всячески доказать, что социалистический путь развития народов Средней Азии лишил их национальной самобытности и свободы. В связи с этим им без всяких доводов проводилась мысль о том, что народы Средней Азии стремились к отделению от Советской России и созданию государственности на буржуазной основе. Однако эта мысль самим же Хаитом опровергалась. В конце концов он вынужден был признать, что Советы победили в Средней Азии и Казахстане. А раз победили, то не могли не иметь под собой объективной социально-экономической и политической основы[247]. «Открытие» этого «советолога» — «единая тюркская нация» — давно опровергнуто на основе исторических, этнографических, антропологических и других данных. Б. Хаит, как и большинство реакционных западных авторов, основываясь главным образом на советских источниках не позже середины тридцатых годов и данных белогвардейской эмиграции, пытался принизить успехи социалистического строительства и поставить под сомнение дружбу народов нашей страны. Там же, где фальсификатор ссылался на работы советских историков 50-х гг., он искажал их содержание или выдергивал отдельные места из общего контекста[248]. Безграмотность Хаита, незнание им самых элементарных исторических фактов убедительно показал советский историк А. А. Росляков на примере лишь двух страниц «труда» Хаита, относящихся к истории Закаспийской области

Туркестана[249], В 50-е гг. Б. Хаит лицемерно восклицал: «Будущим историкам предстоит описать исход борьбы за национальное существование Туркестана». Исход борьбы давно предрешен. Народы Средней Азии и Казахстана — равноправные члены в братской семье народов СССР — построили социализм и ныне уверенно идут к торжеству коммунизма. Книги об этом написаны и напишутся многими историками нашей Родины.

В 50-е гг. Коларзом, Монтейем, Пайпсом, Парком, некоторыми другими буржуазными авторами вновь, уже на основе троцкистских концепций Сафарова об Октябрьской революции, был искусственно оживлен миф о якобы «колониальном характере» Советской власти в регионе и вытекающем отсюда «справедливом» характере басмачества. Отметим сразу, что этот тезис получил особенно широкое распространение в буржуазной историографии 60-х — первой половины 80-х гг. А в те же годы Вальтер Коларз, не смущаясь, писал о том, что революция во всей России «была русской революцией». Он также утверждал, что Советская власть проводила «активную русскую колонизацию в Средней Азии»[250]. Те же мысли, но выраженные в более туманной форме, мы встречаем у Олафа Кэроу.

По мнению Александра Парка, события 1917 г. породили в народах Туркестана две революции: пролетарскую революцию европейских рабочих, красногвардейцев и солдат в Ташкенте и «буржуазно-национальную революцию среднего туземного класса». При этом «первая» революция, носившая «колониальный характер», имела целью закрепление «русского господства в Туркестане», а вторая стремилась «освободить край от русского господства»[251].

Тезис Парка о «буржуазно-национальной» революции целиком разделялся Коларзом, Кэроу, Монтейем и др. Все они старательно замалчивают то, что эта «революция» на самом деле представляла собой буржуазно-националистическую контрреволюцию, которая нашла свое яркое воплощение в так называемой «Кокандской автономии». Одним из самых «сильных» доказательств Парка в пользу того, что социалистическая революция не могла быть совершена народами Туркестана и, следовательно, не могла победить здесь, является его голословный вывод: «Ясно одно, Туркестан до 1917 года представлял такую среду, которую марксисты считали совершенно невосприимчивой к социальной революции»[252].

Но все эти «идеи» — не «открытия» Парка и других, а, как мы уже писали, лишь некоторая модернизация известных домыслов Г. Сафарова «о колониальной революции», которая якобы

неизбежно должна привести «ко второй революции».

Доказательства «советологов», пишущих об Октябрьской революции в Средней Азии, антинаучны в своей основе, поскольку «среднеазиеведы» не учитывают классовый состав общества, а исходят из национального принципа, т. е. берут за основу целиком угнетенные нации, не дифференцируя их на составные классовые части. Реакционная историография всеми силами и средствами пыталась и пытается исказить историю и принизить значение Октябрьской социалистической революции, означавшей для народов Средней Азии, как и для народов всего мира, начало эры крушения колониализма и утверждения коммунизма. Освещение истории Октября находится в тесной связи с вульгаризацией и фальсификацией других этапов в истории нашей Родины — гражданской войны, мирного социалистического строительства. В ложном свете представляется и история борьбы советского народа с басмачеством.

В реакционной буржуазной историографии 50-х гг. уделялось внимание не только ферганскому, но и бухарскому, хивинскому (хорезмскому) басмачеству, а также тому периоду, когда оно было наиболее распространено в этих районах: 1920 — началу 30-х гг. На все лады расписывались «военные» победы басмачей над мирным населением, кровавый террор, устанавливаемый басмаческими бандами, изображался как «либеральный порядок»[253]. Указывая на характерные моменты в развитии басмачества, некоторые авторы отмечали, что в 1918 г. «история басмаческого восстания… это не военные кампании, а местные засады, поджоги и убийства. В каждом районе форма была одной и той же, но у басмачей отсутствовала сплоченность, и они действовали независимо, иногда даже друг против друга»[254].

Наиболее всеобъемлюще с точки зрения буржуазной историографии басмачество в тесном контексте с историей Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР рассматривается в «трудах» Пайпса и Парка.

Остановимся поэтому более подробно на книгах Р. Пайпса «Образование Советского Союза: коммунизм и национализм» и А. Парка «Большевизм в Туркестане», в которых наиболее «утонченно» фальсифицировались кардинальные проблемы Октября и социалистического строительства в республиках Советского Востока.

Р. Пайпс, являясь одним из типичных выразителей идей класса, которому служит, обосновал ряд положений, являющихся ныне фактически постулатами для многих буржуазных историков. В предисловии к первому изданию книги «Образование

Советского Союза» автор так определял свою задачу: исследовать историю «развала старой Российской империи и утверждения на ее развалинах многонационального коммунистического государства: Союза Советских Социалистических Республик»[255]. В связи с такой постановкой вопроса, естественно, автор обратился к истории народов Советского Туркестана. Одним из главных положений Р. Пайпса является доказательство того, что Средняя Азия была вторично «завоевана» Советской Россией, что ее народы якобы стремились обрести другой путь развития, соответствующий их «национальным чаяниям», в то время как произошел процесс «насильственной советизации». Именно Пайпс широко оперирует термином «пролетарский колониализм».

В соответствии с этой теорией Пайпс рассматривал и другие вопросы, связанные с историей Туркестана в первые годы Советской власти, и в частности ее экономическую политику. Черными красками и, добавим от себя, не без литературного мастерства описывалось им имевшее якобы место в годы гражданской войны изъятие земли у представителей коренных национальностей, грабежи и насилия и т. п.

Какие же «доказательства» и «аргументы» приводились для подтверждения «насильственной советизации» и «пролетарского колониализма»?

Можно определенно сказать, что Пайпс и все другие авторы использовали единичные факты из истории первых месяцев Советской власти в Туркестане — расписываемые на разные лады ошибки (действительные и мнимые), допущенные в области национальной политики. В, связи с этим особое внимание уделялось III Краевому съезду Советов Туркестана, состоявшемуся в ноябре 1917 г.

Известно, что отдельные советские историки в 40–50-е гг. придерживались ошибочного мнения о том, что большевики Туркестана на съезде якобы допускали только ошибки по национальному вопросу. Обычно при этом ссылались на принятую «Декларацию» и упускали из виду «Наказ Совнаркому»[256], утвержденный съездом, и его другие документы. Не принималась также во внимание практическая деятельность Коммунистической партии и Советского правительства по претворению в жизнь ленинской национальной политики.

Любителям выдавать всю политику Советской власти в первые годы ее существования за ошибочную достойную отповедь дал в свое время В. И. Ленин. Он писал: «Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те

трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания». В. И. Ленин подчеркивал, что «на каждую сотню наших ошибок… приходится 10 000 великих и геройских актов…»[257]

Басмачество — эту «сумму» контрреволюционных, антисоветских выступлений — Пайпс рассматривал как «народное движение». Как и другие буржуазные авторы, он связывал возникновение басмачества с падением «Кокандской автономии», а определяющим моментом его появления считал осуществление якобы проводимой Советским правительством «колонизаторской политики» в крае.

Так, Р. Пайпс писал, что «недовольство местного населения Советской властью нашло свое выражение в партизанской войне, истоки которой зародились в Ферганской долине, широко распространившейся в соседних областях и в конце концов охватившей почти весь Туркестан, включая Хивинское и Бухарское ханства»[258]. «Это народное движение, — продолжал он, — возможно наиболее упорное и успешное во всей истории Советской России, стало известно как басмачество, а его участники — как басмачи»[259].

Пайпс лицемерно заявил при этом, что коренное население Ферганской долины, «ранее (до Октябрьской революции. — *Авт.*) боявшееся басмачей, после установления Советской власти стало считать их защитниками и освободителями»[260]. Как мог «маститый советолог» «забыть» о разоренных кишлаках, убийствах женщин, стариков, детей, активистов народной власти? Этот вопрос мы адресуем Ричарду Пайпсу! Ради научной объективности стоит все-таки заметить, что он в конце концов вынужден был, противореча, конечно, самому себе, признать надуманность высказываний буржуазных авторов о национальном характере басмачества, ибо, как он писал, «все в целом движение сопротивления, известное как басмачество», не было воплощением «в действие какой-то позитивной политической или социальной философии». Но, продолжая эту мысль, Пайпс все-таки остался верен самому себе, заключая ее словами, вытекающими из его общей концепции: басмачество — «отчаянная реакция на злоупотребления властью», и оно исчезло, «как только эти раздражители были ликвидированы»[261].

На чем основываются эти утверждения ведущего «советолога»? Источник его выводов найти не трудно. При «изучении» природы басмачества Пайпс опирается на работы Кастанье, Чокаева и других перебежчиков из Страны Советов, в которых, как уже отмечалось, была дана антисоветская,

националистическая трактовка сути рассматриваемого вопроса. Правда, он использует и некоторые работы первых советских историков (Василевского, Соловейчика и др.), содержащие, как это показано в главе о советской историографии, ряд неверных оценок этой формы классовой борьбы в Средней Азии в 1917 — начале 30-х гг. Одной из наиболее цитируемых Пайпсом работ является уже упоминавшаяся книга Г. Сафарова «Колониальная революция (Опыт Туркестана)». Литературу, в которой дана научная оценка басмачества, Пайпс в целом игнорирует.

Опора в основном на антисоветские, троцкистские источники, попытка создать на основе их использования концептуальные взгляды по истории басмачества делают книгу Р. Пайпса необъективной и по существу антиисторичной. В середине 50-х гг. французский историк-марксист Порталь в рецензии на нее писал, что взгляд на образование СССР как на «завоевание русскими национальных областей является недостаточно обоснованным» и что «Пайпс не учитывает многих факторов, толкавших народы СССР к сплочению вокруг Советской власти»[262]. В полной мере это высказывание можно отнести и к освещению Р. Пайпсом истории возникновения и краха басмачества.

В книге А. Парка[263] также рассмотрен большой круг вопросов, изложены многие позитивные мероприятия Советской власти. Автором были освещены такие аспекты истории Октябрьской революции в Средней Азии, как ход революции в регионе, политическое устройство Туркестана в первые годы Советской власти, отношение большевиков к исламу, советская национальная политика, экономическое развитие Средней Азии после гражданской войны, земельная реформа, культурная революция в среднеазиатских республиках в послеоктябрьский период, и ряд других. Значительное место было отведено истории басмачества. И здесь приходится вновь повторять, что при изучении этой проблемы для Парка, как для подавляющего большинства буржуазных историков, источниками стали работы Кастанье, Чокаева, Бейли, советских авторов 20-х — начала 30-х гг.

Нелишне заметить, что объемистый, более 400 страниц, труд А. Парка был создан по программе исследований Русского института Колумбийского университета и при финансовой поддержке фонда Рокфеллера.

Книга А. Парка оставила своеобразный след в реакционной буржуазной историографии тех лет: до него никто не фальсифицировал столь большой круг вопросов по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Средней Азии. Не

удивительно, что впоследствии, в середине 60-х — начале 80-х гг., она стала источником для других «советологов», в той или иной мере занимающихся историей советских среднеазиатских республик. К тому же А. Парк всячески пытался прикрыться личиной объективности. Для этого он, в частности, использовал довольно большой круг советской литературы, но, конечно, основательно ее препарируя.

Профессор Колумбийского университета Филипп Мосли, один из «патриархов» американской «советологии», написавший предисловие к книге, также хотел убедить читателя, что Парк якобы свободен от пропаганды различных оттенков[264]. Однако, несмотря на подобные заверения, А. Парк выступает перед нами как фальсификатор истории народов Средней Азии и истории Коммунистической партии Советского Союза[265]. Достаточно сказать, что его объединяет с Б. Хаитом, Р. Пайпсом исходная установка о «советском колониализме».

Как же американский «советолог» трактует басмачество?

Обратившись к национальной политике Советского государства, А. Парк заявляет, что оно только на словах проводило курс на самоопределение коренного населения Средней Азии[266]. Советская национальная политика посему, считает он, возродила пантюркистское движение, реализованное вначале в виде «Кокандской автономии», а затем в басмачестве[267]. В целом же А. Парк пытается представить басмачество «освободительной войной», а его главарей — «национальными героями».

К причинам возникновения басмачества Парк также отнес деление городов на две противопоставленные друг другу части: «существование различий между старым и новым городами, между мусульманской местностью и русским городом, заострилось в открытой враждебности и вылилось в вооруженное сопротивление, в народную партизанскую войну, известную как басмачество»[268]. «Суть басмачества, — довольно верно заметил Парк, — заключалась в национализме»[269]. Он констатировал тут же, что руководство басмачей состояло в основном из националистических групп, участвовавших в образовании «Кокандской автономии», и их лозунгом было «Туркестан для туркестанцев». Идеологической оболочкой движения, указывал А. Парк, была религия: басмачи якобы выступали в защиту ислама[270].

Цель всех этих утверждений одна — извратить ленинскую национальную политику, представить ее как «русификацию» и тем самым обосновать «общенародный» характер басмачества.

Исторический процесс, успешное строительство социализма

народами нашей многонациональной страны убедительно опровергают и этот тезис буржуазной историографии.

Таким образом, в 20–50-е гг. происходило зарождение и становление основных антикоммунистических версий сущности среднеазиатского басмачества: фальсифицируя строительство социализма в регионе, буржуазные авторы извращали и сущность басмачества, приписывая ему «освободительный», «национальный» характер. Такая трактовка басмачества была подхвачена и углублена буржуазной историографией 60–80-х гг.

3. Поток лжи не иссякает

Современная эпоха характеризуется тем, что «исторические достижения реального социализма, рост авторитета и влияния мирового коммунистического и рабочего движения, прогрессивное развитие стран, сбросивших ярмо колониального гнета, подъем национально-освободительной борьбы, огромный размах антивоенного движения все более глубоко воздействуют на сознание народов во всем мире»[271].

Международные силы реакции во главе с правящей империалистической верхушкой США пытаются остановить поступательный ход общественного развития вынашивая бредовые планы достижения мирового господства с помощью ядерной войны. В этих условиях против Советского Союза, стран социализма была развернута беспрецедентная по своим масштабам и оголтелости психологическая война. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось: «Не гнушаясь ложью и клеветой, буржуазная пропаганда стремится очернить социалистический строй, подорвать социально-политическое и идейное единство нашего общества. Поэтому особую важность сегодня приобретают классовая закалка трудящихся, бескомпромиссная борьба против буржуазной идеологии»[272].

60-е — начало 80-х гг. — важный период в развитии буржуазной историографии Великой Октябрьской социалистической революции и «исследования» других проблем истории СССР. В условиях обострения идеологической борьбы двух систем буржуазные апологеты, в их числе профессиональные историки, политологи, «советологи», пытались опорочить идеи марксизма-ленинизма, умалить значение Великого Октября для судеб мира. Цель этих нападок одна «отвратить людей от социализма»[273]. Этой цели служат и антикоммунистические концепции строительства социализма в национальных районах страны. Следует также учитывать, что современный антикоммунизм в значительной степени ориентирован на национализм[274].

Успешное строительство социализма в республиках Средней Азии и Казахстане все более вдохновляет народы, освободившиеся от колониального гнета, на выбор некапиталистического пути развития. Буржуазная историография извращает и фальсифицирует героический путь народов Средней Азии и Казахстана и других национальных республик Советского Союза, дело созидания нового, свободного от эксплуатации и национального угнетения общества.

В этот период небывало возросло число «советологических», пропагандистских учреждений, кадров, занимающихся «изучением» Советского Союза. Увеличилось количество публикаций по истории Советской Средней Азии.

В конце 70-х гг интерес к истории Октябрьской революции в Средней Азии особенно усилился после свершения Апрельской революции в Афганистане 1978 г., антишахской, антиимпериалистической революции в Иране. Не случайно в этот период буржуазные идеологи обратились к исламу, пытаясь использовать его наиболее реакционные доктрины в антикоммунистических целях В этом плане прозвучал призыв профессора Парижского и Чикагского университетов А. Беннигсена к западным историкам сосредоточить усилия на «тщательном изучении» антисоветской деятельности мусульманских консервативных движений в прошлом с целью выяснения их, как он выразился, «возможной роли в будущем»[275].

«Исламский фактор» нашел отражение и в «советологической» литературе 60–80-х гг. Как и ранее, «новые» версии басмачества логически исходили из концепций реакционной буржуазной историографии Великого Октября. В эти годы получили распространение концепции «искусственного распространения революции» и «насильственной советизации национальных окраин».

Французские авторы А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькедже, канадская исследовательница Т. Раковска-Хармстоун и другие клеветнически заявляли о «невосприимчивости» коренного населения Средней Азии к идеям социалистической революции, об индифферентном отношении народов национальных окраин «к большевикам», об установлении Советской власти в Туркестане как «логическом продолжении колониальной политики царской России» и т. д.[276]

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду подчеркивалось, что в религиозных, в их числе и исламских, движениях необходимо учитывать, «какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги. Под знаменем ислама может развертываться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. Но он же говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения»[277].

Примером того, как в реакционных целях использовался ислам, является тот факт, что под лозунгами «защиты ислама»

боролись против Советской власти в 20–30-е гг. басмачи в Средней Азии. Под этим лозунгом сегодня против народной власти при помощи и покровительстве империалистических и реакционных кругов западных и мусульманских стран выступают душманы Афганистана.

Если в двадцатые годы панисламистские лозунги использовал авантюрист Энвер-паша, мечтавший на базе советских республик Средней Азии создать мусульманскую империю, то современные идеологи панисламизма пропагандируют «всемирное исламское государство», в состав которого также включают районы традиционного распространения ислама, являющиеся неотъемлемой частью территории СССР и других социалистических стран[278].

Иллюзорность таких планов понимают некоторые «советологи». Даже Дж. Уилер, отмечая в своей статье «Ислам и Советский Союз» бесплодность заявлений двадцатипятилетней давности западных правительств о росте националистических чувств советских мусульман, подчеркивал: «Единственно, что можно сказать по этому поводу, даже если такая возможность существовала раньше, то сейчас она сошла на нет. В сложившихся обстоятельствах всякое мусульманское националистическое движение, подобное движениям многих мусульманских народов Ближнего Востока и Южной Азии, полностью лишено перспективы»[279]. Несмотря на такого рода признания, буржуазные идеологи в целом надеются, что мусульмане Советского Союза станут «диссидентами XXI века».

С 60-х гг. широко практикуется проведение конференций «советологов», на которых попутно рассматриваются и вопросы «изучения» истории Средней Азии. В первой половине 60-х гг. состоялся мусульманский международный симпозиум «Ислам в политике»[280], на котором выступил Дж. Уилер, бывший в то время директором Среднеазиатского исследовательского центра Великобритании и соредактором «Среднеазиатского обозрения». В сообщении о Советской Средней Азии он повторял свои прежние версии о басмачестве, охарактеризовав его «как неистовое вооруженное сопротивление новому режиму»[281].

Но характерно и другое. На этом же симпозиуме прозвучали слова Дж. Уилера о несомненных успехах среднеазиатских республик, достигнутых в экономической и культурной областях жизни за годы Советской власти, что позволило им обогнать в своем развитии многие «несоветские мусульманские страны»[282].

В феврале 1968 г. в Пакистане, в Равалпинди, состоялась конференция, посвященная 1400-летию Корана. В ней приняли участие делегации 18 стран, в том числе из СССР. Были здесь и

представители антисоветской мусульманской эмиграции, и среди них небезызвестный бывший активный вдохновитель басмачества в Туркестане профессор Стамбульского университета Ахмед Заки Валиди Тоган (Валидов). Его доклад был особенно проникнут духом антикоммунизма и антисоветизма[283].

В современных условиях острейшей идеологической борьбы международный империализм вновь поднимает на щит мифы об «угрозе Москвы» другим странам, об «экспорте революции» и т. д. Этому служат и труды «советологов» как по общим проблемам истории СССР, так и по отдельным ее аспектам.

Особенное внимание уделяется фальсификации национальной политики Советского государства. В последнее время в связи с ростом демократических движений в странах Ближнего и Среднего Востока муссируется тезис о том, будто сближение различных мусульманских народов с русским и другими славянскими народами носит односторонний характер и нацелено на «поглощение нерусских наций и народностей славянскими народами»[284]. В 60-е — начале 80-х гг. происходит модернизация концепции происхождения басмачества: если ранее почти единодушно считалось, что решающей причиной его возникновения послужило падение Временного Кокандского правительства, а также ошибки местных органов Советской власти, то теперь буржуазные авторы присовокупляют к ним причины социально-экономического и национального характера. В некоторой степени по-новому трактуются и ошибки Советского государства в области национальной политики, их неизбежность в условиях диктатуры пролетариата.

Переходя к рассмотрению основных работ о басмачестве в 60-х гг., следует иметь в виду, что подавляющее большинство современных буржуазных историков, отрицая закономерности победы Октября в Туркестане, доказывают, что социалистическая революция якобы лишь заменила одну форму эксплуатации другой и поэтому коренное население Средней Азии не могло участвовать в революционной борьбе. Особенно четко эта мысль проводится в книге Р. Пайпса «Образование Советского Союза (коммунизм и национализм)», переиздававшейся в 1964 и 1968 гг.

В первой половине 60-х гг. американские «советологи» С. Зеньковский, бывший в то время директором русских и азиатских исследований в Стетсоновском университете, Р. Пайпс, английский историк Х. Сетон-Уотсон, профессор школы славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете, западногерманский «советолог» Б. Хаит по-прежнему рассматривали басмачество как «форму

партизанского движения», «реакцию на колонизаторские действия советских властей в регионе»[285].

Эти и ряд других «советологов» для подкрепления своей лживой версии о сущности басмачества и о безучастном отношении местного населения к установлению Советской власти в Средней Азии и Казахстане усиленно приписывали, как это делалось в предыдущих работах реакционных буржуазных историков, зарубежным интернационалистам решающую роль «в победе красных в Средней Азии в ходе гражданской войны», в разгроме басмачества[286].

Буржуазные авторы и в 60-е гг. фальсифицировали и искажали труды советских ученых по истории Великого Октября в национальных районах нашей страны, движения зарубежных интернационалистов в Советской России в 1917–1920 гг.

В реакционной буржуазной историографии сложилась определенная тенденция. Поскольку советская научная литература настолько авторитетна, что обходить и игнорировать ее стало невозможно, советские книги и статьи используются, но искажаются и препарируются. Тем самым делается и попытка их дискредитации.

Весьма показательна в этом отношении работа Хаита «Некоторые проблемы современной туркестанской истории: анализ советских нападок на вымышленных фальсификаторов истории Туркестана»[287][288]. В ней рассмотрены такие узловые вопросы послеоктябрьской истории Средней Азии, как движущие силы социалистической революции, формы классовой борьбы в регионе в годы гражданской войны. Естественно, что анализ этих проблем дан на основе антикоммунистических концепций.

Оценки советских работ, данные Б. Хаитом, голословны, необъективны, проникнуты духом антисоветизма. Его «историографическое исследование» наглядно демонстрирует в целом фальсификаторские приемы. Чтобы придать некую «правдоподобность» своим утверждениям, автор привел много ссылок на работы М. В. Фрунзе, советских авторов 20–30-х гг., начала 60-х гг., якобы подтверждающих истинность выводов Хаита и неправомерность основных положений советской историографии.

Вот один из ярких примеров фальсификации советской историографии. Как и подавляющее большинство буржуазных авторов, Б. Хаит утверждал, что в установлении Советской власти главную роль сыграли не трудящиеся массы Туркестана, а Красная Армия. В связи с этим он ссылался на книгу среднеазиатского исследователя истории движения зарубежных интернационалистов И. Сологубова, в которой рассматривался

вклад иностранных трудящихся в борьбу советского народа с внутренней и внешней контрреволюцией[289]. Хаитом вновь поднималось на щит утверждение буржуазной историографии о том, что решающая роль в разгроме интервенционистских, басмаческих, других контрреволюционных сил в Средней Азии и Казахстане принадлежит иностранным интернационалистам — бойцам Красной Армии [290].

Что же известно на самом деле об участии иностранных интернационалистов в борьбе за победу и упрочение Октября? Большинство буржуазных авторов 50–60-х гг., и в том числе Б. Хаит, старательно замалчивали тот факт, что из громадной массы иностранных трудящихся, оказавшихся к моменту свершения социалистической революции в России (более четырех миллионов)[291], лишь самые сознательные и организованные стали непосредственными участниками борьбы за власть Советов, основная масса военнопленных и других зарубежных трудящихся были поначалу лишь очевидцами революционных преобразований в Туркестане[292]. Дальнейшее развитие социалистической революции, деятельность РКП (б), зарубежных коммунистов обусловили вступление тысяч иностранных трудящихся в ряды вооруженных защитников революции.

Отметим также, что к Октябрю 1917 г. в Туркестане насчитывалось примерно 5 млн. человек населения (узбеков, туркмен, казахов, киргизов, таджиков, каракалпаков, среди них более 500 тыс. русских, украинцев, белорусов). В регионе в этот период находилось свыше 40 тыс. австро-венгерских, германских военнопленных, не менее 300 тыс. выходцев из Западного Китая, 60–100 тыс. выходцев и отходников из Ирана — персов, азербайджанцев, курдов, несколько тысяч выходцев из Афганистана, Индии. Основную массу эмигрантов и отходников из сопредельных с Туркестаном стран Востока составляли крестьяне, кочевники и чернорабочие[293].

В упомянутом Б. Хаитом исследовании И. Сологубова был дан анализ пропагандистской, военной деятельности иностранных коммунистов региона, приведены цифровые данные[294]. Указывалось также, что в июне 1919 г. в краевой коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян насчитывалась 21 местная организация с общим количеством 2530 коммунистов [295].

Преувеличивая роль зарубежных интернационалистов-красноармейцев, буржуазные авторы тем самым пытались приписать им решающее значение в Октябрьской революции, представить Красную Армию как «наднациональную силу». В советской исторической литературе убедительно показано, что

основной силой в победе Октября, в борьбе с белогвардейцами и интервентами в национальных районах страны были трудящиеся массы. Победа социалистической революции в Средней Азии явилась результатом совместной борьбы трудящихся всех национальностей под руководством русского рабочего класса и его партии, соединившей в единый поток борьбу за мир, землю, социальное обновление.

Движение солидарности, развернувшееся во всем капиталистическом мире, участие зарубежных интернационалистов в вооруженной борьбе советского народа с внутренней и внешней контрреволюцией имели, по словам В. И. Ленина, громадное моральное значение для российского рабочего, ибо он «знал, чувствовал, осязал помощь, поддержку в этой борьбе, которая была оказана ему пролетариатом всех передовых стран в Европе»[296]. В памяти советского народа останутся имена более 1000 иностранных коммунистов интернационального полка Туркестанской Красной Армии, боровшихся с басмачами в Ферганской долине. Командир интернационалистов Э. Ф. Кужелло был награжден двумя орденами Красного Знамени и золотым оружием[297], серб Г. С. Маркович за борьбу с басмачеством был награжден тремя орденами Красного Знамени[298].

Основу вооруженных сил Туркестанской республики в 1918–1920 гг. составляли русские, узбеки, казахи, туркмены, представители других коренных национальностей края. В 1920 г., когда основные бои с басмаческими бандами велись в Ферганской долине, в Красную Армию было призвано более 30 тыс. человек из коренных национальностей Средней Азии[299]. Отметим, что особенность строительства Красной Армии в Туркестане заключалась в следующем: до мая 1920 г. всеобщая воинская повинность распространялась только на европейское население. Тем показательнее факт, что во второй половине 1918 г. и первой половине 1919 г. из добровольцев коренных национальностей края были сформированы первый стрелковый батальон имени III Интернационала и туркменская рота в Самарканде, узбекский отряд Красной Армии в Андижане, несколько национальных частей в Ташкенте. Всего с января 1918 по декабрь 1919 г. в Туркестане было сформировано 20 национальных подразделений[300]. Они внесли весомый вклад в разгром контрреволюции в Средней Азии.

Многочисленные факты опровергают фальшивое по своей сути заявление Б. Хаита, что русскому пролетариату в регионе помогали только иностранцы, бывшие военнопленные, которые «организовали так называемые интернациональные бригады» и

«сражались с Красной Армией в Туркестане против туркестанцев» [301]. Как показано в советской исторической литературе, части Красной Армии, в которых бок о бок воевали русские, украинцы, узбеки, туркмены, казахи, киргизы, представители других народов нашей страны, трудящиеся из зарубежных стран, сражались не с «туркестанцами», а с русскими белогвардейцами, интервентами, басмачами, националистической контрреволюцией. Число иностранных интернационалистов, защищавших с оружием в руках Советскую власть, было относительно невелико, но неоценимо морально-политическое значение факта конкретного воплощения в жизнь принципов пролетарского интернационализма.

На все лады расписывали западные «советологи» подвиги басмачей, умалчивая об их варварстве, мракобесии, звериной жестокости. В памяти же народной навсегда останутся боевые подвиги красноармейцев, пограничников, милиционеров, отважно сражавшихся с бандами басмачей. Об этом — множество свидетельств. Мы приведем одно их них — воспоминания ветерана гражданской и Великой Отечественной войн Б. Гуджалова о разгроме басмаческой банды Шалтай-батыра:

«В составе сабельного эскадрона, сформированного из кавалерийского второго туркменского полка, я выехал с этой станции (Кизил-Арват. — *Авт.*) в глубь Каракумов, к колодцам Орта-Кую и Кирк-Кую. Нам предстояло уничтожить банду басмачей Шалтайбатыра, лютого врага Советской власти. Самому старшему из нас, командиру эскадрона Якубу Кулиеву (впоследствии он стал генерал-майором и геройски погиб во время Великой Отечественной войны), было 29 лет, остальные — совсем еще мальчишки… Нам противостоял хорошо вооруженный, прекрасно знающий местность враг, известный своим коварством и жестокостью.

Басмачи мстили нам за то, что Советская власть отобрала у них богатства, лишила права жить за счет труда других. Затаившиеся в песках Каракумов банды совершали налеты на мирные аулы, советские учреждения. Незадолго до нашего похода басмачи разграбили обоз с продуктами для рабочих и обрекли на голод людей, трудившихся в самом сердце пустыни.

А за что воевали мы, простые туркменские парни, а вместе с нами русские и украинцы, узбеки и таджики? Мы воевали за то, чтобы отстоять власть, которая научила нас читать и писать, которая освободила народ от гнета царизма.

Я рос без отца и матери, был батраком у бая, пас его отары. И только после Октября я смог выучиться грамоте, закончил Ташкентскую военную национальную школу.

Банды Шалтай-батыра мы разгромили. Это был не первый и не последний наш бой с басмачами. Главное, что я вынес для себя из этих трудных и порой смертельно опасных походов, — побеждает всегда тот, кто борется за правое дело, кто защищает не свои личные интересы, а интересы народа. За участие в борьбе **с** басмачеством я был награжден боевым орденом. Есть у меня и другие награды, но к этой, полученной в юности, отношение особое»[302].

Начиная со второй половины 60-х гг., когда с особенной силой выступает современное поколение фальсификаторов, изучение проблем Советской Средней Азии характеризуется все большей интернационализацией: издаются коллективные монографии не только ведущих западных «советологов», но и буржуазных исследователей того же толка из Индии, ряда других капиталистических государств. Различные аспекты истории советских среднеазиатских республик освещаются и в работах, посвященных новейшей истории Афганистана.

Рассмотрим некоторые коллективные работы ведущих «советологов». Наиболее крупными из них, в которых принимали участие буржуазные авторы из Великобритании, США, ФРГ, Франции, были изданные в конце 60-х — начале 80-х гг. труды «Средняя Азия», «Изменение и мусульманский мир», монографии А. Беннигсена и С. Уимбуша «Мусульманский национальный коммунизм в Советском Союзе: революционная стратегия для колониального мира», Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькедже «Ислам в Советском Союзе» и др. [303]Казалось бы, что объединение для написания единого, в какой-то мере обобщающего труда приведет к выдвижению новых идей и положений по этому вопросу. Но этого не получилось.

Среди авторов «Средней Азии»[304] была небезызвестный французский «советолог» Э. Каррер д'Анкосс. Она проповедовала ранее выдвинутую идею о том, что образование советских республик в Средней Азии было направлено «на уничтожение единства региона и искоренение таким образом националистических тенденций, которые преобладали во времена революции». Но все— таки одна новая мысль у автора имеется. Д'Анкосс вынуждена заявить, что осуществление новой экономической политики в Средней Азии, улучшение материального положения населения региона лишили «оппозицию, в особенности басмачество, народной поддержки» [305].

Тем не менее, по ее мнению, оппозиция Советской власти существовала до 30-х гг., когда басмачество вновь развернулось «в форме сопротивления коллективизации» и продержалось в

Таджикистане якобы до 1935 г.[306] Но автор «забыла» сказать о том, что это были отдельные выступления разрозненных и немногочисленных банд, засылаемых из-за рубежа.

В целом авторский коллектив монографии «Средняя Азия», в который также входили другие французские «советологи» (А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькедже) и ряд авторов из США, остался на позициях крайнего консерватизма в оценке классовой борьбы в Средней Азии в первые послеоктябрьские годы.

А. Беннигсен и С. Уимбуш в книге «Мусульманский национальный коммунизм» опять повторяли тезис «о народном движении», охватившем якобы большую часть Средней Азии[307].

Остановимся на наиболее крупных работах отдельных буржуазных авторов из Франции, США, ФРГ, Великобритании, других капиталистических государств. Заметный след не только во французской, но и во всей западной буржуазной историографии оставил «труд» А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькедже «Ислам в Советском Союзе», переведенный во второй половине 60-х гг. на английский язык[308]. Эта книга вышла при непосредственном участии Среднеазиатского исследовательского «центра». Работы Г. Сафарова, Р. Пайпса, А. Парка составили источниковую основу совместного «исследования» французских авторов. Поэтому они также повторили версии о «пассивности» коренного населения Туркестана в Октябрьской революции, о «справедливом» характере «партизанской войны», которую вело басмачество, порожденное якобы «колониалистской политикой» Советского правительства Туркестана, и т. д. [309] Фальсифицировались француз……

в скане бумажного издания отсутствуют страницы 100–101

примечания к пропущенным страницам

179 Ibid., p. 131–132, and oth.

180 Dumont P. La fascination du bolshevisme: Enver pacha et le parti des sovietiques populaires, 1919–1922. — Chaiers du Monde Kusse et Sovietique. Paris, 1975, vol. XVI, N 2, p. 141–166.

181 Carrere D'Encausse H. L'empire eclate: La revolte des nations en URSS. Paris, 1978, 1981; Reforme et revolution chez les musulmans de 1'Empire russe. 2–nd ed. Paris, 1981. См. подробный анализ концепций Э. Каррер д'Анкосс: Исмаилов Х. Ответ прорицателям. — Наука и религия, 1980, № 1, с. 40–43; Цоппи В. Указ. соч.

182 Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge (Massachusetts), 1968, p. 273–295, 303; Mazour A. G. Russia Tsarist and Communist. Princeton — New Jersey, 1969, p. 647; Rakowska-Harmstone T. Russia and Nationalism in

Central Asia. Baltimore, 1970, p. 21, 32; Rywkin M. Religion, Modern Nationalism and Political Power in Soviet Central Asia. — Canadian Slavonic papers. Ottawa, 1975, vol. 17, N 2–3, p. 282.

183 Becker S. Op. cit.; Rakowska-Harmstone T. Op. cit.

184 Dupree L. Afganistan. Princeton — New Jersey, 1973, 1978, 1980.

185 Dupree L. Op. cit., 1973, p. 448.

186 Massell G. J. The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton University Press, 1974, p. 147.

187 Ibid., p. 8–9, 24–26, 51–52, 58–59, 93, 147, 196–197, 276–277, 340, 391, and oth.

188 Ibid., p. 342. u.

189 Критика фальсификаций национальных отношений в СССР. М., 1984.

190 Иванов В. Н. Буржуазная пропаганда о межнациональных отношениях в СССР, с. 8.

……..трактовки значения Октябрьской революции для национальных районов России.

В американской «советологии» при «исследовании» решения национального вопроса в СССР в последнее время усиливается тенденция представить ленинскую национальную политику как «продолжение русификаторской политики царизма». Эту «идейку» обосновывают профессор Колумбийского университета, «специалист» в области советско-турецких проблем Э. Оллуорт, профессор истории Гарвардского университета Э. Кеннан, профессор по германским и славянским проблемам М. Рывкин, ряд других американских «советологов»[310].

Э. Оллуорт и в 80-е гг. повторяет свои давнишние утверждения о том, будто в результате образования советских среднеазиатских республик было «подорвано» «национальное», «культурное» «единство» туркестанского народа. М. Рывкин в своей книге «Московский вызов мусульманам: Советская Средняя Азия», изданной в США в начале 80-х гг., вновь доказывает «всенародный характер» контрреволюционного антисоветского, националистического выступления[311].

Освободительный характер басмачеству приписывают и более молодые авторы Э. Арнольд, М. Шахрани[312].

В ФРГ по настоящее время продолжает свои «изыскания» Б. Хаит. В начале 80-х гг. он выпустил в серии трудов Института туркестанских исследований книгу «Туркестан в сердце Евроазии»[313]. Многие страницы этого исследования посвящены установлению Советской власти в Туркестане, ходу гражданской

войны во всем регионе. И здесь Б. Хаит придерживается своих концепций 50–60-х гг. о характере классовой борьбы в Туркестане в 1918–1920 гг. Он повторяет утвердившееся в предыдущие годы положение о том, что при создании национальных республик в Средней Азии не учитывались «исторические, культурные, этнографические, религиозные, языковые и бытовые связи местного населения», и это подорвало «национальное единство Туркестана» [314].

Басмачей Б. Хаит отождествляет с «борцами за освобождение»[315]. Он проводит прямую аналогию между среднеазиатским и современным афганским басмачеством, причем считает, что басмачество в Афганистане поможет возрождению басмачества в республиках Средней Азии. Надежды Хаита на создание «внутреннего движения за освобождение Туркестана», «его поддержку извне»[316] обращены в далекое прошлое, которое не может вернуться.

За годы, прошедшие с момента свершения Великой Октябрьской социалистической революции, неузнаваемо изменился мир. Социализм стал реальной силой. Советский Союз за короткий исторический срок превратился в великую державу «с высочайшим уровнем культуры и постоянно растущим благосостоянием народа»[317]. Произошли качественные изменения и в национальных отношениях. Они «свидетельствуют о том, что национальный вопрос в том виде, в каком он был оставлен нам эксплуататорским строем, успешно решен, решен окончательно и бесповоротно. Впервые в истории многонациональный состав страны превратился из источника ее слабости в источник силы и процветания»[318]. Бывшие отсталые национальные окраины превратились в экономически и культурно развитые районы, достигнуто фактическое равенство всех наций и народностей, решена в основном задача выравнивания уровней экономического и культурного развития всех советских республик. Об этом, в частности, свидетельствуют данные в области образования коренного населения Средней Азии. До революции оно фактически было полностью неграмотным, в регионе не имелось высших учебных заведений, специалистов со специальным образованием. Ныне эта картина в корне изменилась.

Так, например, уровень образования населения по республикам Средней Азии в 1983 г. был следующим[319].

Республика	На 1000 человек населения со средним и высшим образованием	На 1000 человек, занятых в народном хозяйстве
Узбекистан	684	907
Казахстан	678	869
Киргизия	665	869
Таджикистан	632	843
Туркмения	669	889

В 1983/1984 учебном году число высших учебных заведений и количество студентов в них составили[320]:

Республика	Число высших учебных заведений	Количество студентов (в тыс.)
Узбекистан	42	287,8
Казахстан	55	281,8
Киргизия	10	59,0
Таджикистан	10	58,1
Туркмения	8	39,4

Количество же специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, составило в 1983 г.[321]:

Республика	Количество специалистов (в тыс.)
Узбекистан	620,3
Казахстан	620,2
Киргизия	144,7
Таджикистан	151,3
Туркмения	118,1

Социальный, экономический, культурный расцвет республик Советского Востока стал возможен в условиях социалистического строя, при братской помощи русского и других народов СССР.

А Хаит и еще целый ряд буржуазных авторов толкуют о «возможности свержения русского колониального господства в Туркестане». Но ни в Средней Азии, ни в Афганистане ход истории не повернуть назад.

В начале 80-х гг. в Великобритании была опубликована статья М. Олкот «Басмачи, или восстание свободолюбивых людей

в Туркестане, 1918–1924»[322], ставшая своего рода итоговой работой о басмачестве не только английской буржуазной историографии, но и всей «советологии» по рассматриваемой проблеме 70-х — начала 80-х гг. в целом.

Фальсифицируя, извращая ленинскую национальную политику в Средней Азии и Казахстане, М. Олкот пытается убедить западных читателей в том, что в возникновении басмачества якобы «повинна» Советская власть. В доказательство этого она приводит следующий «новый», но тем не менее несостоятельный довод: именно политика Советской власти соединила «модернизм с консерватизмом» и этим заложила «основу их (коренного населения Туркестана. — *Авт.*) националистических настроении, существующих доныне»[323].

Статья М. Олкот по существу апологетика басмачества. Бандитов, насильников, убийц она объявляет носителями «развивающегося чувства национального единства», утверждает, будто «басмачи сыграли решающую роль в политической модернизации Туркестана, поскольку они объединяли различные элементы среднеазиатского общества в их попытке одержать победу над общим врагом и тем самым заложили основу для общего самосознания» [324].

М. Олкот использует работу Ю. А. Полякова, М. И. Чугунова «Конец басмачества», вышедшую во второй половине 70-х гг., некоторые исследования других советских историков, но ее концепции басмачества по сути не отличаются от традиционных, установившихся в буржуазной историографии антикоммунистических утверждений. Более того, она их во многом усугубляет, ужесточает фальсификаторские приемы, высказывая «новые» домыслы о «национальном» характере басмачества.

М. Олкот упрекает западных ученых в недостаточном внимании к периоду гражданской войны, «который включает басмачество, или движение свободолюбивых людей» [325]. Но и это не соответствует, как уже было показано, действительности.

Несостоятельность утверждений Олкот видна на примере того, что со второй половины 60-х гг. расширяется круг работ, в той или иной мере затрагивающих тему басмачества, в частности, за счет исследований по международным отношениям, вышедших в эти годы в Индии [326].

В книгах индийских буржуазных авторов по национальным отношениям высоко оцениваются международное значение идей Великого Октября для колониальных и зависимых народов, ленинская национальная политика КПСС, создание национальных республик в Средней Азии[327]. Но в то же время некоторые из

них в оценке басмачества придерживаются точки зрения западной буржуазной историографии. Многие из индийских ученых получили образование в Великобритании, Канаде, в университетах других западных стран. Все это не могло не повлиять на их подход к теме освещения Октябрьской революции и гражданской войны. В работах, затрагивающих проблемы истории Средней Азии в послеоктябрьский период, во многом повторяются избитые концепции западных «советологов», в частности о характере и сущности басмачества.

История басмачества рассматривается в исследованиях, посвященных различным аспектам новейшей истории Турции, Ближнего Востока. Так, профессор университета в Иерусалиме Иаков Ландау в книге «Пантюркизм в Турции: исследование ирредентизма» значительное внимание уделил пантюркистскому движению среди народов царской России в первые послереволюционные годы [328]. Используя в основном труды буржуазных националистов Тогана, Чокаева, западных авторов Кастанье, Маллесона, Бейли, Пайпса, Парка и других, И. Ландау выражает общепринятые оценки басмачества. Он подчеркивает, что работы указанных авторов «наиболее полезны» для историков [329], довольно подробно освещает издательскую деятельность буржуазных националистов из Средней Азии в Германии, Польше, Турции в 20–40-е гг.

Ландау и другие авторы конца 70-х — начала 80-х гг. подчеркивают, что крах басмачества был предопределен якобы многократным превосходством Красной Армии, воспользовавшейся отсутствием единства среди басмаческих лидеров.

Итак, реакционная буржуазная историография 70–80-х гг., как и ранее, не смогла дать объективный анализ сущности басмачества, причин его поражения. Основные же утверждения о причинах возникновения басмачества в Средней Азии и его окончательном крахе покоятся на «достижениях» «советологии» 20–60-х гг.

Особенность фальсификаторской историографии басмачества последнего десятилетия такова: если в литературе 20-х — начала 60-х гг. превалировало измышление о якобы решающей роли интернационалистов — бойцов Красной Армии из числа бывших военнопленных — австрийцев, венгров, немцев — в установлении и упрочении Советской власти, в разгроме контрреволюционных сил (и в том числе басмачества) в Средней Азии, то в реакционной буржуазной историографии конца 70-х — начала 80-х гг. эти вымыслы используются с большей осторожностью при освещении вопросов истории гражданской войны в Средней Азии.

Еще одной особенностью 60-х — начала 80-х гг. является то, что основная часть «советологических трудов» пишется специалистами-профессорами, подготовленными в соответствующих «центрах» и университетах США, Франции, ФРГ, Великобритании. Одновременно продолжают выходить работы бывшего русского эмигранта, старейшего «советолога» Франции А. Беннигсена и предателя родины, «специалиста» по Туркестану Б. Хаита. Таким образом, определился круг авторов, занимающихся басмачеством.

Как мы уже отмечали, возросший интерес буржуазной историографии к изучению басмачества в конце 70-х — начале 80-х гг. во многом был вызван Апрельской революцией 1978 г. в Афганистане, где формы классовой борьбы оказались отчасти схожими со среднеазиатским басмачеством 30-х гг.

С 1978 г. ведется «необъявленная война» против демократического Афганистана, в которой участвуют Соединенные Штаты Америки, другие империалистические государства, ряд стран Ближнего Востока и Азии (Саудовская Аравия, Израиль, Китай, Пакистан, Иран). По признанию американской газеты «Вашингтон пост», «тайная помощь Центрального разведывательного управления мятежникам в Афганистане превратилась в самую крупную секретную операцию США после вьетнамской войны». Конгресс в 1985 г. выделил на эти цели примерно 250 млн. долларов. Кроме того, Саудовская Аравия, Израиль и Китай планировали в этом же году выделить 250 млн. долларов деньгами, оружием, снаряжением.

С помощью империалистических кругов Запада, реакционных правительств стран Ближнего Востока афганские басмачи несут разрушения и горе народу республики. К началу 1985 г. прямой ущерб от действий басмачей превысил 35 млрд, афгани (примерно 800 млн. долларов).

Совершают многочисленные преступления и акты вандализма бандитские формирования. Их центры подготовки и базы снабжения оружием действуют в основном на территории Пакистана, Ирана и Китая [330]. Но тщетны потуги врагов народной власти. Республика победит контрреволюцию!

В книгах и статьях, касающихся проблемы афганского басмачества, был сделан экскурс в прошлое Средней Азии, проводилась аналогия между басмачами Туркестана и Афганистана [331]. Как ранее реакционные буржуазные авторы объявляли басмачей «борцами за свободу», так сегодня афганских душманов изображают муджахидами [332]. Интернациональную помощь советского народа в борьбе народных масс Афганистана с внутренней контрреволюцией «советологи» А. Беннигсен, Б.

Дюпань (Франция), Э. Арнольд (США) и др. представляют как «колониалистскую экспансию» [333]. Вновь буржуазные идеологи пускают в ход обветшалые концепции неприятия мусульманами идей социализма, справедливого характера уже афганского басмачества.[334]

Э. Каррер д'Анкосс в своей публикации в известном французском журнале «Внешняя политика» по поводу событий в Афганистане сочла нужным заметить, что басмачество в Афганистане, как когда-то в Средней Азии, стало традиционной для данного региона формой сопротивления коммунистическим режимам, якобы навязываемым извне[335].

Другой французский автор, Оливье Руа, побывавший в Афганистане и проведший некоторое время среди душманов, в своей пространной статье, опубликованной в начале 1981 г. в журнале «Дипломатический мир», также обращается к истории среднеазиатского басмачества. Делает он это для того, чтобы лучше понять, что происходит в Афганистане сегодня, так как басмачи Средней Азии и афганские душманы тождественны[336]. Как указывается в советской исторической литературе, для басмачества в Средней Азии 20-х гг. и в Афганистане конца 70-х — начала 80-х гг. характерны «одни и те же корни, задачи и цели, хозяева и покровители, тактика действий и их развитие» [337].

Время показывает, что «борцы за свободу» Афганистана даже с помощью империалистических кругов Запада, реакционных мусульманских, ряда других государств не смогли повернуть вспять развитие демократических преобразований в стране. Несомненно, что, каков был конец среднеазиатского басмачества, таков будет удел и афганских душманов.

Особенностью буржуазной историографии последних лет является то, что история басмачества в Средней Азии и современного — в Афганистане — облекается в религиозную оболочку. Как справедливо отмечается в советской историографии, «в связи с событиями в Иране и Афганистане империалистическая пропаганда стремится всячески подогреть пережитки ислама в сознании некоторой части населения Средней Азии, рекламирует «мусульманско-национальный коммунизм», который представляет собой не что иное, как панисламизм и пантюркизм»[338].

Этот интерес к исламу вызван несбыточными надеждами реакционных буржуазных идеологов использовать мусульманский образ жизни в качестве альтернативы социализму. Не случайно Беннигсен, Броксап, Каррер д'Анкосс, Лемерсье-Келькедже, другие буржуазные авторы поднимают на щит миф о «мусульманской угрозе Советскому Союзу» в связи с революцией

в Иране, борьбой душманов против народного строя в Афганистане[339]. Они утверждают, будто в Советском Союзе наблюдается рост исламских настроений, якобы угрожающих существованию социалистического строя[340].

Эти концепции буржуазных идеологов направлены на то, чтобы обособить, по их выражению, «мусульманское население» Советского Союза, противопоставить его другим народам и народностям, подорвать дружбу и единство советского народа.

Так, М. А. Мальфрэ в своей монографии «Ислам» (Париж, 1980 г.) также проповедует теорию конфронтации между мусульманами и «неверными» в СССР. Он пишет, что чаша весов в вымышленной им борьбе склоняется в пользу мусульман, ибо численность последних постоянно возрастает не только в республиках Средней Азии, но и «в более близких к столице регионах, а это — тревожное явление для марксистской идеологии и социалистического режима»[341].

Л. Дюпри в 1980 г. в книге «Афганистан» пространно рассуждает о «вторжении» советских войск в Афганистан, о якобы антисоветских настроениях мусульман Советской Средней Азии, подхватывает мысль д'Анкосс об угрозе «поглощения» мусульманскими народами других народов Советского Союза к 2000 г., «когда 53 % населения СССР будет не русским и ⅓ будут составлять мусульмане», и т. д.[342]

В советской историографии уже дан аргументированный анализ этим фальсификациям социально-политической роли «демографического феномена в СССР»[343]. Отметим только, что «советологам» не свернуть народы Советской Средней Азии с пути совершенствования социализма, не подорвать дружбу народов СССР, ибо «для национальных отношений в нашей стране характерны как дальнейший расцвет наций и народностей, так и их неуклонное сближение…»[344].

В начале 80-х гг. за счет фондов Рокфеллера, Форда и Карнеги были изданы и переизданы работы западноевропейских, американских «советологов» по проблемам национальных отношений в СССР. В 1982 г. предполагалось издать расширенный вариант коллективной монографии «Советская национальная политика в действии», впервые опубликованной в 1967 г. под редакцией Р. Конквеста, VI том восьмитомной «Энциклопедии марксизма и коммунизма», сборник докладов, прочитанных на конференции, проведенной в 1979 г. в институте Кеннана, книгу руководителя «центра» социальных исследований в Высшей школе социальных наук Парижского университета профессора А. Беннигсена «Мусульманский национальный коммунизм в Советском Союзе», новый вариант вышедшей в 1980 и 1981 гг. и

широко разрекламированной на Западе антикоммунистической, антисоветской работы Каррер д'Анкосс «Расколотая империя»[345].

На основе того же «исламского фактора» возрождаются обветшалые «теории» сущности среднеазиатского басмачества. Так, А. Беннигсен в книге «Исламская угроза Советскому государству», написанной совместно с его дочерью М. Броксап, уже в связи с Апрельской революцией в Афганистане рассуждает о якобы «колонизаторской политике» Коммунистической партии и Советской власти в отношении Средней Азии, «уничтожившей» «прошлое» народов республик Средней Азии[346].

Э. Каррер д'Анкосс и К. Дэвиш, преподавательница политических наук в Саутгемптонском университете (Англия), в совместной статье «Ислам во внешней политике Советского Союза: обоюдоострый меч?» (1983 г.)[347] вновь толкуют о «всенародном», «справедливом» характере басмачества, «жестоко подавленного русскими войсками».

Анализ буржуазной литературы конца 70-х — начала 80-х гг. показывает, что все западные «советологи» продолжают приписывать среднеазиатскому басмачеству «освободительный», «национальный» характер, вновь доказывают «незакономерность» установления Советской власти в республиках Советского Востока, утверждают «закономерный» рост «мусульманских настроений» среди коренного населения Средней Азии, обусловленный якобы «справедливой борьбой афганских душманов».

То, что современная буржуазная историография не отказалась от основных концепций националистических и белоэмигрантских фальсификаторов, обусловлено двумя причинами: «во-первых, неспособностью современной буржуазной идеологии самостоятельно выработать принципиально новые идеи для опровержения идей научного коммунизма; во-вторых, единством целей и идейным родством с идеологией свергнутых эксплуататорских классов России. Именно этим объясняется механизм методологической преемственности белоэмигрантской и современной буржуазной идеологии» [348].

Использование новейшей буржуазной историографией реакционных концепций предыдущих десятилетий еще раз доказывает несостоятельность ее методологических позиций, неспособность объективно и правдиво раскрыть сущность и природу социально-политических событий недавнего прошлого и настоящего, прежде всего процесса революционного преобразования мира.

Глава III. Правда основывается на фактах

1. Несостоятельность мифа об «общенациональном», «общенародном» характере басмачества

При изучении социальной базы басмачества советское обществознание ставит и решает коренные социально-экономические и политические вопросы: какие классы заинтересованы в тех или иных исторических событиях, интересам каких классов соответствует та или иная форма общественной деятельности людей и т. д. В. И. Ленин указывал: «…в политике не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому выгодны* эти взгляды, эти предложения, эти меры»[349]. Он считал, что Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая власть помещиков и капиталистов, сделала лишь часть дела, и не самую главную. Самое сложное и самое трудное для рабочего класса — закрепление завоеваний революции и организация социалистического строительства — было впереди. В. И. Ленин подчеркивал, что без длительной и упорной борьбы эта часть дела невыполнима.

Раскрывая многообразие форм классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму, Ленин писал: «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»[350].

Наряду с установлением форм классовой борьбы в тот период он отмечал также усиление и ожесточение ее после рождения нового общества: «Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы,* которая *после* свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее»[351].

Басмачество явилось выражением классовой борьбы байства, местной буржуазии и реакционного мусульманского духовенства против диктатуры пролетариата.

М. В. Фрунзе в своей докладной записке В. И. Ленину правильно подметил, что басмачество было «вооруженным протестом против новых начал, на которых должна строиться новая жизнь»[352].

Социальной базой басмачества в Средней Азии были следующие свергнутые революцией эксплуататорские классы:

феодалы, бывшая родовая знать и прежние владельцы крупных земельных угодий. Лишенные революцией своих богатств и привилегий, они были в Туркестане наиболее заклятыми врагами революции. Из этой среды вышли руководители басмаческих шаек, самые упорные и жестокие басмачи; *нарождавшаяся местная национальная буржуазия.* Ее участие в басмачестве определялось борьбой против социалистического пути развития Туркестана, борьбой за капиталистический путь. Она снабжала басмаческие шайки деньгами и очень часто — вооружением; *байство.* Являясь наиболее многочисленным эксплуататорским классом, байство давало басмачам свои основные кадры. Они также снабжали банды продовольствием, фуражом и т. п.; *бывшие уголовные преступники,* вернувшиеся из ссылки и каторги в Туркестан после февраля 1917 г., *и всякого рода авантюристы.*

VI съезд КПТ (август 1921 г.), определяя социальное лицо басмачества, констатировал, что «в качестве руководителей и организующей силы (басмачества. — *Авт.*) выступают байство и деклассированные элементы профессионального бандитизма»[353].

В отчете ЦК КПТ VII съезду КПТ (март 1923 г.) также подчеркивалось, что «все отдельные курбаши являются крупными феодалами, крупными поработителями широких дехканских масс»[354].

Анализ социального состава басмачества будет неполным, если не указать на то, что в его рядах находились и представители свергнутых русских эксплуататорских классов. Первоначально это были единицы, и они в большинстве случаев выполняли функции военных инструкторов, но с начала и особенно с середины 1919 г.[355] их стало гораздо больше, и они во много раз увеличили численность басмаческих шаек. Представители русской контрреволюции не только непосредственно участвовали в боевых действиях, но и снабжали басмачей оружием, боеприпасами, деньгами и обмундированием.

Большую роль в организации басмачества сыграло реакционное мусульманское духовенство. С конца 1917 г. оно провозгласило басмачей «воинами Магомета» и «борцами за веру». Духовники объявили «газават» и назвали «гяурами» и «кяфырами» тех, кто не вошел в басмаческие шайки. Не без помощи мусульманского духовенства велась широкая панисламистская и пантюркистская пропаганда и агитация[356].

Характеризуя основное ядро басмачества, М. В. Фрунзе в мае 1920 г. писал, что в их рядах находятся те, кто привык к грабежам

и насилиям, привык за счет беспощадно обираемого населения строить себе праздную и привольную жизнь, кто, опираясь на собравшиеся под их знаменем шайки, мечтали стать властителями края, новыми ханами[357].

Идейными вожаками басмачей были буржуазные националисты. Выдавая себя за защитников «общенациональных» интересов, а на деле являясь выразителями чаяний местных эксплуататорских классов, они разжигали межнациональную вражду, пытались использовать басмачество для восстановления в Туркестане господства феодалов и баев и отрыва Туркестана от Советской России. Некоторые буржуазные националисты, находясь в руководящих органах республики, тайно поддерживали басмачей, организовывали снабжение их оружием и боеприпасами.

Но не только представители свергнутых эксплуататорских классов находились в басмаческих шайках. В них была и определенная часть трудового дехканства.

Почему же часть трудового дехканства поддерживала басмачество? Это объяснялось рядом причин, и прежде всего положением в туркестанском кишлаке. Известно, что до социалистической революции Туркестан являлся аграрной колонией царской России. После победы Великого Октября в Туркестане, как и во всей стране, был принят ряд мер по осуществлению ленинского Декрета о земле. Однако, несмотря на принятые меры, осуществить его и закон о социализации так, как в русской деревне, в Туркестане не удалось[358]. Основная часть земли находилась в руках эксплуататоров. Вопреки закону о земле в крае продолжалась ее продажа и купля.

Решение земельного вопроса в Туркестане было связано во многом не только с ликвидацией помещичьего землевладения, но и в значительной степени с необходимостью ликвидации землевладения русского переселенческого кулачества, распространенного наряду с другими областями и в Ферганской области.

Вопрос о земле в условиях Средней Азии тесно переплетался с вопросом о воде, поэтому земельный вопрос необходимо было решить в тесной связи с водным. Ирригационная система Туркестана была слабо развита, и это замедляло решение аграрного вопроса.

Проведение в жизнь ленинского Декрета о земле тормозилось и срывалось в Туркестане агентурой эксплуататорских классов — буржуазными националистами и «левыми» эсерами, находившимися в органах Советской власти. Представители старой царской администрации — чиновники и мирабы,

пролезшие в земельные комитеты, также срывали осуществление декрета.

В туркестанском кишлаке, особенно в районах современного юга Киргизии, были сильны феодально-патриархальные пережитки. В киргизскую общину входило несколько родов, во главе ее стоял наследственный манап, считавшийся полновластным хозяином. Его решения являлись законом для всех жителей общины. После победы Октября манапы, баи и другие представители эксплуататорских классов стремились сохранить свое господство и настраивали членов общины против Советской власти. Развернувшаяся гражданская война в свою очередь помешала осуществлению аграрных мероприятий Коммунистической партии.

Нерешенность земельного вопроса в Туркестане вплоть до 1924 г. констатировал в своих решениях II съезд КП (б) Узбекистана (1925 г.). В резолюции съезда было сказано: «Не изжиты до настоящего времени остатки феодальных отношений в кишлаке, выражающиеся в наличии частной собственности на землю, приводящие к сосредоточению у небольшой группы помещиков и байско-кулацких элементов города и деревни более ⅓ всех культурных земель и закабалению бедняцко-середняцких слоев кишлака»[359].

Таким образом видно, что в Туркестане в первые годы Советской власти старые, дореволюционные аграрные отношения не были полностью приведены в соответствие с требованиями ленинского Декрета о земле.

Аграрный вопрос в условиях Туркестана играл огромную роль, и его решение в значительной степени зависело от поведения дехканства. Не почувствовав на собственном опыте больших изменений во владении землей, дехканство оставалось во многом в зависимости и под влиянием своих старых эксплуататоров и духовенства, звавших их на борьбу с Советской властью.

Вместе с тем были и некоторые субъективные факторы, способствовавшие вовлечению трудовых масс дехканства в басмаческие шайки. К ним в первую очередь относятся искривления национальной политики партии, допускавшиеся шовинистическими, националистическими и эсеровскими элементами, находившимися в советских органах Туркестана, особенно Ферганской области, и ничего общего не имевшими с интересами пролетарского государства. Извращая ленинскую национальную политику, они возбуждали недоверие к Советской власти у отсталой части дехканства, чем широко пользовались организаторы басмачества.

Было бы неправильным утверждать, что национальную политику Советской власти искривляли только эсеровские и шовинистические элементы. Крупные ошибки в этой области допускали и некоторые большевистские партийные организации Туркестанской республики, засоренные в первый период гражданской войны чуждыми элементами.

Достаточно указать, что в декларации III съезда Советов Туркестанского края (15–22 ноября 1917 г.) об организации краевой власти указывалось на «неприемлемость» вовлечения в органы краевой власти представителей коренного населения Туркестана из-за незавершенности среди них процесса классовой дифференциации и отсутствия своих пролетарских организаций. В таком же духе выступали некоторые руководящие работники Туркестана и на IV съезде Советов (январь 1918 г.). В соответствии с этой линией представители трудящихся коренных национальностей в первый период существования Советской власти в Туркестане, до вмешательства ЦК РКП (б), слабо привлекались к управлению своим собственным государством.

Сыграли свою отрицательную роль и случаи грабежей мирного населения классово чуждыми элементами, затесавшимися в ряды Красной Армии, а под их влиянием и морально неустойчивыми красноармейцами.

Однако ошибки и искривления политики партии не могли породить басмачество. Они могли лишь усилить его, особенно на первых этапах, и усугубить общее положение. Но сводить причины возникновения басмачества только к ошибкам партийно-советских органов Туркестана или Ферганской области было бы грубейшим противоречием марксистско-ленинскому учению о классах и классовой борьбе в период диктатуры пролетариата. Подобная трактовка басмачества означает забвение одного из коренных положений ленинизма о неизбежности и закономерности яростного сопротивления свергнутых эксплуататорских классов после победы социалистической революции.

О том, что ошибки и искривления линии Коммунистической партии партийно-советскими органами Туркестана породили басмачество, кричали классовые враги и их подголоски, чтобы замаскировать истинную сущность этого классового явления. Такую позицию занимали буржуазные националисты, которые в целях оправдания басмачества утверждали, что если бы не было ошибок в национальном вопросе, то не было бы и его, что оно явилось якобы только ответом на «великодержавно-колониальную» политику партийно-советских органов Туркестана.

Подобные утверждения буржуазных националистов были по сути дела попыткой обвинить Советскую власть и Коммунистическую партию в том, что они своей деятельностью породили контрреволюционное басмачество, принесшее огромное горе народам Средней Азии.

Чтобы расширить басмачество, его главари и реакционное духовенство использовали также религиознонационалистические предрассудки дехканства, недостаточную политическую работу, проводившуюся среди трудящихся масс в первый год существования Советской власти. При этом зачастую курбаши заставляли дехкан идти в свои шайки, применяя террор, насилие и запугивание[360]. Для вербовки дехкан в отряды басмачей применялся и метод заложничества (людей, скота, имущества) [361].

Главарям и организаторам басмачества было на руку тяжелое экономическое положение, которое сложилось в Туркестане в канун Октябрьской социалистической революции. Упадок хлопководческого хозяйства привел к разорению сотен тысяч дехканских хозяйств. Курбаши и их вдохновители всеми силами стремились завербовать в свои ряды разорившихся дехкан, не находивших применения своим силам в сельском хозяйстве.

Участие части дехкан в бандах не придало басмачеству народности. Утверждение о том, что басмачество пользовалось поддержкой большинства трудящихся из коренного населения Туркестана на всем протяжении гражданской войны, является злостной клеветой.

И. Ленин еще накануне Октябрьской социалистической революции, разоблачая тех, кто пытался запугать большевиков и заставить их отказаться от взятия государственной власти в свои руки, в статье

«Удержат ли большевики государственную власть?» писал: «Широкая масса населения угнетенных наций… доверяет пролетариату России больше, чем буржуазии… Буржуазия подло предала дело свободы угнетенных наций, пролетариат верен делу свободы»[362].

В действительности большинство трудящихся масс Туркестана не могло поддерживать басмачей, которые были их злостными классовыми врагами. В подтверждение вышесказанного достаточно привести некоторые данные о классовом составе населения Ферганской области, о создании Советов мусульманских депутатов, вспомнить несколько характерных резолюций и постановлений, принятых на общих собраниях трудящихся мусульман.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., на долю

батраков и малоземельных крестьян из 2 211 864 человек, проживавших в Ферганской области, приходилось 163 706 крестьянских дворов. 45 272 двора имели приусадебные земли в размере ⅙ десятины. Значит, всего в Фергане на долю батраков и малоземельных крестьян приходилось 208 978 дворов. Если предположить, что в каждом дворе в среднем было по три трудоспособных человека, выйдет, что в Фергане проживало более 600 тыс. батраков и малоземельных дехкан. Известно, что басмаческие шайки в периоды своей активности насчитывали не более 40–50 тыс. человек. Следовательно, большинство трудящихся находилось вне их.

В первой половине 1918 г. по всей Фергане развернулась кампания по выборам кишлачных и волостных Советов, в которой активное участие приняла основная масса трудового населения области. В избранные Советы в большинстве случаев, как докладывал исполком Кокандского Совета, вошли «представители мусульманского пролетариата»[363]. Появление таких Советов свидетельствовало о том, что трудящиеся местных национальностей твердо стоят за Советскую власть. Наряду с Советами с осени 1918 г. по всей Ферганской области начинают создаваться комитеты и союзы бедноты. К концу года их насчитывалось свыше 60[364]. Они, а в дальнейшем союзы «Кошчи» были прочной опорой Советской власти в кишлаке и ауле.

Обратимся теперь к резолюциям и постановлениям, принятым на общих собраниях трудящихся мусульман при обсуждении вопросов об отношении к Советской власти и к басмачам.

Рабочие хлопкоочистительного завода на станции Горчаково в своей резолюции, принятой в декабре 1917 г., писали: «Мы, рабочие-мусульмане завода Ходжаева, единогласно решили поддерживать всеми имеющимися у нас средствами рабочее правительство — Совет рабочих и солдатских депутатов — и протягиваем ему братскую мозолистую руку. Мы протягиваем руку русскому пролетариату, в котором мы, темные мусульмане, видим истинного защитника рабочего и трудящегося класса, освободившего нас от нагайки чиновника и кулака бая… Мы идем рука об руку с русским пролетариатом и протестуем против попыток буржуазии разъединить нас… Мы хорошо поняли, кто нам друг и кто враг, и не пойдем на удочку прислужников старого режима»[365].

Приведенная резолюция характерна не только с точки зрения поддержки рабочими из местных трудовых национальностей Советской власти и их готовности бороться с классовыми

врагами, она проникнута идеей пролетарского интернационализма и благодарностью великому русскому народу, и в первую очередь русскому пролетариату. При этом надо иметь в виду, что указанная резолюция принималась в условиях, когда колониальный гнет Туркестана был только что ликвидирован и еще многое предстояло сделать для преодоления его последствий. Ясно, что рабочие местных национальностей, принимавшие такие решения, не могли поддерживать басмачей.

Дехкане Учменского, Сарымсакского, Нумского, Сафир-Атинского и Фаришского сельских обществ Фаришской волости Джизакского уезда Самаркандской области в январе 1918 г., обращаясь к СНК Туркреспублики, писали: «Стройте великое дело на благо народа, а мы Вам — фундамент, на который Вы можете надеяться так же, как мы надеемся на Вас»[366].

И это обращение свидетельствовало о том, что Советская власть становилась понятной и родной для трудового народа Туркестана.

Съезд народных судей, волостных управителей, сельских старшин и городских аксакалов Коканда и Кокандского уезда в начале апреля 1918 г. принял резолюцию, в которой выражал свое отношение к Советской власти, заявив: «…всеми имеющимися у нас средствами, вместе с русским населением рука об руку будем поддерживать ее и защищать»[367].

Рабочие и дехкане Кувинской волости Скобелевского (Ферганского) уезда 8 ноября 1919 г. на общем собрании, где присутствовало более 750 человек, приняли резолюцию, в которой говорилось: «Общее собрание мусульман стоит твердо в защиту Советской власти, так как все собравшиеся прекрасно знают, что только Советская власть есть действительно защитница беднейшего рабочего класса — пролетариата, и для произведения (так написано в резолюции. — Авт.) всех принципов Советской власти на местах, в кишлаках и аулах просит Облмусбюро, а также крайком партии выслать агитаторов Советской власти, а штаб фронта и Центральный Реввоенсовет просят принять самые энергичные меры к уничтожению господствующего в Фергане басмачества»[368].

В этой резолюции трудящиеся Кувинской волости уже вполне определенно заявляют о своей решимости бороться против басмачества.

Трудящиеся мусульмане старой части Андижана, собравшись на митинг 17 ноября 1919 г. и заслушав доклад «О текущем моменте», говорили в своих выступлениях о готовности оказать поддержку Советской власти, просили у военных представителей принять меры к ликвидации свирепствовавших в старом городе

мелких басмаческих шаек, нарушавших мирный труд населения[369].

Еще до этого митинга, 8 апреля 1919 г., общее собрание фракции коммунистов-мусульман старой части Андижана отметило, что трудовой народ старого города «день и ночь шел… во фракцию, заявляя о своем полном доверии к Советской власти, требуя принять меры к парализации разбойников»[370].

Аналогичные резолюции, письма и постановления принимались во многих местах Ферганы, они отражали настроение трудового народа всего Туркестана.

Приведем еще два характерных документа, относящихся к лету 1919 г. В докладной записке Главкому Туркреспублики из Ферганы, посланной в июне 1919 г., указывалось, что жители Наманганского уезда, где ранее действовали басмаческие банды, «с радостью встретили Аулеатинский отряд (отряд Красной Армии в 100 человек. — *Авт.*) и до сего времени дружески относятся к отряду, считая его как своего спасителя»[371].

Общее собрание представителей кишлаков Урмитан и Реват Фальгарской волости Самаркандской области в июне 1919 г. в резолюции о борьбе с басмачеством за писало: «Выражая полную готовность и желание содействовать в борьбе с разбойниками не только доставкой продуктов, но и с оружием в руках, убедительно просим (органы Советской власти области. — *Авт.*) выдать какое можно оружие, огнестрельное и холодное Если не будет хватать оружия, мы пойдем с отрядом с камнями в руках, дабы чем-нибудь помочь разбить разбойничьи банды»[372].

В пролетарских отрядах, выделенных на борьбу с басмачеством, было значительное количество рабочих узбеков, киргизов, таджиков[373]. Особенно много их имелось в кизылкийских, чимионских и сулюктинских отрядах. Так, в чимионском отряде насчитывалось 40 узбеков. Количество рабочих-узбеков и других местных национальностей возрастает в ходе борьбы с шайками басмачей. Об этом говорит пример отряда И. М. Парамонова[374]. Вначале в нем было всего 4 узбека, а впоследствии число их достигло 50 % численности отряда[375].

В рабочих отрядах, особенно сформированных из шахтеров и нефтяников, царил дух пролетарского интернационализма. Пример интернациональных отношений между рабочими показывали коммунисты парторганизаций шахтеров и нефтяников, в которых между коммунистами — «русскими и мусульманами царит полное доверие с обеих сторон»[376].

Горнорабочие Ферганы, по-братски относившиеся к жителям близлежащих кишлаков, были их защитниками, бескорыстными друзьями и учителями в борьбе против басмачества.

Участие рабочих местных национальностей в пролетарских отрядах имело исключительно большое значение для мобилизации трудящихся коренных национальностей на борьбу с басмачеством.

Роль пролетариата местных национальностей в борьбе против контрреволюции особо подчеркнул председатель Совнаркома Туркестанской республики В. Фигельский после своей поездки в Фергану в декабре 1918 г. В «Нашей газете» он писал: «…что касается рабочих (коренных национальностей. — *Авт.*), то о них приходится говорить как о классе, понявшем свою миссию и сознающем, что только борьбой с буржуазией, борьбой за дисциплину… они создают себе и братьям своим благополучие»[377].

Участие трудящихся коренных национальностей в отрядах рабочих, ведущих борьбу с басмачеством, имело огромное значение и для укрепления дружбы народов. От русских шахтеров трудящиеся коренных национальностей воспринимали революционные идеи, дух коллективизма и пролетарский интернационализм. Все это оказало решающее влияние не только на разгром басмачества, но и на упрочение Советской власти в Средней Азии.

В пролетарских отрядах Ферганы вместе с русскими, узбеками, таджиками, киргизами и казахами сражались и рабочие из бывших военнопленных. Одним из их организаторов на нефтепромысле «Чимион» был рабочий-венгр Эмиль Баку, вступивший здесь в ряды Коммунистической партии и избранный депутатом рабочего Совета[378].

Таким образом, становится несомненным, что большинство трудящихся коренных национальностей на всем протяжении гражданской войны не шли за басмачами, а, наоборот, активно боролись с ними. В этом была главная причина поражения басмачества и его разгрома, а также одно из основных условий победы Советской власти над объединенными силами интервентов и внутренней контрреволюции в Средней Азии.

Но вывод о том, что большинство трудящихся коренных национальностей не поддерживали басмачество, не противоречит тому, что на определенных этапах борьбы к нему примыкала часть этих масс.

В последующие годы, в период мирного социалистического строительства, трудящиеся среднеазиатских республик активно поддерживали части Красной Армии в вооруженной борьбе против басмачей. Это особенно наглядно проявилось при ликвидации банды Ибрагим-бека, вторгшейся на территорию Советского Таджикистана 30 марта 1931 г. Расчет басмачей на

поддержку населения не оправдался. Претворение в жизнь национальной политики партии дало свои плоды. Социалистические преобразования укрепили авторитет Советской власти, позволили воспитать многочисленный и преданный актив. Они выбили почву из-под ног у эксплуататорских групп, укрепили социальную основу советского строя.

Население республики активно участвовало в борьбе против басмачей. Оно информировало органы Советской власти, командование Красной Армии и пограничных войск о появлении банд. Дехкане активно помогали преследованию и поимке басмачей. В некоторых местах они организовали самоохрану, отряды самообороны, «краснопалочников» и пресекли неоднократные попытки ограбления кишлаков басмачами. На массовых митингах колхозники давали клятву: «Или мы басмачей убьем, или умрем сами, но не дадим грабить колхоз».

С помощью колхозников был захвачен главарь шайки Ибрагим-бек. Впоследствии на судебном процессе он говорил: «Я походом на Рентгантау пытался вовлечь в борьбу с Советской властью всех локайцев, однако население не пошло. Я убедился, что локайцы стали безбожниками»[379].

О высокой классовой сознательности трудящихся Таджикистана, их сплоченности вокруг Коммунистической партии свидетельствовала их организованность и активность в борьбе с басмачеством. Только в течение весны 1931 г. в добровольческие отряды и отряды «краснопалочников» вступило более 50 тыс. дехкан. Десятки тысяч участвовали и в разгроме банд Джунаид— хана на территории Туркмении.

Изменения социально-классовой структуры Средней Азии: ликвидация эксплуататорских элементов в городе и деревне, экономические и культурные успехи в строительстве новой жизни в начале 30-х гг. — обусловили окончательный крах басмачества во всех среднеазиатских республиках.

С момента возникновения и по настоящее время реакционная буржуазная историография грубо искажает и фальсифицирует причины возникновения басмачества в послеоктябрьский период, его цели, социальную базу. Как уже отмечалось, для подавляющего большинства буржуазных авторов характерно наделение контрреволюционного, антисоветского выступления в Средней Азии чертами «общенационального восстания», возникшего якобы вследствие «колониалистской политики» Советской власти. Арнольд, Беннигсен, Зеньковский, Кастанье, Олкот, Парк, Пайпс, Чокаев и др. трактуют басмачество как «партизанское», «народное», «национально-освободительное движение».

Отметим, что «классическое» определение басмачества, своего рода обобщенное выражение мнения большинства буржуазных авторов, пишущих на эту тему, дают А. Беннигсен и С. Уимбуш. Басмачество, указывают они, — это «массовое, народное, антисоветское, контрреволюционное восстание мусульманского населения Средней Азии, как оседлого, так и кочевого»[380]. Понятия «контрреволюционное восстание», «антисоветское» вполне правильны. Что же касается других дефиниций вроде «народное», «массовое», то с этим, как уже отмечалось, согласиться нельзя.

Пытаясь обосновать истоки и закономерности басмачества в советское время, «советологи» 20-х гг. обращались к истории дореволюционной России, в частности к восстанию народов Средней Азии в 1916 г. Кастанье, например, считал главной причиной этого восстания прибытие в Туркестан большой массы немецких и австрийских военнопленных, контакт которых «с туземным населением означал интенсификацию антирусской пропаганды. Эта пропаганда и мобилизация туземцев на тыловые работы европейского фронта привели к Джизакскому восстанию 14/VII — 1916 г.»[381]. При этом совершенно игнорировались его классовые, социальные, национальные корни.

Что же в действительности произошло в 1916 г. в Средней Азии?

Известно, что непосредственным поводом выступления народных масс явился царский указ от 25 июня 1916 г. о наборе на работу в тылу действующей армии 400 тыс. человек из коренного населения Туркестана, Казахстана, Сибири и Кавказа, представителям которого царизм не доверял оружия, и поэтому они не служили в действующей армии. В их числе из Туркестана должно было быть направлено на тыловые работы до 200 тыс. узбеков, таджиков, туркмен, киргизов, казахов, каракалпаков и др.[382]

Царский указ, изданный в условиях роста забастовочной борьбы 1915–1916 гг. в городах Центральной России, волнений в армии, преимущественно среди солдат запасных частей, а также в обстановке бедственного положения дехкан и ремесленников, усугубившегося войной и угнетением, вызвал повсеместное возмущение. Негодование возросло и в связи с тем, что феодально-байская верхушка и купцы получили возможность откупиться от набора, а духовенство и их дети были вовсе освобождены от призыва.

Во многих городах и селах Туркестана проходили митинги и собрания, где звучал протест против указа, а в ряде населённых пунктов Ферганской, Семиреченской и Сырдарышской областей

вспыхнули народные волнения и восстания, в которых участвовали десятки тысяч дехкан и ремесленников. Основу участников восстания составляли дехкане, городская беднота, выступавшие не только против национально-колониального гнета, но и против полуфеодальной, хищнической эксплуатации со стороны местных баев, манапов и ростовщиков.

Выступления народных масс были направлены против царского самодержавия и отчасти против местных феодалов и эксплуататоров. В силу этого восстание 1916 г. по своему политическому содержанию и движущим силам было антивоенным, антиимпериалистическим, а в некоторых районах и антифеодальным[383].

Вместе с тем в наиболее отсталых районах Средней Азии, где жили преимущественно скотоводы-кочевники, а также в ряде населенных пунктов с особенно отсталым населением феодалам и духовенству удалось разжечь национальную вражду, религиозный фанатизм и подвернуть выступления на реакционный путь. Именно здесь выдвигались лозунги, призывавшие к истреблению всего русского населения края, отделению Туркестана от России и восстановлению ханской и эмирской власти. Но это направление не приобрело массового характера, и восстание 1916 г. осталось по своему содержанию народным и справедливым.

Хотя восстание было жестоко подавлено царским правительством, оно в конечном итоге способствовало свержению царизма, укрепило в совместной борьбе с самодержавием союз трудящихся Средней Азии с русским народом.

Антикоммунистические версии Чокаева и других авторов 20–30-х гг. о восстании 1916 г. были подхвачены в 50-е гг. Р. Пайпсом, А. Парком, Б. Хаитом, в 60-е — С. Зеньковским, А. Беннигсеном, Э. Беккером, Э. Каррер д'Анкосс, а в 70–80-е гг. — С. Уимбушем, Э. Арнольдом, М. Олкот и другими «советологами».

Б. Хаит видел в басмачестве «продолжение освободительной борьбы» 1916 г. Он писал, что басмачество является «борьбой против русского господства и коммунизма»[384].

Хаит также заявлял, что, «так как Советы не проявили симпатии к борцам за свободу Туркестана при царском режиме, нельзя было ожидать, что они смогут оценить природу национального движения при советском правлении»[385]. В связи с этим он отмечал, что «неверно рассматривать басмаческое движение как гражданскую войну», ибо последнее понятие характерно для войны внутри одной нации, а «туркестанцы сражались с русскими войсками»[386]. В этом положении четко прослеживается методологическая несостоятельность буржуазной историографии — отождествление форм классовой борьбы (а

гражданская война — одна из ее наиболее высших и острых форм[387]) с существованием одной определенной нации. Более того, Б. Хаит даже провел аналогию между басмачеством и борьбой алжирских патриотов с колониальной Францией в начале 60-х гг. XX в.[388]

Немаловажна и еще одна черта «советологии»: басмачество отрывается от хода всей гражданской войны в Средней Азии и изображается как самостоятельное национально-освободительное движение. Наделяя реакционное, антисоветское, антисоциалистическое басмачество в Средней Азии «народным характером», буржуазная историография исходит из клеветнической концепции «колониалистской политики», проводимой якобы Советской властью по отношению к народам Туркестана. Это утверждение подкрепляется версией буржуазных историков о «безучастном» и даже «враждебном» отношении коренного населения региона к Октябрьской революции.

В 20-е гг. Валиди, Кастанье, Чокаев, а в последующие десятилетия Зеньковский, Каррер д'Анкосс, Монтей, Пайпс, Парк, Паулейдс, Рислер, Хаит и ряд других западных авторов стремились и стремятся доказать, будто бы установление Советской власти в Туркестане явилось простой «заменой» старого колониального режима новым, сменой «вывесок». Отсюда логически вытекает мысль: «оккупация Средней Азии регулярными советскими войсками» привела к возникновению басмачества[389]. Упрочение Советской власти в среднеазиатских республиках, разгром основных сил басмачей буржуазная историография трактует как «второе завоевание Средней Азии русскими войсками»[390].

Однако известно, что никакой «оккупации» не было и в помине. В 1917 г. в Средней Азии победил Великий Октябрь, а в 1919 г. произошло соединение войск Туркреспублики с войсками центра страны во главе с М. В. Фрунзе. Только упоминание этих дат показывает несостоятельность указанных версий. Что же касается «второго завоевания», то об этом скажем ниже.

Подавляющее большинство буржуазных авторов, и среди них Чокаев, Кэроу, Парк, Уилер, Зеньковский, Пайпс, Олкот, Хаит, обусловливали «национальный характер» басмачества тем, что оно возникло «под знаменем защиты «Кокандской автономии»», которая «представляла интересы мусульман» и сплотила массы местных национальностей Туркестана[391]. Но эти выводы опровергаются (правда, со значительными оговорками) даже некоторыми буржуазными авторами.

Стоило С. Зеньковскому обратить внимание на диспропорцию в представительстве делегатов из различных областей на IV

Чрезвычайном краевом мусульманском съезде в Коканде[392], принявшем решение о создании автономии[393], как он пришел к выводу, что это лишает «заправил автономии права говорить от имени народов Туркестана» и что «сфера влияния Кокандского правительства была мала, так как местное мусульманское население оставалось равнодушным к конфликту». Еще более определенен вывод Р. Пайпса, сделанный им в начале 50-х гг.: «Кокандская автономия никогда не имела опоры в народных массах, и она поддерживалась лишь сознательными слоями местного населения»[394]. Характерно, что А. Парк и другие буржуазные историки не писали о внутренней политике «Кокандской автономии», так как здесь они неминуемо должны были бы сказать о ее антинародной сущности. Именно это обстоятельство вынуждает Парка заявлять, что на защиту антисоветских автономистов «народ но выступал решительно»[395].

Однако большинство реакционных буржуазных историков, представляя «Кокандскую автономию» как наивысший политический институт туркестанского общества, заявляют о ее «всенародной поддержке», реализованной в форме басмачества. Эти идеи полностью опровергнуты советской историографией[396].

Чем же еще «советологи» обусловливают «национальный» характер басмачества? Тем, что, фальсифицируя и искажая социальную базу этого контрреволюционного, антисоветского выступления, утверждают, будто в басмачестве были «представлены все классы» и подавляющее большинство составляли «безработные аграрные рабочие и те горожане, которые были лишены средств к существованию благодаря запрету частной торговли», в нем «а/ктивно участвовали торговая буржуазия и мусульманские священники», существовал широкий «национальный фронт» борьбы с Советской властью[397].

Парк, Каррер д'Анкосс, Раковска-Хармстоун, Масселл социальной базой басмачества объявляли дехканство[398].

Для того чтобы доказать «национальный характер басмачества», Валидов, а вслед за ним и Масселл подчеркивали, что в нем участвовали «исключительно туземцы, крестьяне и рабочие, узбеки, таджики, туркмены, киргизы, а представители фанатических мусульманских сект, особенно из Коканда, «были полны страстного желания вдохнуть в движение миссионерский призыв к священной войне»[399]. Эти авторы не дают себе труда проанализировать социальный состав населения Средней Азии, выявить процесс классового расслоения. Это им явно невыгодно. Более того, они повсеместно обходят молчанием известный факт

объединения в единую силу басмачей и кулацкой, так называемой «Крестьянской армии» Ферганы, хотя даже Кастанье указывал на то, что основу басмачества помимо коренного населения составляли русские крестьяне— кулаки и «крестьянская армия» Монстрова, отстаивавшая интересы русского кулачества и действовавшая совместно с бандами Мадамин-бека[400].

Утверждения о «народной» основе басмачества опровергла М. Олкот, которая отметила, что основными социальными силами басмачей были «феодальная аристократия, племенные вожди, священники, крупные и средние землевладельцы, купеческий класс»[401]. Она выделяла и поддержку басмачества буржуазно-националистическими группировками — джадидами («мусульманскими реформаторами», по оценке буржуазной историографии), пантюркистами и другими националистическими группировками.

В отличие от Валидова, Чокаева и подавляющего большинства современных «советологов» Кастанье указывал (правда, с оговорками), что первоначально басмаческие банды «представляли собою сброд уголовников, которых освободило Временное правительство… из тюрем»[402]. Но после того как отряды басмачей составили «ядро национальной армии» временного Кокандского правительства, они, по мнению Кастанье, Чокаева и других буржуазных авторов, стали «муджахидами», ибо «главари прежних разбойников теперь уже действуют от имени населения, сражаясь за национальную идею»[403].

Этими туманными фразами националистического, исламского толка оправдывался разбой и насилие басмачей над мирным населением Средней Азии.

Размах басмачества, участие в нем масс мусульманского населения Чокаев объясняет «относительным ростом национального самосознания со времени независимых ханств», «усилением всех самопредохранительных инстинктов» в связи с якобы проводимой Советским государством «колонизаторской политикой» в Туркестане[404].

Реакционная буржуазная историография сознательно затушевывает классовый состав басмачей, старается представить басмачество как «всенародное восстание». Но даже сами «советологи», и в частности Пайпс, считаясь с конкретными фактами, вынуждены констатировать факт участия местных трудящихся масс в борьбе с контрреволюционными силами[405].

Отметим также, что рядовые басмачи, обманом или иным путем вовлеченные в банды, убедившись, что Советская власть

действительно представляет интересы и чаяния простых людей, становились впоследствии ее защитниками. Так, бывший в течение шести лет (1919–1924 гг.) басмачом Кутан Торгоев, в середине 20-х гг. стал командиром добровольческого отряда, помогал пограничникам в ликвидации банды Абдулы Джамбаева и Джаксамына Оманова в Киргизии. Этот пример не единственный. История гражданской войны в Туркестане полна такими эпизодами[406].

Анонимные авторы редакционной статьи журнала «Среднеазиатское обозрение», прикрываясь, как и другие буржуазные фальсификаторы истории, личиной объективности, привели выписки из многочисленных препарированных документов, чтобы доказать «народный и общенациональный характер» басмачества, объединявшего якобы все слои мусульманских народов в борьбе против Советской власти[407]. Журнал, однако, в конце концов вынужден был признать, что большинство трудящихся было с Советской властью, а не с басмачами, и сделать вывод: «Советы нашли поддержку крестьян»[408].

Обосновывая «всенародный» характер басмачества, некоторые из буржуазных авторов, в частности Рывкин, клеветнически заявляли, будто «многие официальные представители Советской власти поддерживали басма чей, переходили на их сторону»[409]. Известно, что бывший начальник милиции Мадамин-бек стал курбаши, а некоторые руководители Бухарской народной республики присоединились к Энвер-паше и действительно стали врагами Советской власти. Но такие факты были единичны и характерны прежде всего для феодальных и националистических элементов. И немаловажная роль в организации всенародной борьбы против басмачества, приведшей к его окончательному краху, принадлежит руководителям советских среднеазиатских республик Т. Рыскулову, Ф. Ходжаеву, А. Икрамову, Ю. Ахунбабаеву, К. Атабаеву, Н. Айтакову, М. Миршарапову и многим другим.

Участие в басмаческих шайках не только представителей эксплуататорских классов Туркестана, но и части трудового дехканства не отрицается советской историографией. Существенная разница, однако, состоит в том, что советские историки, говоря о вовлечении в басмачество некоторой отсталой части дехканства, выясняют причины, породившие это явление, определяют, к каким этапам движения оно относится, и показывают на основе многочисленных фактов, что основная часть дехканства шла в годы гражданской войны вместе с Советской властью, активно участвовала в разгроме

басмачества[410].

Исследования советских ученых убедительно опровергают главный тезис западной реакционной историографии о том, что в басмачестве участвовали широкие массы дехкан.

Отметим еще одну характерную черту концепции «национального» характера басмачества: отрицание многими «советологами» связи этого выступления с общероссийской контрреволюцией.

Лидеры туркестанских буржуазных националистов, всячески подчеркивая «национальный» характер басмачества, старались умолчать о своих связях с русской контрреволюцией. Известно, что М. Чокаев, будучи министром внутренних дел правительства «Кокандской автономии», вместе с министром народной обороны этого правительства Ходжаевым прибыл в Чарджуй в конце 1917 г. к командиру белогвардейской казачьей части полковнику Зайцеву с просьбой «выгнать большевиков, захвативших в крае власть», «восстановить в правах законное правительство» и принять «общее руководство движением»[411].

В 1928 г. М. Чокаев в статье «Басмаческое движение в Туркестане» ни одним словом не обмолвился о своей поездке к полковнику Зайцеву и о том, что основной военной силой «Кокандской автономии» были казачьи части. Он демагогически заявил: «…единственной вооруженной силой «Кокандской автономии» были отряды, которые возглавлял Иргаш, бывший ссыльный»[412].

Одной из особенностей буржуазной литературы 20-х гг. было отсутствие единого мнения по рассматриваемому вопросу. В то время как националистические авторы (Валидов, Чокаев) не вскрывали, но, более того, затушевывали связи басмачей с русской контрреволюцией, материалы некоторых западных авторов, в частности Кастанье, их по существу опровергали. Упоминая о совместных действиях басмаческих банд с контрреволюционными организациями русских белогвардейцев, Кастанье при этом делал упор на то, что у них якобы различные цели, игнорируя этим классовый характер контрреволюционных сил, совместно боровшихся с Советской властью за реставрацию феодально-буржуазных порядков[413].

В первой половине 60-х гг. в «советологии» усиливается тенденция подчеркивать антирусский характер басмачества. Так, М. Рывкин писал: «Борьба между басмачами и советскими войсками была борьбой не между коммунистами и антикоммунистами, а между русскими и мусульманами. Басмачи, несмотря на то что сначала на короткий период были связаны с

антикоммунистическими русскими группами, составляли национальное, мусульманское, туркестанское движение»[414]. Другой американский «советолог», Э. Бэкон, считал, что басмачество появилось в результате «глубокого чувства ненависти против всего русского», которое якобы глубоко укоренилось в народах Средней Азии и которое усилилось после победы Октябрьской революции[415].

М. Олкот, напротив, расценивала союз басмаческих и русских контрреволюционных сил (объединение басмаческих банд Мадамин-бека и «крестьянской армии» Монстрова) как «наиболее успешное и наиболее длительное басмаческо-русское сотрудничество», позволившее сформировать Ферганское временное правительство. Это буржуазно-националистическое правительство Олкот считала «демократическим, либеральным, выразителем интересов народа»[416].

То, что басмачество смогло активно действовать в Ферганской долине в конце 1917 и в 1918 г., обусловливалось также (как верно, кстати, отмечает Олкот) и блокадой Туркестана, его оторванностью от Советской России, наличием многочисленных антисоветских фронтов[417].

Пайпс, Парк, Беккер, Олкот и ряд других авторов считают, что создание народных республик в Бухаре и Хорезме дало новый импульс басмачеству. На самом деле не образование этих республик, а борьба антинародных сил против нового строя, установленного в Бухаре и Хорезме, вызвала оживление басмачества.

В реакционной буржуазной историографии на протяжении многих лет умышленно не анализируются причины возникновения различных басмаческих фронтов в 1918 –20-х гг. То, что басмачество в конце 1917 — в 1920-м г., а затем и в отдельные периоды 1920 и 1921 гг. в основном было сосредоточено в Ферганской области, объясняется рядом социально-экономических, политических и географических условий[418].

Область еще до революции была центром хлопкоочистительной, угольной и нефтяной промышленности всей Средней Азии. Здесь сложилась довольно большая для этого региона группа промышленной и финансовой буржуазии. Сильной и влиятельной была в Ферганской области прослойка мусульманского духовенства: на каждые 325 человек приходилась мечеть, в то время как по всей Средней Азии каждая мечеть обслуживала 700–1000 человек, а в дореволюционной России церковный приход обслуживал 10–12 тыс. населения. В одном лишь Коканде насчитывалось до 300 мечетей. В области было

15 тыс. служителей религиозного культа. Реакционное мусульманское духовенство, широко используя ислам, стремилось разжечь басмачество. Наличие здесь накануне победы Октября сильной прослойки эксплуататорских классов предопределило организацию басмачества самыми богатыми ее представителями (среди них Миркамиль Муминбаев, Темирбеков, Абдумансур Мингабаши, Усман Кари Умаров, Кудрат Хозрат и др.), оказание ими материальной и другой помощи басмаческим бандам. По некоторым данным, в Ферганской долине было 13–15 тыс. промышленных рабочих: русских — 3517 человек, узбеков — 9247, киргизов — 519, таджиков — 845 и других национальностей — 1252 человека. В промышленноторговых заведениях, в кустарном производстве и складском хозяйстве насчитывалось 35 тыс. рабочих[419].

Организаторы басмачества использовали в Фергане, где проживало до 20 национальностей, сложную межнациональную обстановку, вызванную последствиями колониальной политики царизма и усугублявшуюся тем, что проживавшие здесь народы, как и во всем Туркестане, либо не вышли из средневековья, либо недавно вступили на путь капиталистического развития. К тому же в этой области затянулся процесс становления Советской власти: она была установлена только 6 декабря 1917 г., между тем как в Ташкенте и других местах Туркестана победила в ноябре 1917 г. (III краевой съезд Советов, проходивший 15–22 ноября 1917 г., провозгласил переход власти во всем крае)[420].

Установлению Советской власти в Фергане всячески препятствовали эсеры и меньшевики. В городах области вся власть перешла к Советам только к концу декабря 1917 — началу 1918 г. Избранный же в Фергане в декабре 1917 г. новый областной Совет депутатов в результате засилья в нем меньшевиков и эсеров оказался неработоспособным. Кроме того, на ответственные посты в советские организации области пробрались дашнаки, белогвардейцы, буржуазные националисты[421].

Хотя коммунисты Ферганы в большинстве своем были стойкими членами Коммунистической партии Туркестана, опирались в своей деятельности на один из наиболее сильных отрядов рабочего класса, а также на передовые элементы городских ремесленников и кишлакской бедноты, но неопытность большевистской партийной организации Ферганской области, в целом созданной только к концу декабря 1917 г., отсутствие достаточной закалки, конечно, использовались в своих целях врагами Советской власти. Возникновению басмачества в Фергане способствовало и то, что сюда после победы Октября бежали из

Ташкента многие представители контрреволюционных организаций: Краевого эсеро-меньшевистского совета (КРАСа), Краевого совета партии «Шура-и-ислам» и др. Именно на территории Ферганы в старой части Коканда в конце ноября 1917 г. была создана «Кокандская автономия», из недр которой вышли первые басмаческие банды.

Выясняя, почему именно Ферганская область стала в тот период центром басмачества, нельзя упускать из виду и ее географическое положение. В 1918 г. Ферганская область граничила на юго-западе с Бухарой, а на востоке — с Китаем. Бухара была центром мракобесия и реакции всей Средней Азии. С началом империалистической интервенции и гражданской войны в нашей стране территория Бухарского эмирата превратилась в плацдарм английской интервенции в Среднюю Азию, а правящие круги эмирата стали послушным орудием в руках англо-американского империализма. Умело используя контрреволюционные настроения эксплуататорских слоев Бухары и особенно духовенства, имевшего влияние на все духовенство Средней Азии, англо-американские империалисты стремились через них раздувать пожар басмачества. Территориальная близость Ферганы с Бухарой позволяла снабжать басмаческие банды через Бухару вооружением и уводить их туда на переформирование в случае поражения.

Общая граница с Китаем также использовалась империалистами для обеспечения басмаческих шаек оружием и для отвода их в случаях поражения и преследования частями Красной Армии.

Географическое положение Ферганской долины имело известное преимущество и для Советской власти: через границы Туркестана, в том числе Ферганы, не могли быть переброшены крупные силы интервентов. Поэтому империалисты оказывали помощь басмачам главным образом путем посылки им оружия, денег, инструкторов и агентов.

Таковы некоторые социально-экономические, политические и географические причины того, что Фергана стала центром басмачества в Туркестане в 1918–1920 гг. Пайпс же видел причину возникновения здесь басмачества исключительно в «колонизаторской» политике Советского правительства, санкционировавшего якобы погромы и разбои в Коканде, других городах и кишлаках Ферганы. Он также утверждал, будто басмачество в Бухаре и Хиве возникло вследствие «оккупации» этих ханств советскими войсками[422], вновь игнорируя классовый смысл этой формы сопротивления сил контрреволюции новому, социалистическому строю.

Сущностью басмачества Пайпс объявил не его классовую природу, а то, что оно состояло из различных отрядов, «действовавших независимо друг от друга под командованием честолюбивых и завистливых главарей, которые отказывались координировать свои действия и временами вовлекались в междоусобные войны». В критические моменты, с сожалением писал он, «басмаческие отряды переходили на сторону красных». «По существу, — заявил Пайпс, — басмачество представляло ряд отдельных племенных восстаний, которые показали весь недостаток такой формы сопротивления»[423].

Хотя Пайпс и вынужден был признать, что басмачество никогда не смогло бы свергнуть Советскую власть в Туркестане, он оговаривал это тем, что «русские были несравненно лучше организованы», имели в своем распоряжении более многочисленные и более обученные вооруженные силы[424].

Зеньковский, Олкот, некоторые другие западные авторы представляют басмачество и как мусульманское движение, возникшее в ответ на «антирелигиозную политику Советской власти»[425]. Такая трактовка зародилась еще в 20-е гг., и Чокаев был ее главным творцом. Однако известно, и многие буржуазные авторы не отрицают этого факта, что именно в 20-е гг. партийными и советскими органами края был предпринят ряд мер по исправлению линии в отношении ислама и религиозных организаций (возвращение некоторых вакуфных земель религиозным организациям, восстановление судов, назиев и биев, легализация конфессиональных школ)[426].

Противоречивы рассуждения С. Зеньковского и о роли исламских лозунгов в басмаческом движении[427]. Он считал, что ислам был единственной силой, сплачивающей местное население, но тут же заключал, что «басмаческое движение» почти ничего не имело общего с «тюркскими националистическими целями», ибо басмачи были «скорее борцами за образ жизни предков, за племенной социальный порядок»[428].

Буржуазные авторы последних лет, и в их числе Олкот, большое значение придают идеологическому обоснованию якобы имеющихся закономерностей басмачества. Ислам, подчеркивает Олкот, объединил в басмачестве все контрреволюционные силы: консервативных мусульман, умеренных реформистов и туркестанских социалистов[429]. Именно он, по мнению Олкот, сыграл значительную роль «в генезисе и сохранении сопротивления басмачей». Олкот мотивирует значение ислама и тем, что курбаши начиная с Иргаша — «эмира мусульман», «вождя истинно верующих» — под религиозными лозунгами

призывали бороться за «защиту шариата», «торжество ислама» и т. д.[430]

В басмачестве, как считает Олкот, у туркестанцев впервые осознанно «возникло чувство национальной идентичности», которое якобы сегодня сохраняется в настроении интеллигенции Средней Азии, помнящей о достоинствах «традиционалистского общества и его исламском наследии», в котором басмачам предоставлен статут «национальных героев»[431]. Впрочем, эту мысль еще в 20-е гг. высказал Чокаев и другие буржуазные националисты.

Известно, что главари басмачества использовали и пантюркистские лозунги. Отмечая, что пантюркистское движение в Советской России с самого начала было обречено, И. Ландау объяснял это исключительно субъективными условиями: организационной слабостью пантюркистских группировок, отсутствием в их рядах кадров, подобных «ленинским революционерам», политического единства и т. д.[432] Краху пантюркизма способствовало создание республик Средней Азии, которое, как мы уже указывали, всячески фальсифицируется буржуазными авторами, в том числе и Ландау.

Тенденция современной буржуазной историографии изображать басмачество как чисто «религиозное движение», объединенное исключительно исламом, направлена, в частности, на оправдание кровавых злодеяний душманов в Афганистане.

Объявляя о «народном», «общенациональном» характере басмачества, буржуазные авторы извращают как ленинскую национальную политику, так и практические социально-экономические, политические мероприятия Коммунистической партии в годы гражданской войны, в начале мирного социалистического строительства. Но именно благодаря такой политике Коммунистической партии и Советскому правительству удалось привлечь на свою сторону большинство трудящихся края, мобилизовать их на решительную борьбу с басмачеством и в начале 30-х гг. ликвидировать его.

При «исследовании» различных проблем басмачества буржуазные авторы наибольшее внимание уделяют фальсификации деятельности Туркомиссии, Компартии Туркестана и борьбе Красной Армии. Для верного понимания этих проблем обратном внимание на следующие факты.

В радиограмме ЦК РКП (б) от 10 июля 1919 г. на имя Туркестанского правительства и Компартии Туркестана, известной под названием «О пропорциональном представительстве», указывалось: «ЦК коммунистов сообщает ЦИК Туркестанской республики и Краевому комитету

коммунистов, что на основании принятой VIII съездом программы Коммунистической партии, в интересах политики рабоче-крестьянской власти на Востоке, необходимо широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями.

Прекратить реквизицию мусульманского имущества без согласия краевых мусульманских организаций, избегать всяких трений, создающих антагонизм»[433].

В заключение радиограммы было сказано: «Надеемся, что передовой революционный кадр Туркестана, русский пролетариат, исполнит свой революционный долг, примет все меры к осуществлению намеченной центральной властью цели и устранит затруднения к ее проведению»[434].

Сущность директивы ЦК партии состояла в том, чтобы во все органы Советской власти были привлечены самые широкие массы трудящихся местных национальностей. Центральный Комитет партии, давая установку на широкое пропорциональное представительство, предлагал добиваться не пассивного участия местных трудящихся масс в Советах, а их активной деятельности в государственной жизни. Так Центральный Комитет партии нацелил большевиков Туркестана на крутой поворот в осуществлении национальной политики и исправлении допущенных грубых ошибок. Его указания явились главным звеном борьбы за дальнейшее упрочение Советской власти в Средней Азии.

ЦК партии понимал и учитывал трудности, обусловленные спецификой узбекского кишлака, киргизского аила, туркменского аула, отсутствием в них сил пролетариата и закаленных классовых организаций местного трудового народа[435]. Принималась во внимание и опасность проникновения в органы Советской власти классово чуждых элементов. Однако ЦК считал, что эти трудности — явление временное и что в процессе осуществления его директивы вырастут новые кадры из низов народа.

ЦК партии, отдавая должное революционным заслугам пролетариата Туркестана, призывал именно его на деле показать пример интернационального отношения к бывшим угнетенным народам Средней Азии.

Радиограмма Центрального Комитета имела большое международное значение. Народы Востока еще раз могли убедиться в верности Коммунистической партии курсу на

самоопределение наций.

Обнародование радиограммы ЦК РКП (б) вызвало подъем политической активности трудящихся местных национальностей и сыграло свою роль в дальнейшем объединении их вокруг Советской власти.

Крайком КПТ постановил провести в жизнь указания ЦК РКП (б) и поручил Мусбюро разработать конкретные мероприятия. Мусбюро, выполняя это решение, обратилось с циркулярным письмом ко всем парторганизациям края. «Чтобы оправдать высокое доверие, оказанное центральной властью по отношению к трудовому народу Туркестана, — говорилось в нем, — Краймусбюро со своей стороны призывает все мусульманские коммунистические организации к творческой государственной деятельности и всемерной защите принципов, провозглашенных Великой Российской социалистическои революцией»[436].

Директиву ЦК РКП (б) горячо одобрили широкие массы трудящихся всех национальностей Туркестана. Председатель ТуркЦИКа Апин в своей телеграмме в СНК РСФСР в октябре 1919 г. так охарактеризовал настроение трудящихся мусульман в эти дни: «Бывшие на III съезде Советов и на IV съезде партии товарищи мусульмане и вся мусульманская беднота… все свое благополучие связывают исключительно с Советской властью и Коммунистической партией и видят в них и только в них свое освобождение от империалистического гнета. Нет той воли, той силы, которая могла бы их оторвать от Советской власти и Коммунистической партии»[437].

В этих условиях назрел вопрос о посылке в Туркестан специальной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В постановлении ВЦИК и Совнаркома от 8 октября 1919 г. за подписью Ленина о создании Туркомиссии подчеркивалось, что ее главными задачами являлись: укрепление союза трудящихся масс России с народами Туркестана, оказание помощи советским и партийным организациям Туркестана в дальнейшем упрочении Советской власти, в уничтожении всякого национального неравенства, национальных привилегий, в ликвидации ошибок в национальной политике[438]. В инструкции, разработанной комиссией СНК РСФСР, указывалось, что первоочередной и ближайшей задачей Туркомиссии должна быть реорганизация советских учреждений Туркестана на основе привлечения широких трудящихся масс местных национальностей к управлению государством. В задачи Туркомиссии также входило способствовать проведению в Туркестане директив и указаний центральных органов власти РСФСР.

Огромное значение для коммунистов Туркестана и для

деятельности Туркомиссии имело письмо В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана»[439].

Буржуазная историография специально не освещает деятельность Туркомиссии в Средней Азии, ибо объективный анализ этой проблемы во многом проясняет понимание причин поражения басмачества. Однако отдельные аспекты ее все же затронули в своих трудах Зеньковский, Пайпс, Парк, Шукман, Олкот[440]. Они объясняют создание Туркомиссии якобы небывалым ростом антирусских и антибольшевистских настроений в Туркестане, враждебным отношением к Советской власти коренного населения. В буржуазной историографии превалирует ничем не доказанный тезис о том, что Туркомиссия должна была стать «высшей правительственной и партийной властью в Туркестане»[441].

Зеньковский, А. Парк необоснованно обвиняют Туркомиссию в «гонениях» на коммунистов местных национальностей, а также джадидов[442]. Решительные же меры Туркомиссии, направленные на искоренение национализма в партийных рядах, советских органах А. Шукман рассматривает как «диктат»[443].

Буржуазными авторами фальсифицируются задач! Туркомиссии, которые сводятся, по их мнению, к одной цели: выяснить «причины восстания басмачей и народной поддержки этого движения», «распространить революцию на Бухару и Хиву»[444]. На самом деле задачами комиссии как раз и были изучение проблем, возникших в ходе гражданской войны и интервенции в Туркестане, выработка программы по претворению в жизнь ленинской национальной политики в период развития социалистической революции в крае.

Успешное решение народами региона социальных, политических и экономических проблем доказало историческую правоту ленинской политики Коммунистической партии Советского Союза. Важный вклад в осуществление этой политики внесла в 20-е гг. и Туркомиссия.

Пайпс и другие авторы акцентируют свое внимание на ошибках руководства ТАССР в области национальной и экономической политики, считая их определяющими причинами возникновения басмачества[445], но басмачество существовало как явление классовой борьбы, борьбы, объединяющей все эксплуататорские классы, группировки, чуждые социалистическому строю.

В буржуазной историографии конца 50-х гг. с оговорками указывалось, что Советская власть в Туркестане после воссоединения республики с Советской Россией не только принимала военные меры против контрреволюции, но и

осуществляла экономические мероприятия (разрешение частной торговли, справедливое распределение продовольствия между коренным населением и европейцами и т. д.), проводила политическую работу среди населения (отмечалось, что Татарская бригада Красной Армии, посланная в Туркестан в конце 1919 г., не только осуществляла военные операции, но и была пропагандистом среди «исповедующих ту же веру басмачей»). Победы над басмачами были одержаны во многом «благодаря новой экономической политике», отмечали некоторые авторы конца 50-х гг. К концу 1921 г., писал анонимный автор из «Среднеазиатского обозрения», стал «ощущаться эффект» этой политики[446].

Каррер д'Анкосс также признала, что помимо военных мер в крахе басмачества большую роль сыграли и некоторые политические и экономические меры Советской власти: введение новой экономической политики, возвращение вакуфных земель. При этом она делала оговорку, опять-таки подчеркивавшую «всенародный характер басмачества», вслед за Пайпсом утверждая, будто социально-политические мероприятия Советской власти «подорвали народную основу басмачества»[447].

Большинство буржуазных авторов замалчивают позитивную политическую, экономическую деятельность Туркомиссии, позволившую на практике осуществить ленинские указания о социалистическом строительстве в Туркестанской советской республике.

Реакционная буржуазная историография подробнейшим образом описывает «героическую жизнь» басмаческих главарей и старается не затрагивать вообще или исказить деятельность в Туркестане выдающихся организаторов борьбы с басмачеством — М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзутака, Ш. З. Элиавы, Г. К. Орджоникидзе и др.

Так, полковник запаса американской армии, профессор Мерилендского университета У. Джекобс в своей книге «Фрунзе: советский Клаузевиц, 1885–1925», высоко ставя военную деятельность Фрунзе на Восточном и других фронтах, негативно оценивал его роль в разгроме басмачей в Туркестане, заявляя, что «операции, которыми Фрунзе руководил с февраля по сентябрь (1920 г. — *Авт.*), мало добавили к его военной репутации и славе»[448]. У. Джекобс во всем, что касается басмачей, повторял выводы Парка, также утверждая, что войска М. В. Фрунзе «помогли присоединить Среднюю Азию к советской империи». На самом же деле полководческий талант М. В. Фрунзе засверкал в Средней Азии новыми гранями, пополнился новым и огромным опытом. Об этом много и убедительно пишется в советской

историографии[449].

Масселл характеризовал членов Туркомиссии как «проконсулов, посланных из Центра», чтобы упрочить «советскую колонизацию»[450].

Как и другие реакционные буржуазные авторы, ставившие под сомнение государственные способности большевиков, А. Шукман указывал лишь на то, что «члены комиссии имели богатый революционный опыт»[451].

И это — все, что могли сказать «советологи» о «рыцарях революции», интернационалистах, на деле воплощавших ленинскую национальную политику, сыгравших значительную роль в упрочении Советской власти в Туркестане, создании Союза Советских Социалистических Республик.

«Советология», пытаясь доказать, что коренное население Средней Азии пассивно отнеслось к Октябрьской революции, приписывает насильственный характер установлению Советской власти в регионе, искажая при этом роль Красной Армии в борьбе против русских белогвардейцев, националистов, басмачества[452].

В анонимной работе «Красная Армия в Туркестане, 1917–1920», изданной во второй половине 60-х гг., повторялись утверждения западных авторов 40–50-х гг. о преобладании в красноармейских частях иностранных бойцов из числа бывших военнопленных австрийцев, венгров, немцев, их решающей роли в военных операциях против Дутова, «Кокандского автономного правительства» и др.[453] Искажалась и политика советских властей в отношении привлечения коренного населения на службу в Красную Армию[454]. Все это делалось для того, чтобы представить победы Красной Армии на фронтах гражданской войны в Туркестане случайными, достигнутыми в результате «коварных мер», якобы предпринятых Туркомиссией для привлечения на сторону Советской власти коренного населения края. Как всегда, при упоминании о многократном численном превосходстве Красной Армии над басмаческими силами в Фергане и Восточной Бухаре не приводятся данные о количественном составе тех и других сил. И это понятно, ибо Красная Армия была особенно сильна тем, что ее в борьбе против басмачей поддерживали массы трудящихся коренных национальностей Туркестана, а этого не хотят признавать буржуазные авторы.

Буржуазная реакционная историография всячески принижает роль Коммунистической партии в привлечении широких масс коренного населения Средней Азии на сторону Советской власти. Утверждается даже, будто решающую роль в привлечении дехкан, других слоев трудящихся к борьбе против басмачей сыграло…

«мусульманское духовенство»[455]. Принтом совершенно игнорируется тот факт, что в ходе социалистической революции в регионе произошла дифференциация и среди духовенства, в среде которого возникли разногласия, в особенности по вопросу об отношении к Советской власти. С самого начала революции реакционное высшее духовенство, тесно связанное с буржуазией, крупными феодалами, заняло твердую антисоветскую позицию, а среди рядового духовенства в начале 20-х гг. появились люди, согласные принять Советскую власть, сотрудничать с ней. V съезд Коммунистической партии Туркестана (сентябрь 1920 г.) отметил, в частности, что «в среде улемов имеется прогрессивная часть», и признал возможным «использование ее в советских учреждениях»[456].

Съезд мулл Бухарской народной республики в 1924 г. принял резолюцию, в которой, опираясь на Коран, заявлял о поддержке народной власти, осуждал басмачество. Муллы писали, что если басмачи не прекратят кровопролития, то «означенных непокорных ослушников воли бога и совправительства надлежит вооруженной силой совершенно уничтожить, и убийство таковых шариат признает законным и безгрешным»[457].

Но, повторяем, на то, что часть мусульманского духовенства признала Советскую власть и стала сотрудничать с нею, повлияли: упрочение социалистического строя в крае, политические, экономические, культурные мероприятия народной власти, приведшие к тому, что массы трудящихся на собственном опыте убедились, кто несет им добро, а кто — зло.

Неспособность реакционных буржуазных авторов дать верную, правдивую оценку происхождения, классовой сущности басмачества доказывает несостоятельность их методологических концепций истории Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, строительства социализма в СССР.

2. Роль международного империализма в организации и руководстве басмачеством

На протяжении многих десятилетий международный империализм не оставлял своим «вниманием» Советский Восток. Политика западных держав определялась их ненавистью к Великой Октябрьской социалистической революции, оказавшей огромное воздействие на весь мир, включая народы зарубежного Востока. В империалистических планах свержения диктатуры пролетариата и отрыва Средней Азии от Советского государства большое место отводилось басмаческим бандам. Международный империализм играл вдохновляющую, организующую и направляющую роль в создании и поддержке басмачества как формы антисоветской борьбы местной буржуазии, феодалов, баев, мулл и кулаков. Его идеологическая основа — реакционно-религиозная (панисламизм), шовинистическая (пантюркизм) и националистическая. Непосредственными организаторами басмачества внутри региона являлись контрреволюционные организации «Шура-и-ислам» и «Шура-и-улема» в Туркестане, а прямыми союзниками — белогвардейщина, турецкая, афганская и китайская реакция.

Интерес правящих кругов Англии и США к среднеазиатскому региону проявился еще в прошлом веке, но особенно пристальное внимание американских колонизаторов привлекла Средняя Азия начала нынешнего столетия[458]. Этот район притягивал их богатством полезных ископаемых, хлопком, дешевой рабочей силой и стратегически важным географическим положением.

Проникновение американцев в Туркестан происходило по классической схеме действий колонизаторов. Вначале там появлялись «специалисты» по изучению культуры, быта и нравов «туземцев», инструкторы по обработке хлопка и развитию животноводства, руководители геологических и железнодорожных изысканий, археологи, журналисты и туристы. Ими проводились сбор и обработка данных экономического, политического и военного характера, а их «культурно-просветительные» и «филантропические» мероприятия прикрывающего характера щедро финансировались правительством США. По неполным данным, в Туркестане за 1903–1913 гг. побывало 25 американских представителей различного рода[459]. Вместе с «культуртрегерами» там появились также дипломатические и военные чиновники, стремившиеся установить контакты с местными органами власти, владельцами

хлопковых плантаций и хлопкоочистительных заводов, хозяевами угольных шахт и нефтяных скважин. Они. активно зондировали почву на предмет получения концессий, открытия отделений своих банков и торговых палат, заключения контрактов по строительству железных дорог и проведению оросительных работ.

В Средней Азии возникли первые американские конторы, склады, торговые и промышленные фирмы. Так, в Ташкенте открылись завод хлопкоочистительного и маслобойного оборудования компании Броун, торговый дом «Стукен и К°», снабжавший Среднюю Азию и Кавказ машинами американского завода «Лиммус», англо-американское товарищество «Ж. Блок», представлявшее заводы подъемных машин, велосипедов, пишущих машинок, и т. д.[460] В 1909 г. представитель американских банковских кругов Джексон образовал компанию по строительству железной дороги от Сибирской магистрали к Ташкенту. Особую активность при «освоении» среднеазиатского региона проявлял Г. Гувер, за спиной которого стояла финансовая группа Моргана. В те же годы создается Русско-Азиатское общество, владевшее 2,5 млн. акров земли, в том числе лесными массивами и источниками водной энергии. На землях общества имелись залежи золота, меди, серебра и цинка, действовали 12 рудников, 2 медеплавильных завода, 20 лесопилок, 250 миль железных дорог. Ему принадлежали пароходы, баржи, домны, прокатные станы, химические заводы, драги[461]. Общая стоимость имущества Русско-Азиатского общества составляла более 1 млрд, долларов. Группа Моргана направила в Туркестан также миссию Гаммонда, чтобы прибрать к своим рукам разработку проектов ирригационных работ в Каракумах.

Американский капитал вместе с британским упорно стремился обосноваться в Ферганской долине, ставшей позднее центром басмачества. Акции многих компаний, эксплуатировавших богатства Ферганы, находились у американо-английских владельцев. Так, в 1909 г. нефтяные компании Г. Гувера и Л. Уркварта, выкупив у русских предпринимателей Майлисайское месторождение нефти, создали Ферганское нефтепромышленное общество. В его состав вошло также Памирское золотопромышленное общество ферганского предпринимателя Назарова — агента американского капитала, одного из будущих руководителей контрреволюционной Туркестанской военной организации[462].

В 1912 г. в Андижане поселился американец У. Мей, ставший членом Туркестанского торгово-промышленного общества. По его инициативе последнее установило контакты с промышленниками США[463], а в Коканде открылся склад американской

нефтекомпании «Вакуум ойл компани».

Среднеазиатское нефтепромышленное и торговое общество «Санто», созданное в Ферганской области в 1898 г., финансировалось учрежденной в Лондоне и функционировавшей на основе британских законов Русской генеральной нефтяной корпорацией[464]. Основанное в 1905 г. нефте— и горнопромышленное общество «Чимион» тоже было связано с английским капиталом. Две трети основного капитала Среднеазиатского каменноугольного общества Кызыл-Кия принадлежали Петербургскому международному коммерческому банку, связанному с английским, французским и немецким капиталом[465].

Незадолго до первой мировой войны в России было открыто отделение американского акционерного общества «Компания Зингер» с акционерным капиталом в 50 млн. руб. Оно имело представителей, склады и магазины почти во всех городах и крупных населенных пунктах Туркестанского края. Есть данные, что «вся обширная агентурная сеть «Компании Зингер» в Туркестане не столько занималась торговлей швейными машинами, сколько шпионской деятельностью: агенты фирмы собирали сведения о роде занятий населения, о состоянии дорог, о размерах посевов и поголовья скота, о промышленности и торговле»[466].

Особое место в экономической экспансии США занимал банковский капитал. Один из самых крупных в Средней Азии Русско-Азиатский банк (создан в 1910 г. на базе бывшего Русско-Китайского банка, возникшего в 1896 г.) был тесно связан с американским финансовым капиталом и его представителями, особенно с В. Вандерлипом и Г. Гувером. В Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане, Маргелане, Намангане, Бухаре, Новом Ургенче, Асхабаде, Мерве и Керках этот банк имел отделения, контролировавшие деятельность почти всех местных хлопкопромышленников, приобрел большинство акций Кокандо-Наманганской и Токмакской железных дорог, Русского товарищества «Нефть», Кокандского электрического общества, Среднеазиатского нефтепромышленного товарищества, предоставлял кредиты местным предпринимателям и скупщикам хлопка, владел акциями строительства железнодорожной линии Андижан — Ош[467]. Строительство Ферганской железной дороги также в значительной степени субсидировалось американским капиталом.

Империализм США заметно усилил свои позиции в Средней Азии в годы первой мировой войны. Он частично финансировал сооружение железной дороги Бухара — Термез, ведал

ирригационными работами в Голодной степи и на реке Чу, добычей нефти на полуострове Челекен. Кроме того, в Ташкенте открылось отделение Русско-Американской торговой палаты, которая способствовала проникновению американского капитала в Среднюю Азию. Компания «Нейшнл продюс компани» прибрала к рукам предприятия германской фирмы «Дюршмидт», занимавшей монопольное положение в пищевой промышленности Туркестанского края[468].

Одновременно в Среднюю Азию усиленно проникал британский капитал. Одной из лондонских организаций в начале XX в., занимавшейся там разрешением «географических проблем», была «миссия» Г. Мак-Магона, возглавлявшая британскую разведывательную работу в Юго-Западном Афганистане и смежных областях Ирана[469].

В результате Великой Октябрьской социалистической революции надежды англо-американских империалистов быстро и без особых затрат превратить Среднюю Азию в свою колонию рухнули. Но они не отказались от прежних планов. В «14 пунктах» и комментариях к ним президента США В. Вильсона о Средней Азии говорилось как о будущем владении США. Так, в пункте VI читаем: «Нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т. е., короче говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората»[470]. Данный пункт имелся и в расширенном варианте документа, утвержденного Вильсоном в качестве официальной американской программы для мирной конференции в Париже[471]. Выступая на ней, он упомянул, что система мандатов простирается на «германские колонии, территории Турецкой империи и другие территории». На вопрос, что имеется в виду под «другими территориями», американский президент ответил: «Бывшая Российская империя» (т. е. Кавказ, Средняя Азия и другие области)[472]. На карте, составленной госдепартаментом США для своей делегации, среди районов, которые предполагалось отторгнуть от России, Средняя Азия указана как американская зона влияния[473].

Буржуазно-байские элементы и националисты не замедлили обратиться к Вильсону с просьбой о помощи в «борьбе с большевиками в Туркестане»[474]. Одна из закаспийских белогвардейских газет писала тогда о планах интервенции через железнодорожные линии Красноводск — Самара и Самара — Владивосток: «Этим двум великим путям суждена великая историческая роль. Они свяжут американцев с наиважнейшими

теперь новыми фронтами… В ближайшем будущем мы увидим проходящие через наш край отряды американцев»[475].

Прямое желание присоединить Туркестан к своим колониям высказывали в свою очередь и представители британских правящих кругов[476]. 4 марта 1918 г. министр иностранных дел Англии Дж. Бальфур, выступая в палате общин, заявил, что правительство уделяет Азиатской России большое внимание[477]. Британская агентура в Туркестане деятельно пыталась сколотить из буржуазно-националистических элементов и реакционной части мусульманского духовенства делегацию для поездки в Париж, чтобы выдвинуть на мирной конференции требование «об освобождении Туркестана от большевистского ига». В Лондоне в это время уже разрабатывалась программа этого выступления[478]. В случае неудачи данного проекта британские империалисты планировали создание в Средней Азии королевства, о чем заранее вели переговоры с эмиром Бухары Сейид Алим-ханом. Готовилась также открытая интервенция. «Английским солдатам, — говорил британский генерал, — придется нести сторожевую службу в оазисах Мерва и Самарканда»[479].

Вашингтон со своей стороны поручил выполнение намеченного плана генеральному консулу США в Ташкенте Р. Тредуэллу. При предъявлении полномочий правительству Туркестанской республики в мае 1918 г. он потребовал для себя права беспрепятственного передвижения по всему Туркестану[480]. Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, этот «дипломат» объединил «работу» находившихся в Ташкенте и других городах миссий и представительств, которые вели шпионско-подрывную деятельность[481]. Председатель Совнаркома Туркреспублики Ф. И. Колесов в телеграмме СНК РСФСР летом 1918 г. отмечал: «Послы и консулы различных держав наводняют Туркестан»[482]. Осенью того же года председатель ЦИК Туркреспублики А. Ф. Солькин, отмечая наличие англо-американской конкуренции в Средней Азии, говорил, что для США Туркестан — «особо лакомый кусок»[483].

Лондон направил в Ташкент военно-дипломатическую миссию в составе майора (впоследствии — полковника) Ф. Бейли[484] и капитана (по другим данным — майора) Л. Блэккера. Затем к ним присоединился бывший английский консул в Кашгаре Д. Маккартней. О их целях Ж. Кастанье писал: «Им была поручена специальная миссия в отношении местных властей»[485]. Более откровенно высказался связанный с британскими эмиссарами белогвардеец И. М. Зайцев: «Целью и намерениями миссии были: подготовить и организовать вооруженное восстание в Туркестане против Советской власти, снабжать повстанческие

отряды деньгами и оружием из ближайших к Туркестану английских баз (Мешхед, Кашгар, Афганистан). Миссия имела широкие права и полномочия для осуществления этих задач»[486]. А вот признания самого Бейли: «Вскоре после моего прибытия я вступил в контакт с тем, кто, я думал, был главой нескольких антибольшевистских организаций»[487].

Деятельность миссии сразу же привлекла к себе внимание органов Советской власти. Ф. И. Колесов сообщал в Москву: «Миссия… ведет себя очень подозрительно»[488]. Она установила связь с Тредуэллом и под его руководством повела подрывную работу. Выступая в 1928 г. с лекцией в Гонконге, Тредуэлл признал, что «был в 1918 г. в контакте с английским полковником Бейли, присланным из Индии через Кашгар в Ташкент для глубокой разведки»[489]. В своей книге «Миссия в Ташкент» Бейли писал об участии Тредуэлла в антисоветской деятельности: «Я тесно сотрудничал с генеральным консулом Соединенных Штатов… Тредуэлл поддерживал со мной постоянную связь, поддержка и одобрение его были для меня очень ценны и дороги»[490]. Тредуэлл и Бейли, используя идеи панисламизма и пантюркизма, развернули пропаганду за создание «самостоятельного Туркестанского государства», не связанного с Советской Россией. Уполномоченный Наркоминдела в Туркестане отмечал, что это «совместный англо-американский проект»[491].

Англия создала в Иране, Афганистане и Северо-Западном Китае несколько опорных пунктов, откуда направлялась контрреволюционная деятельность в Туркестане. Особенно активными были пункты в Мешхеде и Кашгаре. Главную ставку в Туркестане империалисты сделали на басмачество, выражавшее классовые интересы феодалов, баев, нарождавшейся местной буржуазии и реакционной части мусульманского духовенства. Все видные главари басмачей были наемными агентами американской и английской разведок[492].

Образование в ноябре 1917 г. «Кокандской автономии» явилось началом скрытой английской интервенции в Среднюю Азию[493]. Черчилль впоследствии отмечал, что возникшие на окраинах Советской России антибольшевистские правительства охранялись и поддерживались войсками Антанты[494]. 15(28) апреля 1918 г. английское правительство направило в Вашингтон меморандум о необходимости интервенции в Советскую Россию и поддержке белогвардейских организаций и «правительств на юге и юго-востоке России»[495]. Советник президента Вильсона полковник Э. Хауз писал, что оккупация Сибирской железной дороги была в ту пору осуществлена с целью поддержки «автономных образований в юго-восточной России»[496].

Когда в феврале 1918 г. красногвардейские отряды Туркестана разгромили «Кокандскую автономию», ее защитники, и среди них бывший уголовник Иргаш, стали первыми курбаши (главарями шаек) басмачей. Как уже говорилось, курбаши стал также бывший грабитель, пробравшийся на должность начальника местного отделения милиции, Мадамин-бек. За ним, как отмечало командование Ферганского фронта, стоял «весь организованный международный империализм»[497]. К лету 1918 г. в Ферганской долине образовалась сеть басмаческих шаек. Они совершали налеты на кишлаки, грабили и убивали жителей, в первую очередь коммунистов, рабочих и сельских активистов, брали заложников, уничтожали посевы и скот, разрушали оросительные системы, жгли хлопок. Нередко они накладывали на мирное население налоги хлебом, рисом, лошадьми, в 25 раз превосходившие дореволюционные подати, брали женщин для своих гаремов, блокировали промышленные центры и города, затрудняя снабжение продовольствием и водой[498]. С особенной яростью басмачи стремились расстроить работу железнодорожного транспорта. В плодородной Фергане свирепствовали голод и нищета, население жило в постоянном страхе.

Фергана, как мы уже указывали, стала основным центром басмачества не случайно. Она граничила с Китаем и с Бухарой, откуда империалисты снабжали басмачей оружием и где укрывали их в случае надобности. Империалисты использовали в своих целях также эксплуататорские слои Бухары, особенно реакционную часть духовенства. Фронт борьбы Советской власти с басмачами получил наименование Ферганского. Сплошной линии он не имел. Бои вспыхивали неожиданно в разных местах и не были продолжительными. Густая населенность Ферганской долины и чрезвычайная пересеченность местности облегчали басмачам ведение войны разбойничьими методами, затрудняя одновременно действия регулярных частей Красной Армии.

К лету 1918 г. Туркестан оказался как бы крепостью в осаде. В. И. Ленин, анализируя сложившуюся к середине 1918 г. обстановку в стране, писал: «Вчера получено сообщение, что часть городов Средней Азии охвачена контрреволюционным восстанием при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, так и для нападений на Советскую Россию»[499]. Первые же бои Красной Армии с басмачами показали, что речь идет не о спорадических или разрозненных выступлениях отдельных банд. Все яснее

обнаруживалось, что действия среднеазиатской контрреволюции координируются опытной и умелой рукой.

Особенно усилилось басмачество к концу 1918 г. в связи с попытками врагов Советской власти объединить все контрреволюционные силы Туркестана. В сентябре или в начале октября в Фергану тайно прибыл полковник П. Г. Корнилов (брат генерала Л. Г. Корнилова), который от имени англичан повел переговоры с курбаши и заверил их в полной поддержке Лондона. Миссия Бейли, которая открыто разъезжала пр Туркестану, от имени своего правительства обязалась снабжать басмачей вооружением «а) из Читлара — Гильгита через перевал Сустаг в Кашгар, отсюда через Иркештем и Ош; б) из Пешевара через Хайберский перевал, далее через Афганистан и Бухару». Все виды снабжения и денежные средства не были ограничены какой-либо нормой: английские представители обещали предоставлять необходимое «по мере надобности в достаточном количестве»[500].

В Фергану отправился и полковник Зайцев. Перед ним и Корниловым была поставлена задача, переформировав басмаческие шайки, свести их в конный корпус в составе двух дивизий или восьми полков с двумя конно-горными батареями общей численностью около 10 тыс. человек. Предполагалось также сформировать пехотные стрелковые части. Вся эта армия должна была состоять примерно из 25 тыс. человек, ее организацию и обучение намечалось проводить по образцу казачьих частей[501]. Они должны были участвовать в осуществлении плана свержения Советской власти, пробравшись к Ташкенту через Кендер-Даванский перевал Туркестанского хребта, через Мурза-Рабатскую степь в обход хребта на Чиназ, форсировав Сырдарью[502].

12 августа 1918 г. началась открытая английская интервенция в Туркестан. Британские войска должны были стать своеобразным ядром, вокруг которого сплотились бы местные контрреволюционные силы. Эту мысль высказывал Д. Ллойд Джордж на межсоюзнической конференции стран Антанты в Лондоне еще в марте 1918 г.[503]

Подготовка к вторжению велась в течение многих месяцев. Как плацдарм использовалась территория Ирана, куда из Индии и Месопотамии прибыли английские войска. Уже в марте они дошли до границы с Закаспийской областью[504]. В Мешхеде под руководством британского генконсула в Хорасане Грея началось формирование военной миссии, которую летом 1918 г. возглавил генерал Маллесон[505]. Одновременно в Хамадане (Западный Иран) создавалась подобная же миссия генерала Денстервиля.

Усиленно прокладывались коммуникации к границам Туркестана и Закавказья.

После падения в конце июля 1918 г. Бакинской коммуны кольцо интервентов, окружавшее на юге Советскую республику, оставалось разомкнутым только в Туркестане. С проникновением англичан в Закаспий оно соединилось и здесь. На совещании членов лондонского кабинета 13 ноября 1918 г. лорд Милнер, представлявший военное министерство, заявил, что нужно устранить большевизм «в районах к востоку от Черного моря», и уточнил, что подразумевает «Кавказ, Дон и Туркестан»[506].

Белогвардейская газета «Голос Средней Азии» отмечала, что у «союзников» имеются, «безусловно, более широкие задания. Наша общая задача — это уничтожение ташкентского гнезда и освобождение дороги Самара — Красноводск от всяческих пробок. Стратегическое значение этой колоссальной магистрали огромно. Ею замыкается багдадский английский фронт с волжским, чехословацким и уральским»[507].

В первых же боях с Красной Армией у Байрам-Али 13 августа и у Мерва 16 августа интервенты и белогвардейцы потерпели серьезное поражение. 19 августа генерал Маллесон подписал с эсеро-меньшевистским правительством Закаспия договор, по которому Англия получала «право» на захват Советского Туркестана и превращение его в свою колонию. В протоколе предусматривалась британская помощь белогвардейцам и басмачам войсками, военными инструкторами, ору днями, пулеметами, аэропланами, винтовками, патронами и взрывчатыми веществами[508]. В зарубежной историографии этот договор характеризуется как направленный на «подавление большевизма в Туркестане»[509].

План борьбы с Советской властью предусматривал нанесение ряда последовательных ударов извне и организацию восстаний местных националистов и белогвардейцев в важнейших пунктах Туркреспублики. Намечалось поднять мятежи в Ташкенте, Самарканде, городах Ферганской долины. Басмачам поручалось захватить Ташкент, эмирская Бухара должна была поддержать наступление сил контрреволюции[510]. Американо-английские резиденты во главе с Тредуэллом в то же время дополнительно готовили контрреволюционный отряд из австрийских и немецких военнопленных для антисоветского выступления в Туркестане.

Позднее Маллесон вспоминал, что британское главнокомандование во что бы то ни стало должно было обеспечить за собой Среднеазиатскую железную дорогу и, если возможно, все судоходство на Каспийском море[511].

Широко осуществлялось финансирование басмачей. В

феврале 1919 г. английский консул в Кашгаре вручил бывшему царскому консулу 100 тыс. руб. для передачи курбаши, 155 тыс. руб. ассигновали проживавшие в Кашгаре русские купцы и бежавшие сюда из Туркестана белогвардейцы[512].

Среди басмачей велась усиленная пропаганда[513]. Ее проводила организованная в январе 1919 г. «индийско-турецкая миссия». К началу этого же года басмаческие шайки открыто совершали нападения на Фергану, Наманган и другие города. Положение, создавшееся в Ферганской области, характеризовалось уполномоченным Туркестанского ЦИКа так: «Многочисленные и легко подвижные разбойники владели фактически всей областью, кроме отдельных укрепленных пунктов и русских частей городов»[514]. Басмаческие очаги существовали и в ряде других мест: Матчинском бекстве, неподалеку от Ташкента (в Аблыке), а позднее — в Бухарской и Хорезмской республиках. И там их шайки организовывались под руководством иностранцев.

Англия, заинтересовавшись созданным в верховьях реки Зеравшан, за перевалом Обурдон, Матчинским бекством, инсценировала избрание от него делегации для поездки в Лондон за «советом» и «помощью». Летом 1919 г. делегация вернулась в Матчу, заручившись обещанием всяческой поддержки[515].

Советская власть приняла действенные меры по организации борьбы с басмачами и их вдохновителями[516]. Когда Туркестанская ЧК получила обоснованные данные о руководителях антисоветских выступлений и басмаческих шаек, Тредуэлл с разрешения Наркоминдела РСФСР был подвергнут домашнему аресту, а в марте 1919 г. правительство США отозвало его[517]. Бейли вынужден был перейти на нелегальное положение[518] Этот свой шаг он обсудил с Тредуэллом, уделив особое внимание налаживанию непосредственных контактов с басмачами[519].

Не удался и антисоветский мятеж в январе 1919 г. в Ташкенте. Приезд в оккупированный Ашхабад в марте того же года начальника штаба и главнокомандующего войсками Антанты на Балканах и Кавказе генерала Кории с целью активизировать белогвардейцев и басмачей не дал результатов. Попытка Маллесона пустить среди туркмен подписной лист с «просьбой» к англичанам остаться на длительное время в Туркестане тоже провалилась.

Свою роль в провале английской интервенции сыграла также обстановка, сложившаяся к началу 1919 г. в Афганистане. 20 февраля там был убит английский ставленник эмир Хабибулла-хан. Новый эмир, Аманулла-хан, объявил Афганистан

независимым государством и отправил в апреле 1919 г. посольство в Советскую Россию[520]. С этого времени британские империалисты, выведя свои войска из Туркестана, уделяли особое внимание оказанию поддержки басмачам извне. В Кашгаре, близ Ташкургана, появились новые подразделения английских войск. У Янги Шарка и Карамгалыка они начали строить крепостные сооружения[521].

Колчак послал в Фергану специальную миссию в составе двух своих генералов и двух английских офицеров[522], присвоил Мадамин-беку чин полковника[523]. Задачи миссии раскрывались в письме начальника колчаковского генштаба бывшим царским консулам в Кульдже и Чугучаке от 8 октября 1919 г.: «На военную миссию возложена задача завязать сношения и установить тесную связь с представителями дружественных нам держав, чтобы при материальной поддержке с их стороны… организовать партизанские отряды из жителей некоторых областей Туркестана для борьбы с местными большевиками»[524]. В дальнейшем миссия выполняла функции связующего звена между басмачами и англо-американской агентурой, а также способствовала единению басмачей с отрядами местного русского кулачества. Мадамин-беку тогда уже была обещана постоянная помощь оружием и золотом[525].

В конце августа 1919 г. судьба Туркреспублики решалась на Оренбургско-Актюбинском фронте. Именно к нему было приковано главное внимание Советской власти. В те же недели объединенные силы басмачей, кулачества, белогвардейцев и местных баев договорились об изоляции Ферганы от остального Туркестана путем разрушения железнодорожных путей, телефонной и телеграфной линий, приняли план комбинированного наступления на города[526]. Началось усиленное распространение антисоветских листовок, прокламаций и воззваний. В одной из них содержался призыв к созыву Учредительного собрания, в котором половина мест будет предоставлена мусульманам[527].

В сентябре вокруг Андижана развернулись бои против басмачей. Бандиты были рассеяны, и от них освободили Ош и Джелалабад. Большую роль в разгроме басмачества сыграл прорыв Красной Армии в Туркестан и соединение центра страны с Туркреспубликой.

Турккомиссия и Туркфронт выработали более четкую линию борьбы с басмачеством[528]. «Трудность не в военном преодолении врага… — писал М. В. Фрунзе, — трудность в том, чтобы все многомиллионное трудовое мусульманство поняло, что басмачество есть враг его, что борьба с ним — священная задача

трудового народа»[529]. Акцент делался на политработе среди трудового населения местных национальностей, правильном осуществлении продовольственной линии и оказании материальной помощи дехканству. В кишлаках дополнительно формировались добровольческие отряды из коммунистов и комсомольцев.

Комплексное осуществление политических, экономических и военных мер создало благоприятные условия для резкого ослабления басмачества. Чтобы оживить его, империалисты 22 октября 1919 г. на советско-китайской границе, в Иркештеме, созвали совещание главарей бандитов с участием представителей реакционной части мусульманского духовенства и местной буржуазии. Руководил им английский агент и бывший царский консул в Кашгаре Успенский. Было решено организовать «Временное Ферганское правительство» во главе с Мадамин-беком. Успенский обещал усилить помощь басмачам и в качестве задатка вручил им ящики с оружием и патронами. После образования марионеточного «правительства» связи империализма с басмачеством еще более укрепились. В ставке Мадамин-бека находился английский консул, который фактически руководил его действиями[530]. «Временное Ферганское правительство» предприняло попытку подчинить себе всех курбаши, ликвидировав разногласия между ними и выработав общий план действий. 150 ферганских шаек были сведены в четыре крупных отряда.

Весной 1921 г. в Фергане, Хиве и Бухаре насчитывалось несколько тысяч басмачей, выступления которых участились, когда в Среднюю Азию (октябрь 1921 г.) перебрался Энвер-Паша. Его платформа, как отмечал английский генерал Дж. Макмун, состояла в том, чтобы создать «империю» в составе Персии, Бухары, Хивы, Афганистана и Турции[531].

Усилилась антисоветская пропаганда под лозунгом газавата — «священной войны» против иноверцев. Басмачей изображали «истинными защитниками ислама».

В этой обстановке огромное значение приобрело осуществление указаний Ленина: «…завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; *доказать,* что мы *не* империалисты, что мы *уклона* в эту сторону *не* потерпим. Это мировой вопрос, без преувеличения мировой. Тут надо быть архистрогим»[532].

Ни иноземные караваны с оружием и боеприпасами, ни вопли империалистической печати о «неминуемой гибели» Советской власти в Средней Азии не спасли «главнокомандующего армиями Хивы, Бухары и Туркестана», как именовал себя Энвер, от

поражения.

Дольше всего сохранялись басмаческие гнезда в Таджикистане и Туркменистане. Банду Ибрагим-бека уничтожили в 1931 г. Действия Джунаид-хана направлял английский агент Шукимбаев. О том же говорил впоследствии на суде Ибрагим-бек[533].

Затухание басмачества явилось одним из показателей успешного преобразования Бухарской и Хорезмской народных республик в социалистические, проведения в Средней Азии национального размежевания и образования Узбекской и Туркменской ССР, Таджикской АССР, Каракиргизской и Каракалпакской АО. Мирное строительство, восстановление народного хозяйства, особенно проведение земельно-водной и иных социалистических реформ, вернули из стана басмачей многих из тех, кто по разным причинам был связан с их главарями или просто заблуждался. Курбаши не сразу сложили оружие. Пока в Средней Азии сохранялись эксплуататорские слои, оставалась и классовая база для басмачества. Время от времени появлялись новые «эмирляш курбаши» («верховные главнокомандующие») — турецкий офицер Селим-паша, Фузайл-Максум и др.

Центр руководства басмачеством окончательно переместился за рубеж. Оттуда же прибывали подкрепления, причем иногда — напрямую из Англии[534]. К периоду 20–30-х гг. относится последняя волна басмачества, вызванная общей активизацией антисоветской деятельности международного империализма в то время и разработкой им новых интервенционистских планов против СССР. На этот раз басмачи безуспешно попытались сорвать массовую коллективизацию сельского хозяйства.

Главную роль в разгроме басмачества сыграли последовательное осуществление в Средней Азии Советской властью ленинских принципов национальной политики, мероприятия Коммунистической партии по подъему трудового дехканского хозяйства, открывшиеся перед подавляющей массой местного населения перспективы новой жизни. Большое значение имело укрепление международного положения Советского государства. Крах басмачества означал полный провал планов империализма оторвать Среднюю Азию от СССР и закабалить ее население.

Проблема басмачества многопланова. Одним из ее важных вопросов является выяснение роли империалистических кругов Запада, некоторых мусульманских стран в помощи контрреволюционным силам в Средней Азии в борьбе с Советской властью, в организации и развертывании басмачества в регионе в

годы гражданской войны, мирного социалистического строительства.

Характерной чертой реакционной буржуазной историографии по вопросу о роли англо-американского империализма в организации басмачества является то, что она с двадцатых годов и по настоящее время обеляет действия ведущих империалистических держав, участвовавших в антисоветской интервенции в Среднюю Азию, замалчивает их роль в оказании помощи басмачам. Хотя нужно отметить, что в буржуазной литературе 20-х гг., написанной в основном непосредственными участниками антисоветской интервенции и контрреволюционного подполья, приводились многочисленные факты о действительных замыслах английских, французских империалистов, реакционных кругов Афганистана, Ирана в отношении Туркестана, о разжигании этими силами басмачества.

Следует указать, что в разделе Средней Азии были заинтересованы также империалистические и реакционные круги Германии и Турции[535]. Об империалистических устремлениях германского милитаризма пишет Б. Хаит. Он, в частности, заявляет, что «Германия стремилась занятием Батума и Тифлиса найти путь на Бухару и Афганистан»[536]. В Ташкент по приказу Энвер-Паши в 1918 г. прибыл один из видных пантюркистов, Юсуфзия-бек, с предложением к туркестанским пантюркистам создать в Средней Азии «Великий Туркестанский султанат из пяти ханств: Ташкентского, Кокандского, Бухарского, Хивинского, Туркменского»[537]. Германский империализм намеревался создать в Туркестане «армию ислама» из турецко-немецких войск[538]. В результате поражения Германии и Турции в первой мировой войне, революций в Германии и Австро-Венгрии, развертывания национально-освободительного движения под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка в Турции захватнические планы Энвер-Паши, правящих кругов Германии потерпели в конце 1918 г. крах.

Из высказываний Маллесона видно, что Великобритания всячески подталкивала правительственные круги Афганистана на захват пограничных советских территорий[539], засылку в Советский Туркестан афганских эмиссаров, входивших в контакт с буржуазными националистами и басмачами, снабжая последних при посредничестве британской агентуры деньгами, оружием, воинскими подразделениями афганской армии.

Известно, что реакционные круги Афганистана, находившиеся под влиянием Великобритании, оказывали давление на внутреннюю и внешнюю политику правительства Аманулла-хана, пытавшегося провести сверху некоторые

реформы по улучшению экономического и социального развития страны, а во внешней политике — выступавшего с антиимпериалистических позиций в борьбе против Англии, за независимость Афганистана[540]. Но в 1919 г. во внешней политике Афганистана существовала и другая «реакционная тенденция, направленная к союзу с бухарским эмиром, басмачами, боровшимися против Советской власти», с целью отторгнуть «Бухару, Хиву и Туркестан и включить их в состав так называемого «Великого Афганистана»[541].

Реакционные иранские круги в эти годы также стремились распространить в Средней Азии идеологию паниранизма, создать «Великий Иран», включив в него Кавказ, Туркестан, Афганистан. Правительство Ирана в меморандуме Парижской мирной конференции в марте 1919 г. потребовало передать Ирану части советской территории, включая «Закаспийскую область, с городами Красноводск, Ашхабад, Мерв, а также Хиву (Хорезм)»[542].

Эти и другие пантюркистские, панисламистские лозунги реакционных правительств и кругов стран Среднего Востока, использовавшиеся среднеазиатской контрреволюцией в борьбе с Советской властью, потерпели провал. После успешного разгрома интервентов и белогвардейцев на всех фронтах гражданской войны, основных сил басмачества в Туркестане в начале 20-х гг., Коммунистическая партия перешла к последовательному осуществлению ленинской национальной политики. В результате экономических, политических мер стали возможными справедливое решение национального вопроса в регионе, начало государственного строительства на основе интернационального сплочения трудящихся Средней Азии и Казахстана[543].

В работах 20–30-х гг., вышедших из-под пера участников антисоветской интервенции в Советскую Россию, членов английских шпионских миссий, прямо или косвенно вскрываются империалистические планы Великобритании в отношении Туркестана. В них мы находим свидетельства о помощи Великобритании туркестанским буржуазным националистам, русским белогвардейским силам в организации борьбы с Советской властью в Туркестане. Так, Эссертон в своей книге «В сердце Азии» указал на связи англичан с «Кокандской автономией», отметил, что для тесного контакта с туркестанскими буржуазными националистами из Великобритании было решено выслать небольшую военную миссию, «от которой могли бы исходить щупальца с целью получения информации и использования всего, что показалось бы благоприятным»[544].

О том, что интервенционистские силы Великобритании в Закаспии были прямо причастны к свержению Советской власти в Ашхабаде, свидетельствует стенограмма беседы генерала Маллесона с делегацией Кизыл-арватских эсеров и меньшевиков 7 февраля 1919 г. В ответ на просьбу одного из делегатов оставить английские войска в Закаспии до ликвидации фронта Маллесон прямо заявил: «Я начал и постараюсь закончить», т. е. он создал этот фронт и он же постарается осуществить здесь операции в пользу английских и белогвардеиских сил[545].

Бейли в книге «Миссия в Ташкент»[546] вынужден был сказать и о враждебной антисоветской деятельности американского консула Р. Тредуэлла, который во время пребывания в Туркестане руководил здесь всей контрреволюционной деятельностью. Так, Бейли заявил, что «у Тредуэлла имелось много полезных сведений о положении в Туркестане, и он ухитрился отправить их (в США. — *Авт.*) через Сибирь»[547]. Насколько важными были эти «полезные сведения», собранные путем шпионажа, видно из другого замечания автора. «Если бы в России, — восклицал он, — дела пошли иначе, его (Тредуэлла. — *Авт.*) сведения и донесения принесли бы исключительную пользу для огромной страны (США. — *Авт.)*»[548].

Материалы, содержащиеся в книге Бейли, дополненные данными белогвардейца Зайцева, «докладом» белогвардейца Джунковского[549], некоторыми сообщениями газеты «Таймс» и другими источниками, помогают полнее и точнее воссоздать общую картину захватнических планов Великобритании и США в Средней Азии.

Уже после вступления интервенционистских войск Великобритании в Ашхабад, Красноводск, другие населенные пункты Закаспия английское командование совместно с белогвардейским и националистическим подпольем в Туркестане выработало новый план по захвату всего края. Этот план предусматривал последовательные удары всех антисоветских сил, окружавших Туркестан, одновременные восстания в его важнейших городах. Большая роль в осуществлении плана отводилась ферганским, а также хивинским басмачам во главе с Джунаид-ханом, войском эмирской Бухары[550].

Б. Хаит привел любопытные данные, помогающие восстановить более полную картину деятельности английских представителей в Туркестане, свидетельствующие о том, что «Англия очень следила за событиями в Туркестане во время Октябрьской революции»[551]. Он описал интервенцию англичан в Закаспии и привел английскую версию ее поражения, не забывая при этом назвать английских интервентов «друзьями» народов

Туркестана.

Антисоветская интервенция в Закаспии принесла трудящимся массам неизмеримые тяготы, лишения, бедствия. Интервенты повинны в кровавых расправах над большевиками края. Именно они, а не эсеро-меньшевистское правительство Ашхабада, были полновластными хозяевами Закаспия. В 1933 г. Маллесон откровенно заявил, что «несколько британских офицеров фактически управляли в течение восьми месяцев (август 1918 — март 1919 г. — *Авт.*) районом величиной в половину Европы, находящимся к востоку от Каспийского моря»[552]. Тогда же этот бравый генерал цинично объяснил убийство интервентами и белогвардейцами двадцати шести бакинских комиссаров тем, что комиссары были прекрасными большевистскими пропагандистами, могли поднять население Туркестана на борьбу с контрреволюцией, поэтому «было ясно, что прибытию такой группы в Ашхабад нужно было помешать любой ценой… Большевики могут быть безопасны, если они мертвы»[553].

Из высказываний полковника Тода можно судить о далеко шедших замыслах правящих кругов Великобритании по захвату всего Туркестана. Он указывал, что для выполнения этой задачи английское правительство предполагало весной 1919 г. довести британские войска в Средней Азии «до бригады пехоты, одного кавалерийского полка, батареи артиллерии, пулеметного эскадрона, конносаперного взвода и эскадрона связи»[554]. Об этих планах свидетельствует и приезд из Константинополя в Закаспий генерала сэра Джорджа Мильна, главнокомандующего британскими войсками на Черном море[555].

Империалистическим планам Англии в отношении Советского Туркестана не суждено было сбыться. Под влиянием побед Красной Армии над Дутовым, разгрома контрреволюционных сил в Ташкенте, успеха частей туркестанской Красной Армии над русскими белогвардейцами, басмачами, интервентами в крае правительство Великобритании было вынуждено эвакуировать свои войска из Закаспия в начале апреля 1919 г., хотя в других местах Советской России интервенция продолжалась еще несколько месяцев.

В зарубежной реакционной литературе прочно утвердилась версия о том, что интервенция Великобритании в Среднюю Азию и Закавказье была обусловлена «внезапным крушением русского фронта», возникшей немецкой и турецкой угрозой Индии, Афганистану, Средней Азии[556]. Вот уже несколько десятилетий проводится мысль о том, что антисоветская интервенция в Туркестане — рядовой эпизод первой мировой войны. Один из ведущих американских «советологов», А. Парк, вслед за

участником английской интервенции в крае Эллисом определяет интервенцию как «Закаспийский эпизод»[557].

Интервенция оправдывается малым числом британских войск в Закаспии и на Кавказе. Так, Р. Пайпс заявляет, что у Британии в этом регионе «было совершенно недостаточно сил» для выполнения задач, поставленных перед войсками: 900 человек у Денстервиля, 2100 — у Маллесона[558].

Об английской интервенции кроме авторов, о которых уже шла речь, пишут Кэроу, Эллис и др. Здесь у буржуазных историков полное единодушие. Все они берут в качестве основной старую английскую версию, выдвинутую еще в ходе самой гражданской войны[559], что английские войска появились в Туркестане с целью защиты Индии от немецкой и турецкой агрессии, что вторжение английских войск, говоря словами Эллиса, «не планировалось как антибольшевистское выступление»[560].

Советские историки в связи с этим спрашивают: почему же британские войска не ушли из пределов Туркестана после капитуляции кайзеровской Германии? Почему и после этого они продолжали увеличивать численность своих войск и разрабатывали новые планы захвата Туркестана? Ответов на эти вопросы в книгах буржуазных историков мы не находим. И ясно почему. Ответить на них — значит сказать правду о планах английской интервенции в Туркестане. Заметим, однако, что если английские историки, и в частности Эллис, английскую интервенцию трактуют всего лишь как «Закаспийский эпизод» первой мировой войны, то в США книга этого же автора выходит под названием «Британская «интервенция» в Закаспии»[561]. Стыдливые кавычки в слове интервенция, естественно, не спасают дело. Так заокеанские издатели подвели своего собрата, дав точную характеристику английской политике в Туркестане.

Основываясь на версии о необходимости защищать Индию на территории Туркестана, буржуазная историография выдвинула тезис о том, что английские представители и войска не вмешивались во внутренние дела Туркестана, т. е. не участвовали в борьбе сил внутренней контрреволюции (в частности, закаспийских белогвардейцев) против Советской власти. Указанная версия нужна для того, чтобы скрыть или замаскировать захватнические планы и агрессивные действия иностранного империализма по отношению к Советскому Туркестану[562]. В связи с этим буржуазные историки отрицают или замалчивают такие общеизвестные и бесспорные факты, как договор Бейли с туркестанскими белогвардейцами о колониальном порабощении Туркестана, участие английской

агентуры в антисоветском восстании в Закаспии летом 1918 г. и т. д. Но Эллис, которому как члену «миссии» Маллесона было это хорошо известно, вынужден все-таки заявить: «…были установлены (оккупационными войсками. — *Авт.*) контакты с антибольшевистскими повстанцами… Эти связи с ними возросли до непосредственного участия британских и индийских войск в военных операциях против большевистских войск по Среднеазиатской железной дороге». Значит, воевали английские войска не с немецкими и турецкими, а с Красной Армией.

Иногда выдвигается дополнительная версия для оправдания английской интервенции — надо было «защитить от немцев» запасы хлопка, имевшиеся в Туркестане. Но этот хлопок был народным достоянием Туркестана, а не Англии. Концы с концами и здесь не сходятся.

На основе тезиса о невмешательстве во внутренние дела Советского Туркестана предпринималась также попытка опровергнуть имеющиеся на этот счет в советской историографии данные и факты[563][564]. В книгах некоторых буржуазных историков приводятся любопытные материалы о контрреволюционной деятельности в Туркестане английских агентов, об их подготовительной работе по развязыванию открытой интервенции[565].

В соответствии со своим главным тезисом об угрозе Индии со стороны Германии буржуазная историография трактовала причины провала английской интервенции в Туркестане[566]. И здесь им на помощь пришел сам руководитель английской военной миссии в Закаспии генерал Маллесон. Именно он еще в 1922 г. объяснил уход английских войск из Туркестана тем, что. «большевизм не представляет более прямой опасности для Индии». Правда, через некоторое время его опроверг другой участник интервенции, Тод[567], однако этого «не заметили» «историки» из «Среднеазиатского обозрения» и другие фальсификаторы.

Так преподносятся основные утверждения буржуазной историографии об английской интервенции в Туркестане. Но у зарубежных фальсификаторов они по-прежнему в ходу. В 60-е гг. С. Беккер также оправдывал интервенцию Великобритании в Туркестан необходимостью защиты Индии от турецко-германской опасности[568]

И в наши дни продолжается фальсификация антисоветской интервенции в Туркестан. Так, небезызвестный английский «советолог» Дж. Уилер во второй половине 70-х Гг. писал: русские «преувеличивают намерения Британии в Средней Азии и британскую способность вытеснить их»[569].

Для новейшей «советологии» в целом, а для английской в особенности характерно полнейшее замалчивание британской интервенции в Советский Туркестан. Даже одна из ведущих английских исследователей проблем Ближнего Востока — Елизавета Монро, работавшая с 1958 по 1972 г. в одном из крупнейших «советологических центров» Великобритании, в колледже Святого Антония в Оксфорде, в своей книге, посвященной британской политике на Среднем Востоке в 1914–1971 гг., этот вопрос не освещает. Присутствие же интервенционистских сил Денстервиля, других английских «миссий» в Закавказье, Туркестане представляется ни менее ни более как «приключение в киплинговском духе»[570].

Американский историк, профессор современной истории Бирмингемского университета Д. Гренвил также утверждает, будто «британская интервенция была мала и — ограниченна», а «союзная интервенция была незначительна для того, чтобы оказать решающее влияние на исход гражданской войны в Советской России»[571].

Следует отметить, что даже в реакционной буржуазной историографии 40–70-х гг. довольно редко, но появлялись книги, содержавшие разоблачительный материал о замыслах империалистических государств расчленить Советскую Среднюю Азию. Такой материал мы находим на страницах документальных сборников по внешней политике Великобритании, изданных в конце 40-х гг. В них вошли документы Министерства иностранных дел (различные послания лорда Керзона в Париж Бальфуру по русским делам, телеграммы Бальфура Керзону, телеграммы из Баку, Тифлиса в Лондон о положении в Закавказье, Закаспии, Туркестане в 1918–1920 гг.), свидетельствующие об империалистических планах Великобритании в отношении Советского Туркестана. Так, Керзон в телеграмме Бальфуру от 30 июля 1919 г. в Париж указывал, что необходимо отрицать якобы ложные слухи о намерении Великобритании установить на 25 лет протекторат над русским Туркестаном, ибо «большевистское правительство может использовать это в антибританской пропаганде»[572].

В Советском Союзе еще в двадцатые годы были опубликованы документальные материалы о намерении Великобритании установить в Туркестане угодное ей правительство[573]. А в середине 70-х гг. в США вышел четвертый том многотомного издания документальных материалов одного из вдохновителей и организаторов антисоветской интервенции, У. Черчилля, изобличающих империалистические планы Великобритании в отношении Советской России, и в частности Туркестана[574].

В отдельных работах 60-х гг., посвященных в основном истории дипломатических отношений между Великобританией и СССР в двадцатые годы, даются документы, раскрывающие истинную роль британской интервенции. Разоблачающие материалы об империалистических планах Великобритании в отношении Советской Средней Азии привел в своем трехтомнике адъюнкт-профессор Принстонского университета Р. Улман[575].

Приводя тексты стенографических отчетов, протоколов «узких» совещаний в Министерстве иностранных дел с участием представителей Военного министерства, Военного комитета, других комитетов и кабинетов британского правительства, Р. Улман раскрыл механику антисоветской интервенции, захватнические планы правящих кругов Великобритании относительно и Советской Средней Азии[576].

Монография буржуазного индийского ученого З. Имама «Колониализм в восточно-западных отношениях: Исследование советской политики в отношении Индии и англо-советских отношений» в противовес многим другим работам по этой проблеме содержит разоблачительные материалы о деятельности британских разведывательных миссий (Маллесона, Бейли и др.) в Туркестане в 1918–1919 гг., об оказании не только военной, но и финансовой помощи эсеровскому Асхабадскому правительству правящими кругами Великобритании, о британских планах расчленения территории Туркестана на ряд «независимых» государств[577].

В книге преподавателя университета в Глазго С. Уайта «Британия и большевистская революция. Исследование политики дипломатии, 1920–1924», вышедшей в Лондоне в конце 70-х гг., на основе документов из архивов Великобритании приводятся многочисленные факты, подтверждающие заинтересованность британских правящих кругов в расчленении Советской Средней Азии, с тем чтобы отвести «угрозу большевизма» от Ирана, Афганистана, Индии[578].

Несмотря на вынужденные признания истинных целей антисоветской интервенции в Туркестан, в целом буржуазная историография затушевывает и замалчивает их.

Фальсифицируется буржуазными авторами и организующая роль международного империализма в развертывании басмачества в годы гражданской войны и мирного социалистического строительства. Парк, например, заявляет, что «во всяком случае контрреволюционная поддержка извне не была решающим фактором в жизнеспособности басмаческого движения»[579].

Это особенно характерно для современной западной

историографии, ибо, как мы уже отмечали, буржуазные авторы 20–30-х гг. приводили факты о помощи империалистических кругов Великобритании, США контрреволюционным силам Туркестана в их борьбе с Советской властью. Такие данные в свое время приводили Кастанье, Чокаев, Эссертон.

Организаторами контрреволюционного подполья в Ташкенте, других городах края были члены военношпионской «миссии» Великобритании. Глава «миссии» — Бейли, один из организаторов убийства в январе 1919 г. туркестанских народных комиссаров и руководящей части Ташкентского Совета, имевший связи с ферганским басмачеством, контрреволюционным семиреченским казачеством[580].

В воспоминаниях бывшего генерального консула Великобритании в Кашгаре подполковника Эссертона, в работах Кастанье, Чокаева приводятся сведения об истинной деятельности английских миссий в Туркестане[581].

Кастанье особенно подробно дает сведения о контрреволюционной работе английских и французских агентов в Туркестане в 1918–1920 гг., о роли английского империализма в затягивании и усугублении гражданской войны в крае. Он указывает, что генерал Джунковский, возглавивший в начале 1918 г. подпольное антисоветское движение в Средней Азии, обсуждал с английскими агентами договор, по которому Англия обязывалась «предоставить свою помощь в борьбе против большевиков оружием, деньгами, техническими средствами, а в случае нужды людьми. После свержения Советской власти в Туркестане будет образована автономная республика под исключительным английским влиянием». Джунковский также устно пообещал «передать Туркестан под английский протекторат сроком на 55 лет»[582].

Уже в ходе предварительных переговоров с Джунковским англичане пообещали предоставить белогвардейским организациям «100 миллионов рублей, 16 горных орудий, 40 пулеметов и достаточное количество винтовок для вооружения повстанцев (т. е. басмачей. — *Авт.)*»[583].

В работах 20-х гг., как западных авторов, так и бывших русских белогвардейцев, сообщалось о планах российской и международной контрреволюции создать Восточную конфедерацию (или Юго-Восточный Российский Союз), куда должны были войти области казачьих войск: Оренбургская, Уральская, Сибирская, Семиреченская, Астраханская, Амударьинская, территория Башкирии, Киргизии, Туркестана, автономные ханства Бухары и Хивы, Кубань, Терек[584]. Таким образом предполагалось расчленить Советскую Россию, поставить

во главе созданного на ее территории гигантского «буфера» белогвардейское правительство и не допустить распространения революционизирующего влияния идей Октябрьской революции на колониальные и полузависимые народы Афганистана, Индии, Персии.

Эти и другие империалистические планы создания особых, «небольшевистских» государств в Средней Азии провалились благодаря успехам Красной Армии на всех фронтах гражданской войны, активной поддержке Советской власти рабочими, трудящимися крестьянами национальных окраин.

В реакционной буржуазной историографии 20-х гг. неоднократно указывалось на помощь Афганистана басмачам. Кастанье также отмечает, что на территории этого государства проходили совещания басмачей, принимались планы борьбы с Советской властью. Так, в августе 1922 г. в Кабуле состоялась басмаческая конференция с участием турецких офицеров, бывших соратников Энвера[585]. Конференция выработала организационный план операции басмачей против Красной Армии на весну 1923 г. По этому плану в Туркестан был направлен турецкий офицер Селим-паша, который в своей «прокламации» призывал всех российских мусульман приступить к борьбе под знаменем ислама с целью освободить Туркестан, Хиву, Бухару и Закавказье «от ига коммунистов»[586].

Чокаев привел факты помощи империалистических кругов Великобритании басмачам. Так, в 1921 г. представители подпольного объединенного комитета национального освобождения Средней Азии Садреддин Ходжа Каримов и другие обратились к британскому консулу в Кульдже, «прося поддержки Британского правительства»[587]. Автором давалась в общем довольно цельная картина контрреволюционной деятельности националистических организаций в Средней Азии в 1918–1922 гг., в частности Объединенного комитета национального освобождения Средней Азии, совместно с представителями басмаческих сил Ферганы, Самарканда и Бухары провозгласившего в 1921 г. Туркестан «независимой демократической республикой». Чокаев показал связи националистов с белоэмигрантскими кругами[588].

В мемуарах бывших английских консулов и шпионов вскрывалась суть их отношений с бухарским эмиром, который предлагал правительству Великобритании после своего бегства из восставшей Бухары в сентябре 1920 г. «включить в состав Британской империи свое государство», которое он отдавал безоговорочно «в ее 218 распоряжение»[589].

Заключение 13 сентября 1920 г. предварительного советско-

афганского договора о дружбе, ратифицированного в Москве 28 февраля 1921 г., установление 17 декабря 1920 г. дипломатических отношений Афганистана с Бухарской народной советской республикой создали основу для прочных экономических, политических связей между Афганистаном и Советской Россией[590], для постепенной ликвидации баз басмачей на афганской территории.

В 50-х — начале 60-х гг. «советологами» старательно замалчивалась помощь Великобритании басмачам, утверждалось, что существовало соглашение только между басмачами и русскими белогвардейцами, а «Британская помощь в это время (середина 1918 г. — *Авт.*) почти несомненный миф»[591]. Буржуазная историография довольно подробно останавливалась на связях Мадамин-бека с колчаковцами, его совместных действиях с «крестьянской армией» Монстрова, на помощи ему афганскими реакционными кругами[592].

Для «советологии» 70-х — начала 80-х гг. характерно полнейшее искажение истинной роли международного империализма в сплочении всех антисоветских сил в Сродней Азии. В основном выпячивается якобы организующая и направляющая деятельность в разжигании басмачества правящими кругами Афганистана, при этом «забывается», что за их спиной стояли опять-таки империалистические круги Великобритании, других стран. В новейшей буржуазной историографии встречаются лишь единичные признания. Так, Ландау в начале 80-х гг. впервые ввел в научный оборот документы разведывательного центра в Мешхеде, взятые из архивов Великобритании. Эти документы проливают свет на некоторые аспекты истории басмачества. Сам Ландау указывает, что «Тоган и его ближайшие соратники стремились создать несколько независимых государств в районе Каспийского моря — Бухару, Хиву, Фергану и Семиречье, с конечной целью объединить их по великому пантюркскому плану»[593].

Английский историк-марксист Э. Ротштейн в процессе работы над книгой об антисоветской интервенции, деятельности британского консула в Архангельске Дугласа Янга ознакомился и с материалами Государственного архива Великобритании. Он указывает, что архивные материалы за 1918–1920 гг. свидетельствуют о помощи правящих кругов страны фунтами стерлингов и оружием «антисоветским силам во всех пограничных районах (в Семиречье, Фергане. — Авт.)»[594]. Среди этих сил не последнее место занимали басмачи.

Большинство буржуазных авторов сегодня обеляют руководящую и направляющую роль империализма

Великобритании и США в организации и деятельности басмачества. В частности, Э. Арнольд необоснованно заявляет, будто «советские источники обвиняют мировой империализм в осуществлении значительной поддержки басмачам, но доказательство, предъявляемое ими для подтверждения этого обвинения, указывает на незначительный уровень количества и качества иностранной помощи (например, случайный перехват канала обозов с винтовками и боеприпасами)»[595].

Однако об оказании международным империализмом в 20–30-е гг. помощи закордонным басмаческим бандам, о существовании связей басмачей с националистической эмиграцией свидетельствуют документы.

Так, в конце 20-х гг., непосредственно перед последним набегом банды Ибрагим-бека (1931 г.) на советскую территорию, активизировал свою деятельность посол Великобритании в Афганистане. Он поощрял планы Ибрагим-бека создать на севере Афганистана «независимый Узбекистан», оказывал бандам его и Джунаид-хана материальную и военную помощь[596]. В это же время резиденты английской разведки прилагали все усилия, чтобы объединить действия басмаческих банд указанных главарей в борьбе против Советской власти. С этой целью английский военный атташе в Мешхеде майор Ствин в январе 1930 г. командировал английского агента Мирбадалева, бывшего министра бухарского эмира, «в Герат к Джунаид-хану, в Мазар — к Ибрагим-беку и к бывшему бухарскому эмиру для соответствующих с ними переговоров»[597].

На следствии Ибрагим-бек показал, что англичане, чтобы скрыть свои связи с басмачами, действовали непосредственно через бывшего бухарского эмира Алим-хана[598]. Кроме того, закордонным басмаческим бандам, проникавшим на территорию Киргизии и Казахстана, оказывали помощь китайские власти Синьцзянской провинции[599].

А. Беннигсен, С. Уимбуш, М. Олкот, ряд других авторов в своих «исследованиях», вышедших в конце 70-х — начале 80-х гг., ни словом не упоминают о связях басмачей с империалистическими кругами Запада. Новейшая буржуазная историография сознательно игнорирует даже те факты, которые ранее приводили ее авторы. Современная «советология» обеляет роль международного империализма в организации и развертывании басмачества в Средней Азии в 1918–1931 гг., фальсифицирует национальную политику РКП (б), ее мероприятия по укреплению Советской власти в регионе.

3. Закономерный крах басмачества

Извращая истоки и сущность басмачества, буржуазные авторы в ложном свете представляют причины его краха. При этом характерно, что упор делается на фальсификацию как в Целом политики Коммунистической партии, Советского правительства, так и их деятельности в среднеазиатских республиках.

Уже в 20-х гг. Чокаев одним из первых выдвинул версию о том, что басмачи потерпели крах в результате подавляющего превосходства Красной Армии[600]. Но этим он не ограничился. Не приводя убедительных фактов о многократном численном превосходстве Красной Армии, он выдвинул ряд тезисов, которые подтачивают его главную позицию. Так, он писал о «недостаточном национальном самосознании» басмачей и их руководителей[601]. В действительности же «единого национального самосознания» не могло быть у главарей басмачей, выражавших интересы эксплуататорских классов, и у рядовых басмачей, временно примкнувших к контрреволюционному выступлению, или у насильно завербованных дехкан. Так что «плач» бывшего руководителя «Кокандской автономии» не имеет под собой никакой основы.

Тезис о превосходстве Красной Армии как о решающей причине поражения басмачества был взят на вооружение современными западными историками. Вместе с тем Арнольд, Бейли, Масселл, Олкот, ведущие французские «советологи» Э. Каррер д'Апкосс, Монтей, другие буржуазные авторы к этому добавляют еще отсутствие единства, постоянную вражду руководителей, «плохое вооружение басмаческих отрядов», этническую и религиозную разобщенность и т. д.[602]

Действительно, между отдельными басмаческими главарями существовала постоянная или временная вражда, связанная со многими причинами, среди которых немаловажное место занимали соображения «престижного порядка», желание подчинить себе другие шайки и т. п. Играла свою роль и межплеменная рознь. Однако, как уже отмечалось, не это определило крах басмачества.

Парк, Масселл уделяют особое внимание идеологическим причинам поражения басмачества. Они выдвигают тезис о том, что «усиление консервативного течения в басмачестве», преобладание исламских лозунгов вместо национального — «Туркестан для туземцев», отказ от призыва джадидов видоизменить их «разбойничью тактику» и перейти к более «демократическим методам ведения борьбы с Советской властью»

и привели басмачество к краху[603].

Прежде всего отметим, что высказывания отдельных джадидов о придании басмачеству более «респектабельного» характера не имели никакого влияния на его цели и задачи. И никогда басмачи не восприняли бы идею борьбы с Советской властью «демократическим методом». Для них всегда были характерны только разбой, убийства, грабеж. Да и по-другому быть не могло! У буржуазной историографии нет доказательств каких-то «демократических методов» ведения басмачами борьбы против Советской власти. Что же касается идеи об усилении «консервативного течения в басмачестве», то общеизвестно, что с самого начала и до конца басмачество имело одну главную цель — свергнуть народную власть, восстановить старые эксплуататорские порядки. Именно поэтому ни Парк, ни другие буржуазные авторы не приводят ни одного сколько-нибудь веского доказательства для подтверждения своих утверждений.

Некоторые из буржуазных авторов несколько отходят от общепринятой в западной историографии еще с 20-х гг. трактовки причин поражения басмачества. Так, Пайпс полагает, что крах басмачества был обусловлен тем, что оно лишилось поддержки народа: «Лишившись поддержки населения, басмачи снова обратились к разбоям, совершенно утратив социально-экономическую и политическую характеристику, которую они на время приобрели в ходе гражданской войны»[604]. Тем самым он невольно приближается к главной сути басмачества. Приближается, но не может остановиться на действительном положении.

Где доказательства, что басмачи имели когда-либо поддержку населения? Их нет ни у кого, в том числе и у Р. Пайпса. Временное участие в басмачестве отдельных групп дехкан, как уже было доказано, не придало ему ни «народности», ни «массовости». Об этом убедительно говорится в советской историографии[605].

Пайпс по-своему истолковывает причины разгрома басмачества: раз оно было порождено только «злоупотреблениями» Советской власти, то «оно и рухнуло, как только они были ликвидированы»[606]. Тот факт, что в результате принятых политических, экономических и других мер в начале 20-х гг. начался массовый отход от басмачества его рядовой части, Пайпс объясняет чисто военными мерами и тем, что М. В. Фрунзе якобы организовал «советские басмаческие отряды и попытался ликвидировать восстание, вызвав массовое дезертирство»[607].

Некоторые буржуазные историки вопреки своим концепциям

отмечают значение политических, социально-экономических мероприятий Коммунистической партии, Советского правительства, способствовавших вовлечению широких трудящихся масс в социалистическое переустройство общества. Анонимные авторы из «Среднеазиатского обозрения», а также Масселл, Парк вынуждены признать не только военные успехи Красной Армии в борьбе с басмачеством, но и действенность политических и экономических мер, предпринятых Советской властью в 1920–1924 гг. для его ликвидации[608]. Эти меры Масселл считает «важным фактором» в поражении басмачества[609].

Отдельные «советологи» не могут замолчать того факта, что благодаря военным, политическим мерам, новой экономической политике удалось нормализовать положение в Туркестане, одержать победу над басмачами во главе с Энвер-пашой[610]. Признавая это, они все же не могут не акцентировать внимание на якобы плохом вооружении басмачей, не имевших артиллерии, и на «специально подготовленной», оснащенной «современным» оружием Красной Армии, что будто бы обусловило поражение басмачества[611].

Парк, Пайпс, Масселл и др. полагают, что возврат к некоторым порядкам, свойственным дореволюционному укладу народов Средней Азии (восстановление вакуфных земель, судов шариата и т. д.), — одна из основных причин, заставивших басмачей прекратить свое сопротивление. Вновь игнорируется классовая природа этих мероприятий, не менявших сущности становления нового строя в Средней Азии. В ходе социалистического строительства коренное население Средней Азии убедилось в преимуществе народных судов перед судами казиев, светских школ перед религиозными. Так, если в 1922 г. в Ферганской, Зеравшанской, Самаркандской, Амударьинской областях было 343 казийских суда, то в 1924 г. — уже около 71. К середине 1925 г. в Киргизской автономной области из 9 судов казиев было распущено 6[612]. В 20-х гг. в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Закавказье был осуществлен переход системы народного образования на светский путь, произошла ликвидация конфессиональных школ, что в значительной степени подорвало монополию ислама в культурной жизни общества и базу для «воспроизводства» религиозных элементов в последующих поколениях[613].

Пайпс же вкупе с другими считал, что «экономические и религиозные уступки коммунистов лишили басмаческое движение народной поддержки и позволили властям вначале локализовать, а затем полностью его подавить»[614].

«Советологами» совершенно игнорируется или преуменьшается значение политических мер, предпринятых Коммунистической партией и Советским правительством по привлечению трудящихся масс к борьбе с басмачеством. Известно, что В. И. Ленин уделял этим мероприятиям особое внимание. Он не случайно выделил то место в резолюции VI съезда Компартии Туркестана, где констатировалось, что «там, где басмаческий террор был ослаблен и организована туземная беднота и где Советская власть приняла целый ряд мер политического и экономического порядка (ликвидация кулацко-байского засилья, земельная реформа, формирование местной милиции и красноармейских частей и т. д.), заинтересовав этим бедноту, там басмачество утратило свою силу и влияние, а население, наоборот, рука об руку с Красной Армией начало активную борьбу с ним»[615].

Успехи Красной Армии, указывается в советской историографии, объяснялись не только ее боевыми действиями, но и активной поддержкой трудового народа. Дехкане видели в Красной Армии своего спасителя от террора и грабежа басмачей и поэтому охотно помогали ей продовольствием, участвовали в вооруженной борьбе с бандами[616].

Клеветнически утверждая, будто басмачество было подавлено «исключительно русскими войсками», реакционная буржуазная историография игнорирует многонациональный состав частей Красной Армии, в рядах которой служили и активно боролись с контрреволюцией узбеки, туркмены, казахи, киргизы, представители других народов Средней Азии.

Уже отмечались особенности строительства Красной Армии в Туркестане. Подчеркнем еще раз, что бойцы и командиры всех национальностей показали примеры героизма и самоотверженности в боях с басмаческими бандами.

Не просто военное превосходство, а социально-политические факторы: верность революционным идеалам, действительно всенародная поддержка трудящихся масс в борьбе с контрреволюционными, антисоветскими силами, организованность, моральный дух красноармейцев — обусловили разгром басмачества.

Таким образом, «советология» искажает истинные причины краха басмачества. И по-другому быть не может. Все трактовки ликвидации басмачества сводятся к одному: умалить, принизить такие решающие факторы, как значение ленинской национальной политики, успешное строительство социализма народами СССР.

Нельзя не отметить и того, что причина краха басмачества в буржуазной историографии рассматривается сквозь призму

истории «деятельности» отдельных его главарей. Реакционные авторы возвеличивают Энвер— пашу, других главарей ферганского, хивинского и бухарского басмачества, всячески восхваляют их успехи в период, когда Энвер-паше на время удалось объединить басмаческие банды.

Начиная с 20-х гг. и по настоящее время реакционная буржуазная историография изображает палача армянского народа авантюриста, агента международного империализма Энвер-пашу «романтиком», восхваляя его мнимые добродетели только для того, чтобы утвердить его как «героя борьбы с большевиками», отстаивавшего право туркестанцев на самоопределение.

Кастанье, Хостлер, Пайпс, некоторые другие буржуазные авторы рассматривали Энвер-пашу как «национального героя мусульман»[617]. Причем американский «советолог», бывший полковник Ч. Хостлер упрекал западных авторов в том, что они недостаточно оценили «подвиг Энвера», обусловливая это тем, что в период первой мировой воины он был врагом союзников[618].

Современная «советология» сознательно умалчивает о высказываниях Эссертона и Макмуна по поводу «наполеоновских» планов Энвера создать «мусульманскую империю», которые показывают истинное лицо «национального героя» (Эссертон дошел до того, что назвал Энвер-пашу «Наполеоном Средней Азии»)[619].

Олкот же представляла Энвер-пашу «романтическим искателем приключений, прибывшим в Россию» якобы для того, «чтобы увидеть философию Ленина в действии». Автор, конечно, замалчивала, почему этот «романтик» вдруг решил с помощью басмачей «нанести поражение большевикам» и создать «пантуркестанскую (читай: пантурецкую. — *Авт,*) конфедерацию, в которую также включались китайский Туркестан, Афганистан и Турция»[620].

Другой буржуазный автор, Ландау, указывал, что Энвер-паша в идеологических целях использовал как пантюркистские, так и панисламистские лозунги и только его гибель помешала воплотить замысел «организации антибольшевистского восстания повсюду, где только возможно было»[621]. Этим невольно вскрывалась сущность басмачества как контрреволюционного и антисоветского выступления.

Многие факты из биографии Энвера открыто фальсифицируются. Так, пишется о якобы восторженном приеме Энвер-паши делегатами Первого съезда народов Востока, состоявшегося в сентябре 1920 г. в Баку[622]. Однако известно, что делегаты дали в целом объективную оценку заявлениям

авантюриста. В связи с декларацией, предложенной Энвером, съезд народов Востока указал на то, что необходимо проявлять «особую осторожность по отношению к тем вождям движения, которые в прошлом вели на бойню турецких крестьян и рабочих в интересах одной империалистической группы и, таким образом, привели трудящиеся массы Турции к двойной гибели за интересы маленькой группы богачей и высшего офицерства»[623].

Всячески возвеличивая мнимые военные, политические и организаторские таланты Энвера, реакционные буржуазные авторы умалчивают о терроре и насилии, чинимых басмачами под его руководством. К моменту образования Таджикской АССР население Восточной Бухары заметно сократилось. В семи тюменах Кулябского и Гармского вилоятов басмачи, по далеко не полным данным, за период с 1922 по июль 1924 г. убили 5528 жителей, ранили и искалечили 2912.

За непродолжительный период военных действий, начатых Энвер-пашой, посевная площадь в Бухарской республике сократилась на 72 %, поголовье скота уменьшилось на две трети[624].

Исходя из трактовок «народного», «национального» характера басмачества, реакционная буржуазная историография объясняет причины поражения Энвера, бесславный крах его авантюрных планов «непоправимыми ошибками», которые он совершил в результате «полного игнорирования условий Средней Азии»: тем, что он принял титул «великого везира» от бывшего бухарского эмира Сейид Алим-хана, «исключительно непопулярного в своей стране»; соперничеством между ним и другим главарем басмачества — Ибрагим-беком; тем, что в конце концов он «стал невольной жертвой» борьбы «между консерваторами, в лице эмира, и прогрессивными джадидами»[625].

Француз Дюмон к этому присовокупляет «давление обстоятельств»: предательство «ряда племен, оставшихся преданными прежнему эмиру бухарскому», то, что «Красной Армии, со своей стороны, удалось восстановить население против басмачей и т. д.». Из всех этих причин, отыскиваемых апологетами Энвера, с известной оговоркой можно учесть мнение Дюмона. Красная Армия сражалась с бандами рука об руку с местным населением[626].

Сознательно не указывается «советологами» самая решающая причина краха басмаческого выступления, возглавляемого Энвер-пашой, — активная поддержка трудовым дехканством борьбы Советской власти с одним из опаснейших заговоров международной реакции против социалистических республик Средней Азии. Народы Советского Востока с ненавистью и

отвращением вспоминают имя Энвер-паши. В многовековую историю Средней Азии он вписал кровавую, мрачную страницу.

Пытаясь дать политическую характеристику басмаческим главарям, реакционная буржуазная историография не жалеет красок и эпитетов. Так, об Иргаше и Мадамин-беке говорится как о людях «противоположных темпераментов и политических взглядов»[627]. Причем дореволюционный бандитизм Иргаша объявляют «доблестью», а его самого характеризуют как «консервативного и фанатичного мусульманина»[628]. Мадамин-бек, тоже бывший уголовник, сосланный на каторгу за убийство и насилие, по мнению некоторых буржуазных авторов, по сравнению с Иргашем был человеком «более широких и более либеральных политических взглядов»[629]. Естественно, что в изображении буржуазной историографии они оба выступают не как уголовники, бандиты с дореволюционным стажем, а как «жертвы царизма», «борцы за свободу» в послеоктябрьский период.

Расписывая на все лады их «добродетели», реакционные буржуазные историки игнорируют факты о разбое и насилии, о кровавом и жестоком терроре басмачей. А такие «советологи», как Беннигсен, Каррер д'Анкосс, анонимные авторы из «Среднеазиатского обозрения», Олкот, дошли даже до того, что изобразили главарей басмачества, бывших уголовников с дореволюционным стажем Иргаша, Мадамин-бека, бывшего кровавого диктатора Хивы Джунаид-хана и других политических бандитов «национальными героями», «защитниками веры»[630].

Отдельно следует сказать о фальсификации роли Джунаид-хана[631]. В середине 60-х гг. появилась посвященная ему статья. Анонимный автор из журнала «Среднеазиатское обозрение» дал ей претенциозное название «Джунаид-хан — «король» Каракумской пустыни»[632]. Автор попытался, по его словам, «соединить воедино» во многом «противоречивые советские источники о подвигах одного из наиболее грозных противников создания советского режима в Средней Азии»[633] Библиография, как обычно, пестрит названиями советских работ конца 50-х — начала 60-х гг., однако из содержания статьи видно, что «геройские подвиги» Джунаид-хана интерпретировались автором в тогановском духе. Описывая «героическую биографию» курбаши, автор статьи демагогически восклицал: «Национальный герой или бандит, феодальный эксплуататор или платный агент англо-турецкого империализма?» — и сам же отвечал, что оценка советскими историками деятельности Джунаид-хана необъективна, а верным является мнение буржуазных авторов[634]. Бандитские действия главаря хивинских басмачей

оправдывались голословным клеветническим утверждением, будто… всем туркменам был присущ «разбой и бандитизм». Так может написать только человек, стоящий на позициях расизма и неспособный объективно оценить многовековую историю народа — труженика и созидателя, народа, давшего поэта и мыслителя Махтумкули, поэта и музыканта Молланепеса и других выдающихся деятелей. В зарубежной литературе отрицается помощь Джунаид-хану империалистическими кругами Запада, не оспаривается только его связь с бухарским эмиром и Энвер-пашой. При этом всячески подчеркивалось, что у басмачей не было согласованного плана и посему их предводитель действовал на «свой страх и риск»[635].

Правда, отдельные буржуазные историки (например, Монтей) в отличие от других авторов 50–80-х гг. указывают, что басмачи вначале представляли собой обычных уголовников и «национальными героями они стали в ходе борьбы с большевиками»[636]. В целом же современные французские (как и английские, американские, западногерманские) «советологи» предпочитают умалчивать о социальном облике басмачей, их бандитской сущности[637].

Обвиняя советских историков в «огульном изображении басмачей как бандитов», Олкот подчеркивает их «религиозную образованность», то, что они были членами «Кокандского автономного правительства», выходцами «из семей средних землевладельцев, а некоторые были представителями местной аристократии»[638]. Даже племенные вожди, подобно Ибрагим-беку и Джунаид-хану, лицемерно заявляет Олкот, «были грамотными и уважаемыми людьми»[639].

Современные «советологи», в особенности Олкот, превозносят образованность басмаческих главарей, что не выдерживает никакой критики. Достаточно сослаться на уровень грамотности басмачей, действовавших под предводительством Ибрагим-бека. Сам он был малограмотным, а его ближайшие помощники — К. Амиров, А. Мухамедов, А. Улаев — и вовсе неграмотными[640]. То же самое касается Мадамин-бека, Иргаша и многих, многих других. Большинство из них расписывалось на документах простым приложением указательного пальца правой руки.

Относительно грамотными участниками басмачества были муллы и другие представители духовенства, а также белогвардейцы, примкнувшие к басмачам (генерал Муханов и др.). Но это были единицы среди тысяч и тысяч басмачей.

Обращает на себя внимание и то, что басмаческий разбой и террор Олкот выдает за «эффективную систему обложения налогом и реквизиции», якобы с полным пониманием и

одобрением встреченную населением Средней Азии[641].

Полностью замалчиваются реакционными буржуазными авторами массовые убийства представителей местных национальностей — рабочих и коммунистов, дехкан, выступавших против басмачей.

За короткий срок в первой половине 1919 г. басмачи убили 100 коммунистов-узбеков из Андижанской старогородской партийной организации. Была уничтожена половина Кувинской партийной организации. Курбаши Хал-Ходжа вырезал почти всех членов профессионального союза, созданного в 1918 г. в городе Оше. Иргаш в конце 1919 г. убил в Чуете 200 дехкан-бедняков и рабочих, активно поддерживавших мероприятия Советской власти[642]. По приказу «правоверного» курбаши Муэтдина басмачи «беременным женщинам вспарывали животы, выбрасывали плод и набивали животы соломой. Детям разбивали головы о колеса арб или устраивали из них козлодранье, и они разрывались на части. Красноармейцев сжигали на костре»[643].

Таковы истинные «подвиги» басмачей и их главарей.

Цель же всех заявлений «советологов» одна — обелить бандитские действия басмачей, скрыть их «звериную» сущность, заставить народы забыть об их кровавых злодеяниях над мирным населением Средней Азии, над стариками, женщинами, детьми, представить крах басмачества «национальной трагедией».

Рассмотрение причин краха басмачества в реакционной буржуазной историографии перекликается с освещением хронологических рамок его возникновения и развития. И в этом вопросе искажаются причины и время возникновения басмачества, оно считается прежде всего «ответной реакцией» на установление Советской власти в Туркестане[644]. Советские историки начальный момент в организованной борьбе басмачества с Советской властью относят к периоду возникновения буржуазной «Кокандской автономии», правительство которой для формирования своих вооруженных сил использовало басмаческие отряды Иргаша[645].

При общих исходных методологических установках в определении хронологических рамок басмачества у отдельных буржуазных авторов есть и некоторые расхождения: если большинство считает, что наиболее интенсивно оно проявлялось в 1918–1924 гг. и спорадически существовало до начала 30-х гг. (1933 г.)[646], то Хостлер полагает, что «в виде изолированных восстаний» басмачество существовало с «1931 по 1939 год и позднее»[647], а Беннигсен и Уимбуш утверждают, будто басмачество продолжало существовать в отдельных районах до 1936 г.[648] Но доказательств этому у них нет и быть не может.

Известно, что бандитский набег Ибрагим-бека в 1931 г., который Хостлер причисляет к «восстанию», был последней попыткой «возродить» в широком масштабе басмачество.

Отдельные шайки басмачей до начала 30-х гг. скрывались в песках Каракумской пустыни. В 1933 г. были разгромлены их последние остатки на территории Таджикской и Туркменской республик.

Активизация басмаческих шаек в конце 20-х — начале 30-х гг., как известно, была вызвана обострением классовой борьбы в связи с осуществлением коллективизации, призванной ликвидировать эксплуататорские элементы в деревне. Олкот прямо указывает, что цель этих выступлений — сохранить «традиционную экономическую и социальную структуру»[649]. Под этим надо понимать: сохранить старые эксплуататорские порядки. Тем самым Олкот вопреки своей концепции вскрывает классовую сущность басмачества.

Басмаческие банды, действовавшие в Туркмении в конце 20-х — начале 30-х гг., нанесли огромный ущерб республике. Старая истина, гласящая, что гибнущий хищник опасен, получила убедительное подтверждение. Басмачи — «хищники каракумских песков» — оставили после себя долго не заживавшие раны. Сколько мужественных борцов за социализм пало от рук басмачей, сколько детей осталось сиротами!

Среди павших героев — районные руководители из Куня-Ургенча Бердыев и Садыков, активисты из аула Мулик-Язы Векил-Базарского района братья Аннамурадовы, секретарь комсомольской ячейки аула Ходжам-Кала–2 Кара-Калинского района Бекмурад Довлетов, активист из Порсинского района Аманнепес Овезов, активистка из Карабекаульского района Кейик Саметова, бедняк из Чарджоуского района Нобат Овезмурадов, батрак, колхозный активист из Байрам-Алийского района Рахман Ниязов и многие другие.

Большой ущерб басмачество нанесло народному хозяйству. Длинен перечень сожженных складов, разграбленных магазинов, разрушенных предприятий, совхозных помещений, жилых домов. А вытоптанные посевы, уничтоженный сельхозинвентарь!

Огромный урон понесло скотоводство. Только за зиму 1930 г. поголовье скота сократилось на 19 %. Погибло, было разграблено или угнано за границу 375 тыс. каракульских овец. В 1931 г., когда басмачество в Туркмении достигло апогея, поголовье каракульских овец снизилось на 41 %, грубошерстных — на 62, крупного рогатого скота — на 52 %.

Понадобились долгие годы, упорнейший труд рабочих и колхозников Туркмении, чтобы залечить раны, нанесенные

«хищниками пустыни»[650].

Заключение

В конце марта 1920 г., когда гражданская война в нашей стране еще не была завершена, но уже зримо виделась приближающаяся победа Советской власти над объединенными силами внутренней контрреволюции и международного империализма, В. И. Ленин в докладе ЦК IX съезду РКП (б), призывая партию к обобщению опыта «пережитого года», Исходя из актуальных задач, стоявших тогда перед Советской властью, сформулировал следующую политическую закономерность: «… сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии». Разъясняя смысл и значение этой закономерности, вождь партии сказал: «Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления»[651].

В современных условиях развития мирового революционного процесса эти теоретические положения В. И. Ленина получили новое подтверждение. Стратегия империализма направлена на то, чтобы попытаться, с одной стороны, если не сорвать, то хотя бы затормозить ведущую тенденцию современного социального развития — переход человечества от капитализма к социализму и коммунизму, а с другой — лихорадочно найти пути спасения капитализма, приспособить его к изменившемуся соотношению сил в мире.

Среди других средств по осуществлению этой глобальной задачи империализма немаловажную роль играет реакционная историография, отводящая большое место истории СССР и КПСС и имеющая значительный «задел» по искажению жизни и борьбы народов Советского Востока.

Фальсификация исторического процесса в Средней Азии является составной частью антикоммунизма, отражением борьбы империалистической реакции на идеологическом фронте. Она также составная часть попыток дискредитации на международной арене марксистско-ленинской историографии, органически сочетающей в себе принципы партийности и историзма.

Для фальсификаторской литературы по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Средней Азии, а следовательно, по истории басмачества характерны некоторые общие черты.

Первая

из них состоит в отрицании объективной закономерности и всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии. На этой антинаучной методологической позиции строятся выводы и обобщения о невозможности существования союза пролетариата России и трудовых масс национальных окраин в социалистической революции и гражданской войне.

Фальсификаторы изо всех сил стараются доказать, что Советская власть якобы продолжает в Средней Азии колониальную политику русского царизма, что здесь «сменилась лишь вывеска» и произошел процесс «насильственной советизации». Поэтому, доказывают они, трудящиеся местных национальностей якобы не принимали никакого участия в Октябрьской революции, в упрочении Советской власти, в гражданской войне на стороне Советов, в социалистическом строительстве. Буржуазные историки выдумали специальный термин «пролетарская колонизация», который они вместе с версией о «новом красном империализме» и применяют по отношению к Советской Средней Азии.

Отмеченные выше исходные позиции нужны реакционной буржуазной историографии и для того, чтобы опорочить огромное международное значение некапиталистического, социалистического пути развития народов Средней Азии.

Вторая

черта состоит в том, что фальсификаторы в извращенном виде описывают ход гражданской войны в Средней Азии, расстановку в пей классовых сил и причины победы Советской власти. В. И. Лепин еще в 1914 г. в работе «Приемы борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих» указывал, что с ослаблением, подрывом и падением идейного влияния буржуазии она *«везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»[652].

Буржуазная реакционная историография доказывает, что борьба в Туркестане в годы гражданской войны имела не классовый, а сугубо национальный характер. Поэтому ею отрицается наличие классовых противоречий внутри местного населения, так как якобы существовала некая «исламская демократия». С этих позиций басмачество рассматривается как «национальное», «народное» движение против Советской власти. Отсюда — путь к отрицанию факта интернационального сплочения трудящихся, к игнорированию значения политических и социально-экономических преобразований Советской власти, к извращению вопроса о союзе народов Средней Азии в борьбе с

общим классовым врагом.

Главной причиной краха басмачества «советология» считает подавляющее военное превосходство Красной Армии, игнорируя или фальсифицируя партийно-политическую работу среди населения и отход от басмачества той части трудящихся, которая ранее его поддерживала. В то же время для современной буржуазной литературы характерно замалчивание роли М. В. Фрунзе, других крупных партийных и советских работников в ликвидации басмачества. Главари же басмаческих банд представляются «борцами за свободу» и даже… «романтиками».

Среди буржуазных историков превалирует утверждение, будто крах басмачества положил конец «национальному единству Туркестана», усилил «русское влияние в крае», так как «Красная Армия вновь завоевала Туркестан».

Третья

черта заключается в том, что фальсификаторы фактически отрицают большую роль международного, и особенно английского и американского, империализма в разжигании и проведении гражданской войны в Туркестане. Работы, проникнутые ненавистью к народам Советского Союза и Коммунистической партии, служат целям оправдания и прикрытия англоамериканской захватнической политики в отношении народов России, и в том числе Средней Азии. Фальсификация истории басмачества нужна реакционным историкам и для оправдания идеологии современного неоколониализма, захватнических войн, ведущихся в наши дни международным, и особенно американским, империализмом[653].

В «советологии» последних лет всячески подчеркивается якобы ведущая роль Афганистана в помощи басмачам.

Четвертая черта выражается в том, что фальсификаторы истории предпринимают заранее запланированное массированное контрнаступление на зарубежных прогрессивных историков с целью опорочить действительность, скрыть правду об участии народов Средней Азии в Октябрьской революции, гражданской войне и социалистическом строительстве. Однако их попытки, как показывает исторический опыт, тщетны, объективное изложение истории первых дней Советской власти находит все большее понимание среди народов капиталистических государств.

Пятая

черта проявляется в том, что в период своего становления (20–40-е гг.) буржуазная историография, касающаяся проблемы

басмачества, характеризовалась почти полным отсутствием работ профессиональных историков, преобладанием исследований мемуарного плана бывших активных участников басмачества (Чокаева, Тогана), антисоветской интервенции (Маллесона, Эссертона и др.). Ими впервые была выдвинута идея о басмачестве как «всенародном», «национальном» движении.

50–60-е годы отмечены появлением довольно крупных, многоплановых работ профессиональных «советологов» — А. Беннигсена, С. Зеньковского, А. Парка, Р. Пайпса и др. В эти годы расширяется тематика исследуемых буржуазными авторами вопросов, среди них: деятельность Туркомиссии, подробные жизнеописания главарей басмачества и т. д. Источниковая база работ «советологов» пополняется трудами советских ученых, но приоритет отдается белоэмигрантским книгам. На более широкой документальной основе конкретизируется определение сущности басмачества как «национально-освободительного движения, объединившего все классы и народы Средней Азии против русского колониального господства».

В 70–80-е гг. басмачество рассматривается уже не только в специальных работах по истории Средней Азии, но и в книгах по современной истории Афганистана, истории ислама и т. д. На первый план выдвинулось идеологическое обоснование басмачества на принципах ислама. Новым моментом для новейшей буржуазной историографии начала 80-х гг. явилось стремление провести параллели между среднеазиатским басмачеством 20–30-х гг. и душманами Афганистана 80-х гг. И те и другие представляются «борцами за свободу», «за веру».

В настоящее время история басмачества разрабатывается в «советологических центрах» США, Великобритании, Франции, других западных стран. Этой проблеме уделяют внимание и «исламские центры» Саудовской Аравии, Египта, Пакистана. Наряду с трудами старшего поколения «советологов» (А. Беннигсена, С. Зеньковского, А. Парка, Р. Пайпса) в середине 60-х — начале 80-х гг. были опубликованы работы представителей послевоенного поколения, прошедших стажировку в ведущих антикоммунистических и антисоветских «центрах» Запада (М. Олкот, М. Шахрани и ряда других).

Для всех поколений «советологов» характерен единый подход к изучению истории Октябрьской революции в Средней Азии, гражданской войны и басмачества в том числе — фальсификация фактов, искажение смысла национальной политики КПСС, Советского государства. Труды по истории басмачества, как 20-х, так и 80-х гг., нацелены на дискредитацию учения марксизма-ленинизма, утверждение незыблемости ценностей буржуазного

общества.

Шестая

проявляется так: большинство буржуазных авторов редко используют работы советских историков последнего времени, вышедшие в свет тогда, когда историческая наука в пашей стране достигла больших успехов. Буржуазная историография в основном опирается на следующие источники:

на тенденциозно подобранную часть советской историографии 20-х и особенно начала 30-х гг. Эти работы создают благоприятную почву для искажения истории Октябрьской революции и гражданской войны под флагом буржуазной объективности. Общеизвестно, что в те годы в научный оборот было введено крайне малое число источников, и поэтому многие решающие события исторического процесса получили однобокое, а следовательно, и неправильное освещение;

на писания представителей националистических эмигрантских кругов, нашедших ныне приют в США, ФРГ, Англии, Турции и некоторых других странах. Именно в этих «произведениях» буржуазная историография находит «факты» и «данные» для построения всяческих клеветнических измышлений о Советской власти, ее национальной политике, сути басмачества[654]. Буржуазные историки никогда не подходят с критических позиций к этим «источникам», несмотря на то что в трудах советских историков показана их научная несостоятельность;

— на мемуары и воспоминания буржуазных политиков и организаторов интервенции, а также представителей иностранной агентуры в Средней Азии. В этих источниках зарубежная историография черпает данные, в частности, для «оправдания» басмачества, искажения его сущности. Многие свои положения и выводы, относящиеся к басмачеству, фальсификаторы взяли в готовом виде из трудов таких известных буржуазных политиков и организаторов антисоветской интервенции, как Ллойд Джордж[655] и Уинстон Черчилль[656], а также из книги одного из непосредственных исполнителей интервенционистских планов в Средней Азии — генерал-майора английской службы Денстервиля [657].

Черчилль в своей книге с необыкновенным даже для буржуазного политика цинизмом на вопрос: «Находились ли союзники в войне с Советской Россией?» — ответил: «Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза; на русской земле они оставались в качестве

завоевателей; они снабжали оружием врагов Советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению Советского правительства и строили планы этого падения». Дальше он добавил: «Русские белогвардейцы сражались за наше дело»[658].

И еще одно признание, сделанное Черчиллем много лет спустя: 28 июня 1954 г. в «Национальном клубе печати» в Вашингтоне он сказал, что «является одним из тех, кто с 1917 г. вел борьбу с коммунизмом, чтобы его задушить в колыбели»[659].

Нет необходимости комментировать все эти сентенции Черчилля., Ясен и без лишних слов ответ на поставленный вопрос: Советской России была извне навязана империалистическая интервенция[660].

Ллойд Джордж в шестом томе своих мемуаров, пытаясь оправдать интервенцию против Страны Советов, выдвигает известный тезис о том, что открытое вторжение было предпринято якобы с целью помешать немцам стать хозяевами в России. В применении к Советскому Туркестану этот тезис дополняется еще и «угрозой турецкого проникновения», которому английское правительство решило всеми силами противостоять, хотя его никто об этом не просил[661].

Генерал Денстервиль конкретизирует это утверждение следующим образом: «Неприятельский (немецкий. — *Авт.*) план продвижения в Азию через Туркестан значительно облегчался наличием в этой области большого числа выпущенных на свободу австрийских пленных»[662].

Известно, что аргумент о необходимости вести войну в далеком Туркестане с целью ликвидации немецко-турецкой угрозы понадобился правящим кругам Великобритании прежде всего для того, чтобы обмануть народные массы своего государства, оправдать в их глазах захватническую войну. И этот пропагандистский аргумент стал в дальнейшем ведущим в буржуазной историографии;

с конца 40-х гг. в какой-то мере расширяется источниковая база буржуазных исследователей. В Великобритании под редакцией профессора современной истории Оксфордского университета Е. Вудворда были изданы сборники документов по истории внешней политики Англии, охватывающие период с 1919 по 1939 г.[663] Однако буржуазные специалисты использовали их крайне слабо. Активное привлечение опубликованных в конце 40-х гг. документов началось фактически в 60-е гг. В 40–50-е гг. «советологи» опирались в основном на антикоммунистическую, антисоветскую литературу 20–30-х гг., повторяя ее трактовку причин возникновения и поражения басмачества;

в 50-е — начале 60-х гг., как и в предыдущие годы, основу работ буржуазных авторов составляли мемуары руководителей английских военных миссий в Средней Азии в годы гражданской войны и империалистической интервенции (генерал-майора У. Маллесона, Ф. Бейли и др.), белоэмигрантов (лидера «Кокандской автономии» и басмачества М. Чокаева и др.). Некоторым исключением были книги А. Парка и Р. Пайпса, в которых использовались (правда, в значительной степени в препарированном виде) работы советских ученых. Не случайно исследования А. Парка и Р. Пайпса в свою очередь стали преобладающим видом источников для работ англо-американских буржуазных историков второй половины 60-х — середины 70-х и последующих годов; в середине 70-х — начале 80-х гг. источниковая база буржуазной историографии пополняется новыми документами. Особенный интерес вызывает четвертый том многотомного издания писем, дневниковых записей, различных материалов Уинстона Черчилля, в которых раскрываются механика подготовки и развязывания антисоветской интервенции, истинные цели британской интервенции на Север, в Закавказье, Закаспий, Туркестан[664]. Но буржуазные фальсификаторы, верные себе, используют эти материалы, исходя из своих целевых установок.

В большинстве случаев, игнорируя советскую литературу, буржуазные фальсификаторы порой вынуждены считаться с наличием серьезных исследований, признавать невозможным полностью замалчивать вышедшие в СССР книги. В этих случаях они не останавливаются перед прямым искажением трудов советских историков, стремясь выхолостить их партийную и классовую заостренность, ставят под сомнение факты, выводы, источниковедческую базу книг, посвященных истории Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма, и в том числе истории гражданской войны. Большинство «советологов», привлекая работы советских историков о басмачестве, берут из них прежде всего выгодный им фактический материал, выхватывая не связанные с общим контекстом отдельные цитаты и абзацы для подтверждения собственных выводов и положений.

Известное расширение источниковой базы современных буржуазных исследователей басмачества не привело к изменению оценок этой формы острейшей классовой борьбы в Средней Азии. Не доказательство ли это того, что буржуазная историография не способна «генерировать» концепции, обогащающие научное знание? Основные трактовки происхождения, сущности басмачества, причин его краха остаются прежними, что еще раз доказывает несостоятельность методологических и

гносеологических позиций буржуазной историографии, главным стержнем которой является антикоммунизм. В силу этих и других причин «советологи» не могут объективно осветить историю нашей партии, источники ее успехов на длительном героическом пути борьбы и побед за социализм и коммунизм[665].

Фактом является то, что зарубежные историки реакционного направления не дают объективной оценки длительной и упорной борьбе народов Средней Азии за Советскую власть, за свою свободу и независимость. Они в кривом зеркале освещают ход и исход классовой борьбы в 1917–1931 гг., причины победы трудящихся над объединенными силами интервентов, белогвардейцев и басмачей. Не выдерживают критики не только общая целенаправленность книг фальсификаторов истории, но и содержащиеся в них аргументы и доводы. Нельзя дать объективный анализ исторического процесса на основе идеализма, являющегося философско-теоретическим принципом буржуазной историографии, в противоположность историческому материализму. Фиговым листком «беспартийности» не прикрыть сущность буржуазной литературы, ее глубоко классовую империалистическую направленность, в результате которой объективный исторический процесс подменяется субъективными схемами, а под флагом «политической нейтральности» затушевываются неугодные факты, данные и события, особенно связанные с общими закономерностями исторического процесса.

Кроме этих общих моментов имеются в виду и немаловажные специфические особенности.

Фальсификация истории народов среднеазиатских советских республик, усилившаяся в последнее время, необходима нашим идейным противникам для того, чтобы помешать освободившимся от колониальной зависимости народам Востока правильно понять опыт Советской страны по социальному и национальному возрождению бывших отсталых народов России, запугать их «коммунистическим порабощением». Искажение истории Средней Азии призвано сыграть свою роль и в деле подрыва дружеских связей народов СССР с народами зарубежного Востока. Если профессор Филипп Мосли говорит об этом в общей форме[666], Вальтер Коларз — более туманно[667], то американский профессор Серж Зеньковский прямо пишет о значении социалистического опыта народов Средней Азии для только что освобожденных от гнета народов Востока[668].

Приведенные выше материалы позволяют заключить, что реакционная буржуазная историография несостоятельна ни в методологическом, ни в гносеологическом, ни в фактологическом отношениях. Можно также с полным основанием прийти к

выводу, что фальсификация истории народов Средней Азии в советский период является одним из важнейших направлений идеологической борьбы. Интенсивность фальсификации истории басмачества связана и с развитием современного революционного процесса[669]. Отсюда и те огромные средства, которые отпускаются на создание и содержание многочисленных «центров» и подготовку антикоммунистических идеологов. По далеко не полным данным Маршалла Шульмана, консультанта по славянским делам в нескольких американских правительствах, стоимость подготовки 10–20 «специалистов» подобного профиля равна примерно стоимости одной крылатой ракеты[670].

Действия басмачей, то затухая, то вспыхивая вновь, продолжались в отдельных районах Средней Азии длительное время. Возникает вопрос: чем объяснить такую продолжительность этой борьбы? Главным фактором, обусловившим живучесть басмачества, следует признать фактор внешний. Поддержка международного империализма, оказанная в самых широких масштабах, обеспечила первоначальный подъем басмачества, его последующее расширение, гальванизировала и инспирировала его дальнейшие вспышки. Можно считать абсолютно доказанным, что англо-американские разведывательные службы с помощью официальных представителей в Китае, Иране, Афганистане, опираясь на реакционные круги этих стран, находились в постоянном контакте с басмаческими главарями и буржуазно-националистическими организациями, направляли их деятельность. Все видные руководители басмачей были наемными агентами американской и английской разведок. Именно иностранные организаторы, иностранное оружие и золото обеспечили создание многих басмаческих банд — больших и малых. Значение этого фактора особенно наглядно проявилось на последних этапах басмачества. На протяжении ряда лет недобитые басмаческие банды после поражений отсиживались за границей. Там они вооружались, переформировывались, пополнялись, оттуда вторгались в советские пределы, чтобы вновь потерпеть поражение и опять укрыться на чужой территории.

Борьба с басмачеством в Средней Азии показала неодолимую силу советского строя. Широчайшие народные массы, сплотившиеся под руководством Коммунистической партии, стали активными строителями новой, мирной жизни. Ни заклинания приспешников контрреволюции, ни интервенция, ни террор басмачей не смогли заставить их свернуть с избранного пути.

Разгром басмачества в Средней Азии оказал влияние не

только на дальнейшие судьбы народов Советского Востока. Были в значительной мере сорваны планы иностранного империализма по удушению национально-освободительного движения на колониальном Востоке, в первую очередь в Китае и Индии.

Басмачество потерпело закономерное, исторически обусловленное поражение. Победа над ним имела огромное значение. Басмачество ставило своей целью свергнуть Советскую власть, восстановить господство ханов, беков, баев, местной национальной буржуазии и превратить Среднюю Азию в колонию империализма. Оно боролось против социалистического пути развития Средней Азии, за сохранение старых, дореволюционных порядков. Следовательно, борьба трудящихся масс против басмачества была борьбой за защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, за торжество дела социализма и строительство коммунизма.

Ликвидация басмачества, его окончательный крах были важнейшим условием того, что народы Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии и Казахстана смогли успешно осуществить социалистическое строительство, превратить некогда отсталые окраины царской России в цветущие республики с высокоразвитой промышленностью, сельским хозяйством, культурой.

Республики Советского Востока стали вдохновляющим примером для многих народов зарубежного Востока, Азии, Африки в их поисках справедливого социально-политического развития.

Успехи в экономическом, социально-политическом, духовном развитии республик Советской Средней Азии — закономерный итог развития советского общества, результат несравнимых преимуществ советского образа жизни, нашего общественного и государственного строя перед капитализмом.

Достижения народов среднеазиатских республик не замечают только ярые недоброжелатели Советского Союза. Те же, кто трезво и объективно оценивают факты, признают преимущества социалистической действительности.

Общественно-политические и государственные деятели, ученые, литераторы, представители искусства всех континентов мира много пишут и говорят о жизни и труде народов Средней Азии. Приведем лишь некоторые примеры.

Вождь ангольского народа, бывший председатель Партии народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), бывший президент Народной Республики Ангола Агостиньо Нето, посетив в 1976 г. Узбекистан, заявил: «Для нас чрезвычайно важен опыт первой страны социализма, и в этом отношении большой интерес

для нас представляет Узбекистан» [671].

Председатель ЦК партии ФРЕЛИМО, президент Народной Республики Мозамбик Самора Машел после посещения Узбекистана сказал: «Рабочие, колхозники и интеллигенция Узбекистана добились выдающихся побед в промышленности и сельском хозяйстве… Напряженным и самоотверженным трудом трудящиеся республики строят прекрасное настоящее и создают светлое будущее» [672].

Социально-политические, культурные успехи советских республик Средней Азии убедительно демонстрируют преимущества социализма. Это признают не только прогрессивные зарубежные деятели из развивающихся стран, но и представители различных кругов западных стран[673].

Империалистической пропаганде, основанной на фальсификации материалов о Советской Средней Азии, достижениях ее народов, дают отпор многие и многие непредубежденные люди, побывавшие на Советском Востоке, стремящиеся объективно разобраться в том «чуде», которое совершили социалистические нации. Профсоюзный деятель из Марокко Эль-Хусейн после посещения республик Средней Азии заявил: «Мы убедились, что реакционная империалистическая печать распространяет ложь о советской действительности». Австралийский рабочий Х. Уильямс из Сиднея пишет: «Многие уже просто смеются над выдумками буржуазной пропаганды. Тысячи жителей Великобритании и Австралии побывали в Советском Союзе, увидели вашу жизнь своими глазами. Миллионы людей питают горячую привязанность к великому советскому народу и радуются его замечательным успехам». Арабский писатель Али Ахмед Бакасир заявил: «Я знаю Узбекистан не хуже родного Египта. Пустыни здесь превращаются в цветущие сады, а если американцы называют Узбекистан колонией, что же — я хотел бы жить в такой колонии»[674].

«…Собака лает, караван идет» — так говорили древние кочевники пустынь Средней Азии. Ныне нет здесь кочевников, в пустынях выросли чудесные города, в которых живут и трудятся плечом к плечу сотни тысяч представителей всех народов СССР, единой семьей, ради единой цели — строительства нового общества, новой цивилизации, имя которой — коммунизм.

Великая мудрость жизни народов Советского Востока выражена в поэме «Два Востока» народного поэта Узбекистана Гафура Гуляма:

> Я сын Востока. Вольный, полноправный,
> Советского Востока гордый сын.

Я человек. Я твердо, точно знаю,
как должен жить свободный гражданин!
Для всех народов этого Востока
я брат родной. Любимый брат и друг.
Наш край огромен. Даже солнцу в небе
непросто обойти его вокруг.
На этом небе — ленинское знамя,
на нем слова: «свобода, братство, труд»
Народы прославляют это знамя
и как зеницу ока берегут.
Невежества, распутства, мракобесья
давно у нас уже простыл и след.
Питающимся падалью шакалам
в свободном нашем крае места нет.
Здесь все равны. У каждого народа —
своя страна, свой герб, своя печать.
Народам-братьям вольного Востока
есть что любить, беречь и защищать:
свою поэзию, свою культуру,
отраду вдохновенного труда…
Вот почему господство капитала
у нас не возродится никогда[675].

Приложения

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Товарищам коммунистам Туркестана

Товарищи! Позвольте мне обратиться к вам не в качестве Председателя Совнаркома и Совета Обороны, а в качестве члена партии.

Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его, — с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от ВЦИК именно в этом духе.

Я был бы очень благодарен, если бы мне вы ответили на это письмо и сообщили о вашем отношении к делу.

С коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин)
Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 304.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП (б) ПО ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ РКП (б) В ТУРКЕСТАНЕ

Утвердив тезисы и проект в общем и основном, исправить и тезисы и проект в том духе, чтобы уравнять землевладение русских и приезжих с местными;

разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских

энергичнейшим образом; не давать права Туркомиссии изменять декреты без запроса ТурЦИКа и ТурСНК и запроса центра; систематически обдумать, подготовить, провести передачу власти — постепенно, но неуклонно — местным *Советам трудящихся,* под контролем надежных коммунистов; деления республики на 3 части не предрешать; общей задачей ставить свержение феодализма, но не коммунизм.

Написано 22 июня 1920 г.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 153.

ИЗ ДОКЛАДА КОМИССИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ

26 июля

…Затем я хотел еще сделать замечание о крестьянских Советах. Практическая работа русских коммунистов в колониях, принадлежавших раньше царизму, в таких отсталых странах, как Туркестан и проч., поставила перед нами вопрос о том, каким образом применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях, ибо важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения, и поэтому там не может быть и речи о чисто пролетарском движении. В этих странах почти нет промышленного пролетариата. Несмотря на это, мы и там взяли на себя и должны взять на себя роль руководителей. Наша работа показала нам, что в этих странах приходится преодолевать колоссальные трудности, но практические результаты нашей работы показали также, что, несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата. Эта работа была труднее для нас, чем для товарищей из западноевропейских стран, так как пролетариат в России завален государственной работой. Вполне понятно, что крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле. Ясно также, что угнетенные массы,

эксплуатируемые не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе, могут применять это оружие, этот вид организации и в своих условиях. Идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и

полуфеодальным отношениям. Наш опыт в этой области пока еще не очень велик, но дебаты в комиссии, в которых принимало участие несколько представителей колониальных стран, доказали нам с полной неопровержимостью, что в тезисах Коммунистического Интернационала необходимо указать на то, что крестьянские Советы, Советы эксплуатируемых, являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями, и что безусловным долгом коммунистических партий и тех элементов, которые готовы создать коммунистические партии, является пропаганда идеи крестьянских Советов, Советов трудящихся всюду и везде, и в отсталых странах и в колониях; и там, где только позволяют условия, они должны немедленно же делать попытки к созданию Советов трудящегося народа.

Здесь перед нами открывается очень интересная и важная область практической работы. Пока еще наш общий опыт в этом отношении не особенно велик, но мало-помалу у нас будет накопляться все больше и больше материалов. Не может быть никаких споров о том, что пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам и что развитие отсталых стран может выйти из своей нынешней стадии, когда победоносный пролетариат советских республик протянет руку этим массам и сможет оказать им поддержку.

По этому вопросу в комиссии велись довольно оживленные дебаты не только в связи с тезисами, подписанными мной, но еще более в связи с тезисами тов. Роя, которые он здесь будет защищать и к которым некоторые поправки были единогласно приняты.

Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только повести немедленно пропаганду за организацию крестьянских Советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический

Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму минуя капиталистическую стадию развития.

Какие средства для этого необходимы, — заранее указать невозможно. Нам подскажет это практический опыт. Но установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя и что работа коммунистической партии в этом направлении должна начаться немедленно во всем мире…

Ленин В. И. Полн. собр, соч., т. 41, с. 244 — 246.

ДЕКРЕТЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ НАРОДОВ РОССИИ

Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения.

Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности па землю — она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми[676]. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков.

Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно.

В[677] эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России.

В период империализма, после февральской революции, когда власть перешла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая политика натравливания уступила место политике трусливого

недоверия к народам России, политике придирок и провокации, прикрывающейся[678] словесными заявлениями о «свободе» и «равенстве» народов. Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия.

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придирок и провокации должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России.

Только в результате такого доверия может сложиться честный и прочный союз народов России.

Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии.

Исходя из этих положений, первый[679] съезд Советов в июне[680] этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение[681].

Второй съезд Советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право народов России более решительно и определенно.

Исполняя волю этих съездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

Равенство и суверенность народов России. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Вытекающие отсюда конкретные декреты будут выработаны немедленно после конструирования Комиссии по делам национальностей.

Именем Республики Российской Народный комиссар по делам национальностей
Иосиф Джугашвили-Сталин.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)[682].

2 ноября 1917 г.[683]
Декреты Советской власти. Т. I.
25 октября 1917 г, — 16 марта 1918 г.
М., 1957, с. 39–41.

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ МУСУЛЬМАНАМ РОССИИ И ВОСТОКА

Товарищи! Братья!

Великие события происходят в России. Близится конец кровавой войне, начатой из-за дележа чужих стран. Падает господство хищников, поработивших народы мира. Под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства. Мир произвола и угнетения доживает последние дни. Рождается новый мир, мир трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революции стоит Рабочее и Крестьянское правительство России, Совет Народных Комиссаров.

Вся Россия усеяна революционными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Власть в стране в руках народа. Трудовой народ России горит одним желанием добиться честного мира и помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу.

В этом святом деле Россия не одинока. Великий клич освобождения, данный русской революцией, подхватывается всеми трудящимися Запада и Востока. Истомленные войной народы Европы уже протягивают нам руки[684], творя мир. Рабочие и солдаты Запада уже собираются под знамя социализма, штурмуя твердыни империализма. А далекая Индия, та самая, которую веками угнетали «просвещенные» хищники Европы, подняла уже знамя восстания, организуя свои Советы депутатов, сбрасывая с плеч ненавистное рабство, призывая народы Востока к борьбе и освобождению.

Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма.

Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока.

Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни Которых разрушались, верования и обычаи Которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное

Правительство!

Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители.

Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, — ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее Правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель. Константинополь должен остаться в руках мусульман.

Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы.

Мы заявляем, что договор о разделе Турции и «отнятии» у нее Армении порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, армянам будет обеспечено право свободно определить свою политическую судьбу.

Не от России и ее революционного Правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые ведут нынешнюю войну из-за дележа ваших стран, от тех[685], которые превратили вашу родину в расхищаемую[686] и обираемую[687] свою «колонию».

Свергайте же этих хищников и поработителей ваших стран. Теперь, когда война и разруха расшатывают[688] устои старого мира, когда весь мир пылает негодованием против империалистов-захватчиков, когда всякая искра возмущения превращается в мощное пламя революции, когда даже индийские мусульмане, загнанные и замученные чужеземным игом, подымают восстание против своих поработителей, — теперь молчать нельзя. Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых[689] захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию. Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в ваших[690] собственных руках…

Товарищи! Братья!

Твердо и решительно идем мы к честному демократическому миру.

На[691] наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира.

Мусульмане России!

Мусульмане Востока!

На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки.

Народный комиссар по национальным делам
Джугашвили-Сталин.
Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)[692].

Декреты Советской власти. Т. I.
25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г., с. 113–115.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

от 8 октября 1919 г.

Принимая во внимание:

что с победой Красной Армии устанавливается связь Красного Туркестана с остальной Советской Россией — этим очагом мировой революции — и обеспечивается тесный союз трудящихся масс России с народами Туркестана; что этот союз является залогом полного уничтожения в Туркестане всех остатков российского империализма и оплотом против всяческих попыток иностранных угнетателей;

что самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой — составляют основу всей политики Советского правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов и что только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России, — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и Совет Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики постановляют:

Назначить Комиссию по делам Туркестана в составе товарищей: Ш. З. Элиава (председатель комиссии), М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Г. И. Бокия[693], Ф. Голощекина и Я. Э. Рудзутака, которая уполномочивается представлять Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров и действовать от их имени в пределах

Туркестана и сопредельных с ним государств и способствовать проведению в жизнь начал, изложенных в п. 3 настоящего постановления.

За председателя
Центрального Исполнительного
Всероссийского
Комитета
Л. Каменев.
Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
В. Аванесов.

Декреты Советской власти. Т. VI.
1 августа — 9 декабря 1919 г.
М., 1973, с. 457.

МАТЕРИАЛЫ М. В. ФРУНЗЕ

Приказ войскам туркестанского фронта № 352

31 июля 1920 г.

На смену колонизаторской политике царского правительства, ставившей своей задачей полную эксплоатацию темных масс коренного населения, Рабоче-Крестьянским правительством выдвинута новая политика, стремящаяся к освобождению угнетаемых, к раскрепощению эксплоатируемых. Если царская, а вместе с нею и буржуазно-соглашательская власть под теми или иными предлогами стремилась как можно дальше отстранить от дела строительства государственной жизни коренное население, считая для себя невыгодным, а отсюда и недопустимым участие в решении жизненных вопросов Туркестана его коренного населения, то Советская власть, строя новый мир, призвала к участию во всех делах страны лучшие силы мусульманского пролетариата.

Последним шагом к полному вовлечению коренного населения Туркестана в дело строительства жизни своей страны явился призыв на действительную военную службу граждан-мусульман, и Революционный Военный Совет Туркфронта с чувством глубокого удовлетворения констатирует факт, что мусульманская беднота, зарождающийся пролетариат Туркестана, правильно учтя свое положение в деле мировой войны с

капиталом, сознательно и с чувством важности момента тысячами вошел в братские ряды Красной Армии. Ежедневно получающиеся со всех концов Туркестана сведения говорят, что новые и новые тысячи туземного пролетариата стекаются под ружье, и мы твердо уверены, что недалек тот миг, когда освобождение веками угнетаемому пролетариату Востока понесут железные батальоны пролетариев-мусульман…

Во исполнение вышеизложенного приказывается:

Упраформу немедленно выяснить количество мобилизованных мусульман, попавших в ряды Красной Армии, купленных баями и кулацкими общинами, выяснить и тех, кто покупал.

Упраформу немедленно освободить от службы всех призванных мусульман старше 35 лет и моложе 19, предложив соответствующим кишлачным, аульным комитетам выделить в войска путем справедливой жеребьевки требующееся с них количество людей в возрасте от 19 до 35 лет.

Сыновей и родственников тех, кои купили за деньги подставных лиц, немедленно мобилизовать и зачислить в тыловое ополчение, на основании декрета Совнаркома Республики от 20 июля 1918 г., с употреблением этого ополчения на самые грязные и тяжелые работы. Предупредить все население, что при всяком, по издании сего приказа, случае все покупающие рекрутов будут привлечены к ответственности по всем строгостям закона военно-революционного времени. Мусульмане, вступившие на службу в ряды армии за взятку или путем подкупа, возвращению из армии не подлежат и как сыны пролетариата должны быть перевоспитаны для защиты своих истинных интересов перед вековыми врагами и угнетателями мусульманского пролетариата.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, командах, эскадронах и батареях армий Туркестанского фронта.

Командующий Туркестанским фронтом
М. Фрунзе

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны.
Сб. документов. М., 1941, с. 287–288.

К мусульманскому населению ферганской области

Товарищи-мусульмане! К вам, жителям городов и аулов разоренной, залитой кровью Ферганы, обращаемся мы,

представители Советской власти, с нашим словом.

Братья! Два с лишним года льется кровь по всей Фергане; два с лишним года измученное население области не знает отдыха и не может спокойно трудиться; два с лишним года шайки басмачей терроризируют мирных жителей, угоняя их скот, забирая жен и сыновей, лишая последнего достояния.

В результате их грабительских подвигов все население стонет, поля не обработаны, ибо их нечем было пахать, отцы и матери оплакивают тысячи погибших детей, все хозяйство прежде цветущего и богатого края на краю полного уничтожения.

Чем же объясняется столь долгое хозяйничанье басмаческих шаек? Почему народ, объединившись около Советской власти, могучим усилием воли своей до сих пор не сбросил с шеи грабителей?

К сожалению надо признать, что большая доля вины за это ложится на самую власть Ферганы. Надо признать, что первые представители и организаторы Советской власти в Фергане не оказались на высоте своего положения и вместо сплочения трудящихся масс оттолкнули их от себя. В ряды Советской власти проникло тогда много элементов, не имевших ничего общего с революцией и интересами бедноты, элементов, которые вместо служения народу занимались набиванием собственных карманов путем насилия над населением.

Деятельность же прежних советских отрядов, не имевших понятия об истинном долге воинов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, позволявших бесчинства и грабежи, еще более убивала в народе веру в Советскую власть.

Это дало повод врагам трудового народа говорить, что Советская власть не друг его, что она сама притесняет бедноту. И на этой почве мелкие разбойничьи шайки стали пополняться притоком новых сил, искавших здесь защиты от несправедливости власти. На этой почве среди населения сложился взгляд на басмачество как на средство защиты от власти. Вот что дало ему силу, сделало способным с лишком два года терзать страну.

Но вот, с восстановлением связи с Центральной Россией в политике Советской власти в Туркестане наступает резкий перелом. Все негодяи, грабители, примазавшиеся к революционной власти для достижения своих личных целей, изгоняются из ее рядов. Начинается привлечение к власти широких кругов мусульманского населения города и кишлака. Устанавливается полное равноправие всех национальностей. Прекращаются все безобразия отдельных представителей власти. В войсках создается с прибытием свежих сил из центра порядок и

дисциплина.

Все это открыло глаза мусульманской бедноте на истинную сущность Советской власти. Показало ей, что только под флагом Советской власти трудящиеся города и деревни смогут зажить хорошо. Стало понимать это и мусульманство Ферганы, прозрело и отшатнулось от басмачества. Чувствуя, что народ отошел от них, наиболее чуткие вожди басмачей сами пошли навстречу его пожеланиям и признали Советскую власть. Только меньшая часть, наиболее развращенная раздольно-разбойничьей жизнью, наживавшая себе капитал па народной нищете, не пошла этим путем.

К весне текущего года казалось, что басмачество кончилось, что наступило, наконец, время мирного труда и спокойствия. К сожалению, это только казалось. Многие из басмачей, перешедших на советскую сторону, увидев, что грабить им больше не дают, что им приходится жить, как и всем остальным, заколебались в своей верности власти. Не могли они отказаться от права жить праздно и привольно на шее народа и вновь изменили своей клятве верности, вновь пошли в ряды закоренелых разбойников Курширмата и Хал-ходжи. И вот вместо мира и спокойствия в Фергане вновь полилась кровь.

С этим пора кончить. Пора каленым железом выжечь язву басмачества. Пора железной метлой вымести из края всех грабителей и бандитов. Отныне с басмачеством, как явным бичом народа, будет вестись беспощадная борьба. Это — твердое решение Советской власти, и мне, как командующему Туркестанским фронтом, приказано выполнить его в кратчайший срок.

Во исполнение этого мной направлены в Ферганскую область сильные подкрепления. Их задача, не давая врагу ни минуты покоя, истреблять и гнать его из пределов области. В выполнении этой задачи я ожидаю помощи и содействия всего измученного мусульманского народа. Пусть знает народ, что Красная Армия не враг, а друг и защитник его. Пусть будет ведомо всем, что ни один красноармеец, ни одна воинская часть не смеет пальцем тронуть мирного дехканина. Пусть знают, что войска не смеют брать даром никакого имущества мирных жителей и, наоборот, должны оказывать им братскую помощь. За все, что поставляет для нужд армии население, ему должно оплачиваться деньгами. В крайних случаях, когда нет возможности немедленно расплатиться деньгами, взамен этого выдается расписка с печатью воинской части, по которой все взятое будет оплачено сполна.

Так приказано действовать войскам, и я ожидаю, что не

услышу слез и жалоб тех кишлаков и аулов, через которые будут проходить войска Красной Армии. Если же где-нибудь будет причинена малейшая обида мирным жителям, то об этом необходимо сейчас же довести до сведения ближайшего военного начальства. Для всех таких хулиганов и насильников у Советской власти ответ один: пуля в лоб.

В свою очередь и к вам, братья дехкане, Советская власть обращается с требованием. Вы должны придти как один человек на помощь власти по искоренению басмачества. Должны принимать все меры к скорейшему уничтожению разбойничьих шаек. В каждой волости, в каждом кишлаке надо немедленно разоружить и арестовать всех басмачей или их пособников. Надо выловить всех их шпионов. Всякий, кто будет изобличен в каком бы то ни было содействии басмачам, будет беспощадно расстрелян. Из всякого кишлака, который будет доставлять басмачам продовольствие, будет их укрывать или оказывать какую-либо другую помощь, будут взяты заложники и тоже расстреляны. Пока существует басмачество, пока существуют грабежи и насилия, других слов с насильниками у Советской власти отныне не будет. Она слишком долго терпела бесчинства, она дала милость и прощение всем, кто раскается и возьмется за мирный труд. Ныне чаша терпения иссякла, и с басмачами будет беспощадно покончено вооруженной рукой.

Скорей же, братья дехкане, подымайтесь на борьбу с язвой местной жизни — басмачеством.

Скорей собирайтесь в дружную братскую семью под красным знаменем Советской власти.

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует мусульманская беднота Ферганы и всего Туркестана!

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия, защитница трудового народа!

Смерть врагам народа — разбойникам и грабителям!

Настоящий приказ огласить всему населению и расклеить по всем кишлакам, аулам и городам.

Командующий войсками Туркестанского фронта
Михаил Фрунзе-Михайлов

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 309–311.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА № 00204/пш.

28 августа 1920 г., Самарканд.

В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение. Настал час решительной схватки подавленных и порабощенных трудящихся масс Бухары с кровожадным правительством эмира и беков. Полки нарождающейся бухарской Красной Армии двинулись на помощь родному народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны стать подле них. Приказываю всей нашей вооруженной мощью придти на помощь бухарскому народу в этот час решения.

Командиры, комиссары! На вас смотрит сейчас вся Советская Россия и ожидает от каждого исполнения его революционного долга!

Вперед, за интересы трудящихся Бухары и России!

Да здравствует возрождающийся бухарский народ!

Да здравствует нарождающаяся Бухарская Советская Республика!

Командующий Туркфронтом
Михаил Фрунзе

М. В. Фрунзе. На фронтах гражданской войны, с. 325–326.

Воспоминания участников борьбы с басмачеством

У. Абдурахманов[694]

В отрядах самообороны

Начало контрреволюционному басмаческому движению в Ферганской долине положила «Кокандская автономия», использовавшая вооруженных грабителей для борьбы с Советской властью. Во главе басмаческих шаек стояли Аман-Палван, Мадамин-бек, Рахманкул, Курширмат и другие. Они грабили и разрушали кишлаки. Используя темноту, забитость и религиозный фанатизм дехканства, привлекали некоторых из них на свою сторону и препятствовали проведению мероприятий Советской власти.

В то время, чтобы провести то или иное мероприятие, коммунисты и активисты не могли ездить в кишлаки в одиночку и невооруженными. Мы выезжали проводить собрания и беседы только группой или отрядом в несколько человек.

Помнится такой случай. По решению Наманганского

угоркома партии надо было провести митинги, посвященные первой годовщине Октябрьской социалистической революции. Митинги намечались в 5 частях Намангана: Сардобинской, Дерезликской, Лаббай-Тогайской, Чукур-Кучинской и в новом городе.

Для организации митинга в Сардобинской части пришли коммунисты Шахимарданов, Киргизбаев, Магзумов, в Чукур-Кучинской — Низамбаев, Мурадов-Саид Аксакал, в Лаббайской — Касымханов и я. Когда мы уже собрали народ и должны были открыть митинг, налетела шайка басмачей. Провести митинг не удалось. Силами партийной дружины, с помощью населения, пришлось отбивать нападение вооруженной шайки.

Для того, чтобы успешно бороться с басмачеством, наманганский городской комитет партии приступил к организации красногвардейских отрядов и отрядов самообороны. Начали с того, что выделили группу коммунистов и поручили им подобрать в отряды надежных, крепких, преданных делу Советской власти людей из местного населения.

Я в это время работал председателем Наманганской уездно-городской чрезвычайной комиссии (ЧК). По поручению горкома партии мы создали при ЧК отряд по борьбе с басмачеством. Первоначально в нем насчитывалось всего 25 человек. Этот отряд совместно с отрядами самообороны помогал населению в защите от внезапных налетов басмачей.

Басмачи отличались особой жестокостью. Однажды банды совершили нападение на кишлак Ирвадан, отобрали у дехкан скот, ценные вещи, многих дехкан избили, многих арестовали, связали веревками, закрыли в кибитку и под конвоем держали без пищи и воды. В кишлак Ирвадан выехал наш отряд. Бандиты, потеряв несколько человек убитыми, скрылись в степи.

Красногвардейские отряды и отряды самообороны сыграли большую роль в борьбе с басмачеством, в проведении национализации земли и воды, частных предприятий и в осуществлении ряда других важнейших мероприятий Советской власти. Но систематически организованная и успешная борьба с басмачеством в Ферганской долине так же, как и в других областях Узбекистана, стала возможной лишь после сентября 1919 года, когда советские войска под командованием М. В. Фрунзе пришли в Туркестан.

Красногвардейские отряды и отряды самообороны стали выступать совместно с регулярными частями Красной Армии, под их руководством.

В октябре 1919 года наманганскому городскому комитету партии и военному командованию стало известно, что банда

басмачей Аман-Палвана напала на селение Кизыл-Арват и терроризирует дехкан за то, что они отказывались отдать часть урожая хлопка и риса кулакам и баям.

Мы знали, что банда Аман-Палвана сильна: у него было несколько сот вооруженных джигитов, и он тщательно готовил операции. Красногвардейский отряд, совместно с красноармейцами, во главе с комиссаром полка Золотаревым и работником особого отдела Д. Н. Романовым, численностью около 200 человек, отправился в кишлак Кизыл-Арват.

Басмачи, узнав об этом, отступили к Янги-Арыку. Здесь мы встретились с ними. Завязался бой. Басмачи первоначально пошли в наступление. Бой был упорным и жестоким. Но, когда командир отряда дал команду открыть пулеметный огонь, басмачи побежали. Мы их преследовали и возвратились только тогда, когда они скрылись в горах.

Был такой эпизод. В Папском районе между кулаками и беднотой возник спор из-за воды. Кулаки с помощью местных басмаческих шаек не давали на поля бедняков воды. Посевы оказались под угрозой гибели. Отряд красногвардейцев и милиции в количестве 25 человек отправился в Пап. По дороге нас встретили басмачи. Они в несколько раз превышали наши силы. Басмачи окружили нас. Опытный оперативный работник военкомата Мухин предложил занять встретившееся нам по пути укрытие для скота. Оно было удобно, с четырех сторон обнесено дувалом высотой в 3–4 метра. Укрывшись здесь, мы послали в разведку одного красноармейца по имени Мирзо с заданием узнать численность противника, его расположение и сообщить в Наманган, что мы окружены.

Разведчик Мирзо успел сообщить дехканам, что наш отряд окружен, но был схвачен врагом. Басмачи заарканили Мирзо и послали его на такое расстояние к нашему укрытию, чтобы мы могли услышать его. Они предложили кричать нам: «Сдавайтесь, помощи не будет». Мирзо по-таджикски крикнул нам: «Не сдавайтесь, помощь придет!» Услышав эти слова, бандиты арканом потащили его обратно в свой лагерь и зверски убили.

Сделав в стенах укрытия бойницы, мы в течение четырех суток отстреливались. Нам было очень тяжело, так как запасов пищи и воды у нас не было. Мы не имели также корма и воды для лошадей. Чтобы хоть немного утолить голод и не ослабеть, забили одного коня и ели полусырое мясо. Это спасло нас.

Я помню, что ни угрозы басмачей, ни голод на нас не действовали так удручающе, как жалобное ржание наших лошадей, просивших пить.

На четвертые сутки к нам прибыл отряд местной

самообороны и милиции. О нашем окружении сообщили в отряд посланные Мирзо местные дехкане. Завязался бой. В этом бою басмачи потеряли много своих джигитов, а остатки их бежали в сторону Чуста, в горы.

В 1919 году многочисленная банда басмачей во главе с Мадамин-беком подошла к Намангану и, разделившись на две группы, начала наступление с Сардобинской части города на крепость. Там их встретили пулеметным огнем наши красногвардейцы и красноармейцы. Оставив сотни трупов, басмачи бросились на Машрабскую часть, то есть на новый город. Коммунисты и красногвардейцы, а также местное население города, быстро соорудив баррикады из хлопка, встретили бандитов мощным огнем. В разгар боя к нам прибыл на помощь из Коканда отряд красноармейцев во главе с Кужелло. Басмачи понесли большие потери. Бой продолжался более суток, и Мадамин-бек отступил.

В июле 1920 года партийным и советским органам Ферганской области стало известно, что в Кетмень-Тюбинском районе [ныне Киргизская ССР] при организации отряда самообороны из-за оплошности местных советских работников оружие попало в руки кулачества и сыновей баев. Во главе кулацкого отряда стал сын крупного скотовода Керимбая. Пользуясь тем, что отрядом командует его сын, Керимбай всячески притеснял бедняков, отбирал у них последний скот, а ограбленных людей заставлял пасти свои многотысячные стада.

По решению ферганского обкома партии в Кетмень— Тюбе выехал отряд в составе 150 человек. С отрядом отправились также секретарь Наманганского уездного комитета партии Макаев, начальник отряда самообороны Усманбеков и я.

В Кетмень-Тюбе мы не застали байского отряда. Он отправился на джайляу [пастбище] в Сусамыр. Настигнув байский отряд, мы предложили ему сдать оружие. Но он ответил отказом. Мы окружили и обезоружили отряд. Только после этого в Сусамыре была установлена Советская власть. Оружие, отобранное у кулаков, мы передали дехканам и пастухам, организовали у них отряд самообороны.

Нельзя забывать, что басмаческие банды вдохновлялись и поддерживались не только местной национальной буржуазией, кулачеством и духовенством, по и рядом иностранных государств.

Я очень хорошо помню, как в Наманган приезжали турецкие офицеры в качестве «гостей». Наманганские торговцы и духовенство принимали «гостей» с большими почестями. После их отъезда буржуазные националисты и духовенство усиленно распространяли слух о том, что Афганистан, Иран и Турция

якобы объединились и скоро нападут на Советскую власть, уничтожат всех «неверных» и организуют в Туркестане мусульманское государство.

Решающую роль в успехах коммунистов Ферганской долины, как и всего Узбекистана, по завоеванию масс и укреплению Советской власти имела помощь Центрального Комитета партии и великого русского народа, энергичная деятельность Туркестанской Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР во главе с М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым.

Кроме военной помощи, исключительно велико значение экономической помощи Туркестанской республике. СНК РСФСР выделил в то трудное время для Туркестана 2 миллиона пудов хлеба и много промышленных товаров.

Мне хочется рассказать в связи с этим об одном факте. В 1921 году экономическое положение населения многих районов Ферганской долины было очень тяжелым. Не было хлеба, население голодало, не было посевных семян. В этот трудный для всей страны момент мы получили поддержку от Советского государства.

Я в этот период, наряду с другими коммунистами был мобилизован для работы председателем Кассансайского ревкома. Нашему району было выделено 20 вагонов семенной пшеницы, но доставить пшеницу было не на чем.

Ревком провел в кишлаках собрания, объяснил положение дел. Дехкане внесли предложение вывезти зерно из Намангана в трехдневный срок. Они решили явиться на ишаках и арбах (у кого есть), а у кого нет — пойти пешком и принести груз на себе. Так и было сделано. Три дня по 40-километровой дороге из Намангана в Кассансай крестьяне везли на ишаках и несли на себе зерно, не потеряв ни одного килограмма. Поля были засеяны полностью и в срок.

Этот факт помощи Советской власти в очень трудную минуту оказал огромное влияние на крестьянские массы. Они воочию убедились, что Советская власть — это их родная власть. После этого, помню, как зорко следили крестьяне за малейшими происками контрреволюционеров и басмачей. Они сами вылавливали басмачей и сообщали о месте их нахождения.

Голодало и население Намангана. Духовенство и кулачество прятали запасы продовольствия. Городская беднота обратилась в партийные советские органы, сообщив, что продовольствие у кулаков есть, но оно хранится в земле.

Городской комитет партии и Совет депутатов трудящихся создали комиссию по изъятию излишков продовольствия у духовенства, баев и торговцев. Заявление бедноты подтвердилось.

Приведу лишь один пример. У духовника Екчи-ишана обнаружено 10 ям с различным зерном, только риса (шалы) было изъято у него около 20 тонн, и более чем на полмиллиона рублей отобрано разной мануфактуры и кож.

Сложной и упорной была борьба с басмачеством. Она длилась несколько лет и унесла много жизней лучших людей — коммунистов и беспартийных активистов.

В сентябре 1922 года я был направлен городским комитетом партии в Ошский район с заданием организовать агитационно-массовую работу среди населения и совместно с воинским командованием мобилизовать все революционные силы для ликвидации басмаческой банды Рахманкула.

Население, запуганное басмачами, боялось в открытую встретиться с нами. Но посланцы батраков и бедняков тайком, ночью, все же приходили к нам в штаб части, рассказывали о месте нахождения басмачей, об их численности и злодеяниях. Сообщали о том, когда примерно они должны появиться в тех или других кишлаках.

Руководствуясь этими сведениями, отряды Красной Армии вступали с басмачами в бой и уничтожали их.

Всякий раз после успешных операций мы собирали население и рассказывали ему о задачах Советской власти, о мероприятиях, которые надо провести в кишлаке.

За 2–3 месяца нам удалось обессилить банду Рахманкула и упрочить Советскую власть в районе кишлака Ашава.

Окончательно басмаческую банду Рахманкула уничтожили в 1923 году, когда части Красной Армии, при поддержке местного населения, организовали наступление по всему фронту. Красная Армия ликвидировала Курширмата со всеми его мелкими курбаши, Аман-Палвана и всех прочих претендентов на ханства и княжества.

С ликвидацией басмачества население Ферганской долины получило все возможности для восстановления разрушенного хозяйства, для подъема экономики и строительства новой свободной жизни.

Классово чуждые элементы не ограничивались одной вооруженной борьбой, они пытались пробраться в партию и, прикрываясь партийным билетом, вести контрреволюционную работу.

Так, маскируясь, в наманганскую партийную организацию пробрались классовые враги, сынки баев и торговцев, эсеров, дашнаков и националистов.

По решению Туркомиссии и Ферганского обкома партии наманганская партийная организация была в 1919 году

распущена. В декабре 1919 года председателем временного комитета наманганских коммунистов стал Ф. Кормильцев. По его указанию Шахимарданову Мухитдину поручено провести перерегистрацию коммунистов-мусульман. Затем нам предложили поручиться за вновь принимаемых в партию.

Мы, поручаясь, строго соблюдали классовые принципы и учитывали идейные взгляды и практическую деятельность вступающих в партию.

Таким образом, партийная организация Намангана очистилась от классово чуждых элементов и пополнилась стойкими, преданными делу Ленина людьми из числа коренных национальностей, кустарей, дехканской бедноты.

Укрепление партийной организации сказалось потом во всем ходе борьбы с басмачеством и на становлении Советской власти.

После перерегистрации партийная организация Намангана выступала всегда организованно, сплоченно. Коммунисты шли самоотверженно на любой участок, куда посылала партия, они не щадили своей жизни, чтобы достойно выполнить задание партии.

За Советский Туркестан. Сборник воспоминаний. Ташкент, 1963, с. 106–111.

Х. Умаров[695]

По волчьим следам

Я из кишлака Кува Кувипского района Ферганской области. До победы Великой Октябрьской социалистической революции работал чернорабочим на хлопкоочистительном заводе.

Когда в Маргеланском уезде начали бесчинствовать басмаческие банды, партийная организация и областной Революционный Комитет Ферганской области решили организовать для борьбы с басмачеством красногвардейский партизанский отряд.

Командиром отряда назначили А. И. Юфимец. Отряд насчитывал 35 бойцов Меня тоже зачислили бойцом добровольческого отряда.

Наш отряд получил задание немедленно выехать в Маргелан для охраны мирного населения, Маргеланского городского революционного комитета, городского комитета партии и других общественных организаций.

Басмаческая банда, возглавляемая курбаши Мадамин-беком, находилась недалеко от Маргелана, в кишлаке Джар, и

производила почти ежедневные нападения на мирное население города Наш добровольческий отряд оказал большую помощь населению города. С декабря 1918 по февраль 1919 года отряд провел против басмачей ряд операций.

Мы получили распоряжение Областного Революционного Комитета немедленно выехать на промысел «Чимион» Вуадильского района Ферганской области для охраны рабочих и служащих предприятий от нападений басмачей.

В октябре на промысел «Чимион» совершила внезапное нападение басмаческая шайка во главе с Мухамед Амин-беком. Наш отряд и местная охрана из рабочих промысла вступили в бой с бандой. Басмачи напали, примерно, часов в 6–7 вечера. Бой с ними длился до 7 часов утра следующего дня. Мы попали в окружение. Басмачи, чувствуя свое численное превосходство, яростно атаковали наши позиции. Из Скобелева к нам на помощь прибыл отряд под командованием М. В. Скотникова. Подходя к «Чимиону», отряд дал два выстрела из орудий. Услышав выстрелы и узнав, что к нам на помощь идет отряд с артиллерией, басмаческая банда бросилась бежать. Отряд и рабочие промысла были спасены. На поле боя осталось около 50 убитых басмачей, 70 лошадей, 5 басмаческих знамен. В этом бою ранили командира нашего отряда Юфимец.

Наш отряд в августе 1919 года преобразовался в конный эскадрон. Получив лошадей, мы оперировали в окрестностях «Чимиона» против басмаческих главарей Ярмата Махсума, Алима Пансата.

По распоряжению штаба Ферганского фронта в конце декабря 1919 года наш отряд расформировали и с августа 1920 года в Маргелане организовали новый отряд добровольцев для борьбы против басмачества. Меня назначили командиром добровольческого конного эскадрона. Наш конный отряд объединился с Маргеланской городской и уездной милицией. Я был назначен командиром объединенного отряда и одновременно помощником начальника уездной городской милиции Маргелана. Отряд насчитывал 75 человек, в основном узбеков и киргизов…

За Советский Туркестан, с. 152–153.

У. Камаев[696]

Формирование первых узбекских частей красной армии

…Английские империалисты, российские капиталисты,

землевладельцы и контрреволюционное реакционное духовенство придавали басмачеству исключительно большое значение.

К басмачам, в качестве политических и военных руководителей, а также духовных растлителей, стали стекаться бывшие офицеры царской армии, буржуазные националисты, пантюркисты, панисламисты и прочие контрреволюционные элементы. Кроме русских и узбекских авантюристов вдохновителями басмаческого движения выступили известные татарские и башкирские националисты: Заки Валидов, Муса Бигеев и другие.

Борьба с басмачеством вначале велась почти исключительно силами партийных дружин. В Андижане, в частности, действовала партийная дружина, состоящая из вооруженных членов городской партийной организации. Имелся также красногвардейский отряд рабочих маслобойного завода «Бешбош».

Но сил партийных дружин для борьбы с басмачеством и его ликвидации, конечно, было недостаточно. Нужно было мобилизовать широкие слои трудящихся масс городов, вовлечь в активную борьбу с басмачеством само коренное население.

Созданные красноармейские части наряду с вооруженной борьбой с басмачеством проводили большую политико-массовую работу среди населения в кишлаках, разъясняли сущность Советской власти и проводимых ею мероприятий. С мирным населением обращались исключительно чутко, какие-либо незаконные действия строго пресекались.

После разгрома объединенных сил контрреволюции под Андижаном в сентябре 1919 года политотдел Ферганского фронта назначил меня военным комиссаром 3-го мусульманского полка (бывшего отряда Туйчи), входившего в состав бригады Парамонова. Полк дислоцировался в районе станции Серово, недалеко от Коканда. Нашей боевой задачей являлась ликвидация басмаческой банды Иргаша.

Басмаческий отряд Иргаша терроризировал и грабил дехкан Кокандского уезда. 3-й мусульманский полк в составе бригады совместно с другими красноармейскими частями участвовал в боях против банды Иргаша.

3-й мусульманский полк участвовал в боевых действиях также против басмаческих банд, руководимых Хал-ходжой. В боях против банд Иргаша и Хал-ходжи многие бойцы и командиры полка проявили себя стойкими борцами за Советскую власть. Некоторые наиболее отличившиеся в борьбе с басмачеством награждены орденами.

Опыт гражданской войны, успешная борьба на различных фронтах национальных (латышских, татарских и т. д.)

красноармейских соединений против белых армий и басмачества подсказали необходимость объединения в одно войсковое соединение существовавших тогда отдельных узбекских красноармейских частей. В ноябре 1919 года издан приказ об организации 1-й отдельной тюркской (узбекской) кавалерийской бригады.

Одной из основных трудностей в деле организации узбекских красноармейских частей являлось отсутствие соответствующих командно-политических кадров узбеков.

Как известно, коренные народности Туркестана в царскую армию не призывались, поэтому к моменту формирования первых узбекских красноармейских частей, а затем и организации 1-й тюркской (узбекской) кавалерийской бригады трудно было подыскать местные командные кадры. К тому же узбекские красноармейцы плохо знали, а большинство — совсем не знало русского языка.

В силу этих обстоятельств в узбекских красноармейских частях широко использовались военные кадры из татар, знающих узбекский язык. В организации 1-й узбекской отдельной кавалерийской бригады большую помощь оказала прибывшая в Фергану 1-я татарская отдельная стрелковая бригада. Она дала основные кадры командно-политических работников для молодой узбекской бригады.

Командиром 1-й узбекской отдельной кавалерийской бригады был Богданов, военкомами — Усманов и Туембетов, начальниками политотделов — Ашмасов, Ризаев, Семенов и Мурсалимов. Почти с начала организации бригады до ее расформирования я работал заместителем начальника политотдела и ответственным секретарем парткомиссии. Военкомами полков были: Ахунов, Рафиков, Волков.

Во главе некоторых полков и эскадронов в качестве их командиров первое время после организации узбекской бригады оставались бывшие руководители басмаческих отрядов: Ахунджан, Мулла Туйчи и другие. Эти люди не хотели служить верой и правдой Советской власти и бороться за дело трудового народа. Большие трудности представляла собой и работа среди рядовых бойцов, бывших басмачей. В основном они состояли из дехкан бедняков и батраков, но среди многих из них были сильны националистические и религиозные предрассудки.

Интересы дела требовали как можно быстрее отстранить от командных должностей не поддающихся перевоспитанию бывших руководителей басмаческих отрядов — Ахунджана, Туйчи и их приспешников. Нужно было освободить из-под их влияния рядовых бойцов. Эта большая, исключительно трудная работа

проводилась в Фергане, вблизи от родных мест бывших басмачей. Бойцы бригады часто самовольно уходили домой, а некоторые даже не порывали своих старых связей с басмачами. Необходимо было бригаду для переформирования частей и военно-политической подготовки красноармейцев отвести в тыл.

С этой целью в начале 1920 года узбекская бригада была переброшена в Троицкие лагеря близ Ташкента. Вновь назначенные командиры и политработники полков и эскадронов вложили много труда, сил и энергии в дело военного обучения и политического воспитания бойцов узбекской бригады. Вся идейно-воспитательная работа среди красноармейцев (доклады, лекции, постановки, клубная работа, школы по ликвидации неграмотности и т. д.) проводилась на понятном им родном языке. Красноармейцы чувствовали себя в частях бригады как в своей родной семье. Все это способствовало их сплочению, повышению общекультурного и политического уровня.

Узбекская бригада явилась школой перевоспитания политически отсталого, часто совершенно неграмотного дехканина в сознательного, крепкого духом красноармейца. Не случайно после демобилизации из Красной Армии многие бойцы узбекской бригады вернулись домой и стали активными организаторами Советской власти на местах, проводниками политики партии в кишлаках среди трудящихся.

Через некоторое время узбекская бригада со всеми своими частями и командами передислоцировалась в Ашхабад, где продолжалась военно-политическая подготовка бойцов и командиров бригады.

В связи с победой на фронтах гражданской войны и заключением мира с панской Польшей в 1921 году началось сокращение личного состава Красной Армии, расформировалась и первая узбекская бригада. Вместо нее создали полк.

Особое значение первых красноармейских узбекских воинских частей в борьбе с басмачеством было в том, что они выступили не только как вооруженная сила защиты молодого Советского государства, но и как ячейки пропаганды и агитации среди народных масс. Бойцы, командиры и политработники этих частей благодаря знанию языка, обычаев, быта местного населения проводили большую работу по разъяснению трудящимся дехканам истинного характера происходивших тогда событий, политики партии и Советской власти. И это по существу было главным, ибо басмачество держалось на обмане масс.

Первые узбекские красноармейские части явились также базой для воспитания военных кадров. Из среды бойцов 1-й узбекской отдельной кавалерийской бригады многие затем

закончили военные училища, стали прекрасными командирами Красной Армии, героями Великой Отечественной войны.

За Советский Туркестан, с. 328–330.

Ф. Юсупов[697]

Решающий шаг

…В Бухару приехал турецкий генерал Энвер-Паша. Ему была устроена пышная встреча. На всех митингах и собраниях его широко рекламировали, лгали, что он приехал из Москвы от Коминтерна. Не все и не сразу мы поняли, что все это обман, что «гость» — отъявленный националист, продавшийся английскому империализму, подослан с целью организации контрреволюционного мятежа.

Однажды председатель Совнаркома республики устроил в честь Энвер-Паши банкет. На нем стали выступать наши люди. Хитрый волк Энвер-паша почувствовал, что «дело табак», бежал с банкета. За ним скрылись все турецкие офицеры, в том числе и Риза-Эфенди.

Объявили розыск. Энвер-Паша мелькнул в Карши на пути в Восточную Бухару к Ибрагим-беку. Оказалось, что этот генерал уже имел тайно сколоченный крупный отряд басмачей под непосредственным командованием Бури Бараша.

Спустя некоторое время, когда кишлак Душанбе находился в окружении банд Ибрагим-бека, туда под предлогом ликвидации окружения выехал в сопровождении большой свиты Усман Ходжаев. Там он присоединился к Энверу-Паше, находившемуся в кишлаке Кок-Таш. В то же время Хашим Шаики, уехавший ранее в Афганистан постпредом БНСР, присвоил все деньги и имущество постпредства и бежал в Турцию.

В молодой Бухарской Советской Республике создавалась тяжелая обстановка. Почти во всех районах Бухарской и Кермининской областей, а также в Кашка— Дарьинском и Сурхан-Дарьинском вилойятах свирепствовало басмачество. Крупные банды по нескольку суток держали в окружении даже город Бухару.

Феодально-родовая знать, потерявшая былое экономическое и политическое господство, религиозная челядь, почуявшая свою гибель, объединились против Советской власти. Эмирские чиновники, баи, духовенство, буржуазные националисты и всякие другие контрреволюционные элементы организовали басмаческие

отряды. Басмачи грабили города и кишлаки, насильно отбирали у дехкан хлеб, скот, имущество, убивали советских и партийных работников. Секретарем ЦК Бухарской компартии был тогда Наимджан Якубов, родной брат Хашима Шаики, бежавшего в Турцию. Потом место Якубова занял Карим Мукумов. Они не только не принимали никаких мер к разрядке создавшейся обстановки, но, напротив, били по рукам тех, кто пытался было это сделать. Они запрещали, например, обкомам поднимать коммунистов и трудящихся на борьбу с басмачеством. Обкомы совместно с командирами и комиссарами соединений и частей Красной Армии через головы «руководителей» сами создавали партийные дружины, очищали отряды милиции от предателей, усиливали политическую работу среди бедноты.

Прибыв в Каракульский уездный ревком, я информировал товарищей о создавшейся обстановке. В Каракульском уезде крупных басмаческих банд не было. Но тем не менее мы совместно с партийным активом глубоко проанализировали социальные корни басмачества, разъясняли трудящимся ленинскую национальную политику. Опираясь на бедноту, коммунисты не дали возможности баям и эмирским чиновникам и духовенству поднять голову.

Многочисленные басмаческие банды активно орудовали в районе Бухара — Вабкент — Гиждуван — Кермине. Немалую роль в ликвидации басмачества сыграли оперотряды и дружины, созданные партийными комитетами Бухары и Кермине. Они действовали совместно с частями Красной Армии и провели в течение 1921–1923 годов ряд крупных боев. Вместе с тем командиры, комиссары воинских частей и добровольческих отрядов, коммунисты повседневно занимались политическим воспитанием трудящихся масс, вели, как тогда называли, политическую обработку влиятельных лиц, аксакалов.

Члены ревкомов, все руководящие работники: А. Ф. Мишин — работник Каганского горкома партии, Хрони, Голубев и многие другие — непосредственно участвовали в политико-воспитательной работе. В Кермининском вилойяте активно вели политическую работу: Неунывака — начальник боерайона, Аксенов — военный комиссар боерайона, Куцнер — военком и Уральский — начальник особого отдела.

В начале 1924 года многие шайки складывали оружие и добровольно сдавались советским органам власти. Были случаи, когда главари банд (курбаши) отказывались прекращать сопротивление народной власти, им отрубали головы их же джигиты и привозили нам в доказательство, что они поняли свое заблуждение и больше никогда не пойдут против своего народа.

Огромную организующую роль в борьбе с басмачеством и в укреплении Советской власти на местах сыграли партийные съезды, областные и уездные партийные, профсоюзные конференции, слеты бедноты и батраков. На многих из них мне довелось присутствовать. Не было съезда, конференции, собрания, чтобы делегаты не поблагодарили от чистого сердца Российскую Коммунистическую партию и правительство РСФСР за огромную бескорыстную продовольственную, материально-техническую и культурную помощь, которую оказывал нам в те трудные годы русский народ.

Мы видели, что благодаря этой помощи и неуклонному осуществлению ленинской национальной политики, благодаря твердости и принципиальности парторганизаций, инициативе М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева быстро осуществлялись справедливые меры по наведению порядка в использовании оросительной системы, распределении земель и т. п. Сразу же после свержения эмирата были ликвидированы многочисленные налоги. Это вдохнуло силы, развязало активность трудящихся в организации хозяйства, в строительстве новых каналов, в подъеме народного образования.

На съездах и конференциях, на собраниях и курултаях представители трудящихся разоблачали чуждых людей, проникших в советский аппарат, бюрократов, чиновников, затягивавших решение земельно-водной реформы…

За Советский Туркестан, с. 452–454.

notes

Примечания

1

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 88.

2

Иноятов Х. Ш. Краткая историография гражданской войны в Средней Азии. Ташкент, 1974; Масов Р. М. Историография Советского Таджикистана. Душанбе, 1974; Зевелев А. И., Поляков 10. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. Приложение. М., 1981, с. 192–213.

3

Шкляр А. Из путевых впечатлений о Фергане. — Военная мысль, кн. 1; Дервиш Г. (Н. Тюракулов). Ферганская проблема. — Военная мысль, кн. 2; его же. Современное басмачество. — Коммунист, 1922, № 1.

Виноградов А. Жизнь национальностей, 1923, № 1; Гурко-Кряжин В. А. Английская интервенция в Закаспии и Закавказье. — Историк-марксист, 1926, т. 2.

5

Подробный анализ книги Г. Сафарова см.: Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана (историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане). Ташкент, 1968, с. 44–47.

6

Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). Госиздат, 1921, с. 117.

Там же, с. 75–76.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 30, с. 112.

9

Гимпелъсон Е. Г., Шелюбский А. П. О предпосылках и особенностях Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии. — История СССР, 1959, № 5, с. 20.

Сафаров Г. Указ, соч., с. 91.

11

Там же, с. 86.

12

Там же, с. 108.

13

Там же, с. 86.

14

Там же, с. 89.

15

Паскуцкий Н. К истории гражданской войны в Туркестане. Ташкент, 1922; Ходжаев Ф. Материалы к истории революции в Бухаре. Таджикистан — Самарканд — Ташкент, 1926; его же. Басмачество. Ташкент, 1927; Ди-Мур. Гражданская война в Таджикистане. — В сб.: Таджикистан. Ташкент, 1925; Айни С. Материалы по истории Бухарской революции. М., 1926 (на узб. яз.); Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927.

16

Ди-Мур. Гражданская война в Таджикистане, с. 283.

Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане; его же. Что такое басмачество? Ташкент, 1931; его же. Кокандская автономия. Ташкент, 1931.

Алексеенков П. Что такое басмачество? с. 38.

19

Там же, с. 14.

Тимошков С. П. Борьба с английской интервенцией в Туркестане. М., 1941; его же. Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачами в Средней Азии. В АФ, 1941; Бабаходжаев А. Х. Провал английской агрессивной политики в Средней Азии (1917–1920 гг.). Ташкент, 1955.

21

Воскобойников Э. А., Зевелев А. 0. Туркомиссия ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП (б) в борьбе за укрепление Советской власти в Туркестане. Ташкент, 1951; Кулиев Клыч. Борьба Коммунистической партии за упрочение Советской власти и осуществление национальной политики в Средней Азии (1917–1925 гг.). Ашхабад, 1956; Николаева В. Туркомиссия — полномочный орган ЦК РКП (б). — Вопросы истории КПСС, 1958, № 2; Хасанов К. ЦК ВКП(б) в борьбе за построение социализма в Средней Азии (1924–1937 гг.). Ташкент, 1968; Назаров С. Руководство ЦК РКП (б) партийным строительством в Средней Азии. Ташкент, 1972; Росляков А. А. Средазбюро ЦК ВКП(б) (Вопросы стратегии и тактики). Ашхабад, 1975.

Ниалло Азиз. Очерки истории гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941; Фаньян Д. И., Зелинская М. Красная Армия — освободительница таджикского народа. Сталинабад, 1943; Кутарева В. Е. Основные этапы гражданской войны в Киргизии. Фрунзе, 1947; Непесов Г. Победа советского строя в Северном Туркменистане. Ашхабад, 1950; Никишов П. Н. Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе, 1957; Николаев Ю., Иркаев М., Шарапов Я. Очерк истории Советского Таджикистана. Сталинабад, 1957.

23

Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников. Ташкент, 1957; В боях за Советскую власть в Ферганской долине. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1923 гг.). Ташкент, 1957; Воспоминания участников гражданской войны в Андижанской области. Андижан, 1957; Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917–1920). Фрунзе, 1957; Туркменистан в период иностранной интервенции и гражданской войны, 1918–1920. Ашхабад, 1957; За власть Советов в Таджикистане. Воспоминания участников революции и борьбы с басмачеством. Сталинабад, 1958; За Советский Туркестан. Ташкент, 1963; За Советский Туркменистан. Ашхабад, 1963.

Ташлиев Ш. Установление и упрочение Советской власти в Туркестане. Ашхабад, 1957; Языкова М. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Западном Туркменистане. Ашхабад, 1957; Покровский С. Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961.

25

Бабаходжаев А. Х. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре (1921–1924 гг.). Ташкент, 1957; его же. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918–1924 гг.). М., 1962.

Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1963.

27

Там же, с. 255, 256.

28

Там же, с. 240.

29

Там же, с. 265.

Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, ч. III. Коммунистическая партия Туркестана в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ташкент, 1964.

31

Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата (автор главы о гражданской войне — П. М. Пахмурный); Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1964 (автор — М. Х. Назаров); Ташкент, 1974 (автор — Р. А. Нуруллин); Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. Душанбе, 1964 (автор — М. И. Иркаев); 2-е доп. изд. Душанбе, 1969; Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана, 2-е изд. Ашхабад, 1966 (автор — Ш. Ташлиев); Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1966 (автор — П. П. Никишов); Фрунзе, 232 ,1979; История Казахской ССР. Эпоха социализма. Изд. перераб. и доп. Алма-Ата, 1963; История Киргизии, т. II. Фрунзе, 1963; История таджикского народа, т. III, кн. 1. М., 1964; История Узбекской ССР, т. III. Ташкент, 1967.

По Таджикистану, например, опубликованы следующие работы: Гафурова И. К истории Коммунистической партии Таджикистана (1924–1929). Душанбе, 1963; Макашов А. В. Партийная организация Таджикистана в 1924–1926 гг. Душанбе, 1964; Назоршоев М. Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм. Душанбе, 1970.

33

Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Док. и матер., т. I. Май 1918 — сентябрь 1919 г. Алма-Ата, 1963; т. II. Сентябрь 1919 — декабрь 1920 г. Алма-Ата, 1964.

История гражданской войны в Узбекистане, т. I. Ташкент, 1964; т. II. Ташкент, 1970.

История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967.

36

Там же, с. 277.

37

Там же, с. 278.

Назаров М. Х. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции (1918–1920 гг.). Ташкент, 1969 (ранее автор опубликовал на узб. яз. кн.: Туркестан в период гражданской войны. Ташкент, 1960); Ташлиев Ш. Т. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане, т. I. Ашхабад, 1974; т. 2. Ашхабад, 1975; Нуруллин Р. А. Коммунистическая партия Туркестана в борьбе за осуществление политики «военного коммунизма». Ташкент, 1975.

39

История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3. М., 1968, с. 541–543; История Коммунистической партии Советского Союза, 7-е изд. М., 1983, с. 273, 337.

Мужественные борцы за дело коммунизма. Сб. ст. под ред. И. К. Додонова, М. Ю. Юлдашева. Ташкент, 1957; Зевелев А. И. Владислав Дамианович Фигельский. Ташкент, 1962; Революционеры, вожаки масс (Славная плеяда коммунистов Узбекистана). Сб. ст. под ред. М. Г. Вахабова, А. И. Зевелева. Ташкент, 1967; Овсянников Ф. И. Бессмертные. Ташкент, 1968; Хасанов К, Товарищ Акмаль. Ташкент, 1970; его же. Петр Алексеевич Кобозев. Ташкент, 1976; Нуруллин Р. А., Хасанов К. Х., Шек Л. И. Файзулла Ходжаев. Ташкент, 1974; Акрамов А., Назаров М. Борцы за социализм. Ташкент, 1981; Чернобаев А. А. Александр Иванович Тодорский. М., 1984, и др.

Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Конец басмачества. М., 1976; Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981; Басмачество — социально-политическая сущность. Сб. ст. Ташкент, 1984.

Лунин Б. В., Юсупов Э. Ю. Басмачество — орудие реакции (исторические параллели). Ташкент, 1981.

43

Иноятов Х. Ш. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; его же. Ленинская национальная политика в действии. Ташкент, 1973; его же. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976; Новоселов К. М. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; Турсунбаев А. Б. Против буржуазных фальсификаций истории Казахстана. Алма-Ата, 1963; Нусупбеков А., Бисенов Х. Фальсификация истории и историческая правда. Алма-Ата, 1964; Хидоятов Г. А. Правда против лжи. Ташкент, 1964; его же. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978; Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана (Историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане). Ташкент, 1968; Рзаев Д. А. Развитие национальных отношений в республиках Советского Востока. Критика антикоммунизма в национальном вопросе. Фрунзе, 1968; Тузмухамедов Р. А. Ответ клеветникам. М., 1969; Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов (Критика извращений прошлого и настоящего Узбекистана) (АН Узб. ССР, Науч, совет по пробл. зарубежн. идеолог, течений. Отд. науч, информации по обществ, наукам). Ташкент, 1975; Инамджанова Г. З. Национальная государственность Узбекистана и ее фальсификаторы. Ташкент, 1977; Амантаев Б. А., Бегалиев Н. К. Критика методологических основ современного антикоммунизма. Алма-Ата, 1979; Реджепова О. С. Критика буржуазной фальсификации национальной политики (на материалах Средней Азии). Ашхабад, 1980; Абуталипов А. Басмачество в Средней Азии: домыслы французских советологов и историческая действительность. — Общественные науки Узбекистана. Ташкент, 1981, № 7; его же. Правды истории не опровергнуть: против фальсификации басмаческого движения буржуазными идеологами. — Коммунист Узбекистана (Ташкент), 1981, № 10; Исмаилов Х. Ответ прорицателям. О книгах д'Анкосс по «мусульманской проблеме» в СССР. — Наука и религия, 1980, № 1; Коваль В. И., Коршунов В. И., Осипов В. П. Сила правды и бессилие лжи: критика буржуазной историографии ленинской национальной политики КПСС в Казахстане. Алма-Ата, 1982; Гольденберг М. Непрошеные попечители. — Наука и религия, 1982, № 11, 12; Ислам в СССР: особенности процесса секуляризации в республиках Советского Востока. М., 1983.

Наиболее близкие к теме настоящего исследования: Крихели Г. Д. Против фальсификации национальной политики КПСС. М., 1964; Зенушкина И. С. Советская национальная политика и буржуазные историки. М., 1971; Калтахчян Н. М; Калтахчян С. Т. Ленинская теория наций и ее фальсификаторы. М., 1973; Салов В. И. Критика современной буржуазной историографии ленинской политики КПСС по национальному вопросу. М., 1973; Грошев И. И., Чеченкина О. И. Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС. М., 1974; Игрицкий Ю. И. Домыслы западных советологов о развитии национальных отношений в СССР. — В кн.: Исторические завоевания Октября и мифы антикоммунизма. М., 1978; Куличенко М. И. Критика новейших буржуазных фальсификаций теории наций и национальных отношений. — В кн.: Актуальные вопросы современной идеологической борьбы. М., 1980; Голотвин Ж. Г. Национальные отношения в развитом социалистическом обществе и вымыслы буржуазных идеологов. М., 1981; Баграмов Э. А. Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982; Булдаков В. П., Кулешов С. В. История образования СССР и критика ее фальсификаторов. М., 1982; Критика фальсификаций национальных отношений в СССР. М., 1984, и др.

Mortimer E. Faith and Power: The Politics of Islam. London, 1982, p. 382; Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. London — Canberra, 1983, p. 114, 115.

Хидоятов Г. Правда против лжи, с. 25.

Хидоятов Г. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм, с. 134–135.

48

Вайян-Кутюрье Поль (1892–1937) — французский писатель и деятель коммунистического движения. Один из основателей Французской компартии (1920). Был членом ЦК и Политбюро ЦК ФКП. С 1926 г. — главный редактор газеты французских коммунистов «Юманите». Автор сборника рассказов «Бал слепых» (1927), книги «На службе разума» (1937).

49

Киш Эгон Эрвин (1885–1948) — публицист. Писал на немецком языке. В первую мировую войну 1914–1918 гг. — офицер австро-венгерской армии. В 1918 г. вступил в Компартию Австрии. В 1925, 1926, 1930 и 1931 гг. приезжал в СССР, написал политические репортажи «Цари, попы, большевики» (1927), «Изменившаяся Азия» (1932, рус. пер. — 1934). В 1937–1938 гг. сражался в Интернациональной бригаде в Испании. С 1940 по 1946 г. жил в Мексике, потом вернулся в Чехословакию. В творчестве Киша преобладала художественная публицистика (см. о нем подробнее: Орлов Ю. Эгон Эрвин Киш. — В кн.: Киш Э. Э. Репортажи. М., 1964, с. 3–26).

Глазами иностранцев. 1917–1932. М. — Л., 1932, с. XXVI, 544–555; Киш Э. Э. Изменившаяся Азия. Пер. с нем. М. — Л., 1934.

51

Киш Э. Э. Изменившаяся Азия, с. 41–44, 46–47, 49, 54–55, 73–74, 77–78, 84–85.

52

Датт Раджави Палм (1896–1974) — видный деятель международного коммунистического движения и Компартии Великобритании; историк и публицист. Член Компартии Великобритании с 1920 г., с 1922 г. — член ЦК и Политбюро ЦК КПВ. С 1921 г. — редактор журнала «Лейбор мансли». В 1935–1943 гг. — член ИККИ. В 1943–1961 гг. — вице-президент Исполкома Компартии Великобритании. Автор многочисленных трудов по истории колонизаторской политики британского империализма и национально-освободительного движения.

53

Датт Р. П. Кризис Британии и Британская империя. М., 1954, с. 419; см. также: Индия сегодня. М., 1948.

54

Сардисаи III. Г. Индия и революция в России. Пер. с англ. М., 1967, с. 51–52, 55.

Pomeroy W. Kazahstan. — People's World. San-Francisco, 1972, vol. 75, N 37, p. 9–11; Idem. Socialism and National Freedom in Central Asia. — New World Review. New York, 1972, vol. 40, N 4, p. 45–55.

56

23 сентября 1983 г. Президиум Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в деле укрепления дружбы между советским и британским народами и в связи с 85-летием со дня рождения наградил Э. Ротштейна орденом Октябрьской Революции (Правда, 1983, 26 сентября).

Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию… Пер. с англ. М., 1982, с. 66–69.

Ротштейн Э. Указ, соч., с. 66.

59

Там же, с. 69.

60

Чемберлин Уильям Генри — в 1922–1934 гг. находился в Советском Союзе в качестве корреспондента одной из ведущих английских газет. Впоследствии он стал профессиональным историком и одновременно воинствующим антикоммунистом. Но в 30-е гг. его работы отличались известной объективностью в освещении истории Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР.

Coates W. P., Coates Z. K. Armed Intervention in Russia, 1918–1920. London, 1935; Idem. Soviets in Central Asia. London, 1951; Lamont C. Uzbekistan Impressions. — New World Review, 1959, October; Roberts H. Tamerlane Uzbekistan today. — New World Review, 1959, November; Мамиак Л., Вюрмсер А. СССР открытым сердцем. Пер. с фр. М., 1961 и др.

62

Вебб Сидней (1859–1947) и Вебб Беатриса (1858–1943) — английские экономисты, историки рабочего движения, идеологи тредюнионизма и так называемого фабианского социализма. Сидней Вебб — один из организаторов и руководителей «фабианского общества», входил в лейбористское правительство.

Webb S., Webb B. Soviet Communism: A New Civilization? London, Longmans, 1936–1939, vol. 1–2.

Неру Д. Автобиография. М., 1955.

Курманов А., Трубников В. Мы видели Советский Узбекистан. Ташкент, 1957; Трубников В. и др. Очарован тобой, Узбекистан. Ташкент, 1964.

Sergeant P. Another Road to Samarkand. London, 1955, p. 110.

Правда, 1962, 17 ноября.

Chamberlin W. H. The Russian Revolution. 1917–1921, vol. 1–2. New York, 1935.

Kunitz J. Dawn over Samarkand: The Rebirth of Central Asia. London — New York, 1936.

Chamberlin W. H. The Russian Revolution, 1935, vol. 2, p. 421–422.

Ibid., p. 424.

Ibid., p. 425–426.

Ibid., p. 419.

Ibid., p. 419–420.

Kunitz J. Op. cit., p. 87.

Ibid., p. 87, 88.

Ibid., p. 97.

Ibid., p. 97–98, 100.

Ibid., p. 100.

Ibid., p. 101.

Ibid., p. 101–102.

Ibid., p. 102.

Ibid., p. 102–111.

Ibid., p. 119.

Ibid., p. 162–165.

Ibid., p. 155.

Ibid., p. 154, 229–233.

Ibid., p. 135.

89

Энвер-Паша (1881–1922) — турецкий реакционный военный и политический деятель, активный участник Младотурецкой революции 1908 г. и один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс». В 1903 г. он окончил Академию Генерального штаба в Стамбуле, в 1909–1911 гг. стал военным атташе в Берлине. Принимал участие в Триполитанской (1911–1912 гг.) и Балканских (1912–1913 гг.) войнах. В январе 1913 г. возглавил государственный переворот в Турции, приведший к свержению правительства оппозиционной младотуркам партии «Свобода и согласие». В феврале 1914 г., получив посты военного министра и начальника Генерального штаба, он стал самым влиятельным членом диктаторского триумвирата (Энвер-Паша, Талаат-Паша, Джемаль-Паша). Энвер-Паша был одним из главных проводников пантюркизма и панисламизма, инициатором заключения военного союза с Германией и вовлечения Турции в первую мировую войну 1914 1918 гг. Вместе с Талаатом был главным виновником массового истребления армянского парода в 1915 г. По его приказу турецкие войска в нарушение Брест-Литовского мирного договора предприняли в сентябре 1918 г антисоветскую интервенцию на Кавказ и участвовали в захвате Баку После поражения Турции и подписания Мудросского перемирия 1918 г. Энвер-Паша бежал в Германию, стал в дальнейшем агентом английской разведки. Затем, выдавая себя за «друга» нашей страны, некоторое время находился на территории Советской России. После неудачной попытки проникнуть в Турцию и возглавить борьбу реакции против Кемаля Ататюрка осенью 1921 г прибыл в Среднюю Азию, где закономерно стал одним из руководителей басмачества. Получал оружие и другую помощь от Англии. 4 августа 1922 г убит в бою с частями Красной Армии. (О деятельности Энвер-Паши см/ Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке: (1918–1924). М., 1962, с. 93–120; Кондакчян Р. Энвер-Паша. — Советская историческая энциклопедия, т. 16. М., 1976, с. 518; Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: происхождение, сущность, крах. М., 1981, с. 112–123; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. с. 670.)

Ibid., p. 138–148.

Ibid., p. 142.

Ibid., p. 146, 147.

Ibid., p. 147, 153–154.

Ibid., p. 154.

Bates E. Soviet Russia: progress and problems. London, 1942; Davies R., Steiger A. Soviet Aska: democracy first line of defence. New York, 1942; Mandel W. The Soviet Far East and Central Asia. New York, 1944.

Mandel W. The Soviet Far East and Central Asia; Idem. Soviet Central Asia. — American Russian Institute Bulletin: Russia at War. New York, 1942, N 26, March 18; Idem. Pacific Affairs, 1942, December.

Mandel W. The Soviet Far East and Central Asia, p. 103.

Ibid., p. 105.

Ibid., p. 108, 110, 111.

Ibid., p. 111–112.

Ibid., p. 114–115.

Ibid., p. 116–118.

Coates W. P., Coates Z. K. A History of Anglo-Soviet Relations. With a foreword by D. Lloyd George. London, 1945.

Ibid., p. XVI.

Ibid., p. 10–11, 12.

Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923. Vol. 1–3. Macmullan, 1950, 1953, Harmondsworth, 1969; Idem. The Interregnum, 1923–1924. London, 1954; Penguin Books, 1969; Coates W. P., Coates Z. K. Soviets in Central Asia. London, 1951.

107

Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923. Vol. 1, 1969, p. 343.

Ibid.

109

Coates W. P., Coates Z. K. Soviets in Central Asia, p. 75; Carr E. H. The Bolshevik Revolution. Vol. 1, 1969, p. 337.

Coates W. P., Coates Z. K. Soviets in Central Asia, p. 75, 79, 80.

Ibid., p. 86, 91.

Ibid., p. 87–93.

113

Égretaud M. L'Orient soviétique: Kazakhstan — Ouzbékistan — Kirghizie — Tadjikistan — Turkménistan — Azerbaidjan. Paris, 1959, p. 99.

Vaidyanath Л. The Formation of the Soviet Central Asian Republicks: A Study in Soviet Nationalities Policy, 1917–1936. New Delhi, 1967.

Ibid., p. 100–150.

Ibid., p. 202.

117

Каушик Д. Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии. Ташкент, 1965; Idem. Socialism in Central Asia: A Study in the Transformation of Socio-ethnic relations in Soviet Central Asia. Bombay, 1976; Chauvan S. Nationalities Question in USA and USSR: (a Comparative Study). New Delhi, 1976.

Whyte B. Kazakhstan. Land of ancient Legend, mingling of nationalities, and modern miricles. — Canadian Tribune, 1973, march 28; Six decades that changed the World: the USSR after 60 years. New York, 1978; см. также: Тулепбаев Б. А. Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане. М., 1984, с. 23.

Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Великий Октябрь и современная идеологическая борьба. М., 1985, с. 14.

120

Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории: современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974, с. 26.

121

Развитой социализм и кризис «советологии». М., 1982, с. 9.

Лунин Б. В., Юсупов Э. Ю. Басмачество — орудие реакции: (Исторические параллели). Ташкент, 1981; их же. История и современность. — В кн.: Басмачество: социально-политическая сущность. Ташкент, 1984, с. 129–154.

123

Развитой социализм и кризис «советологии», с. 72.

Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории, с. 26–27; Развитой социализм и кризис «советологии», с. 75–76.

125

Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории, с. 30; Развитой социализм и кризис «советологии», с. 76–78; Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1981.

Тузмухамедов Р. А. Ответ клеветникам. М., 1969, с. 5, 6.

127

Во Франции, а в последние годы жизни в Германии нашел «приют» туркестанский националист, «глава» буржуазного правительства «Кокандской автономии» Мустафа Чокаев (1890–1942). После падения «Кокандской автономии» он бежал вначале к интервентам, затем в Париж, а последним местопребыванием его стал Берлин. В 20–30-е гг. Чокаев выпустил ряд книг и статей, искажающих социалистическое строительство в советских среднеазиатских республиках.

В 1929–1939 гг. был редактором антисоветского, тюркоязычного журнала «Яш Тюркистан». В годы второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами, был назначен ими на пост председателя так называемого Туркестанского национального комитета. Не без помощи другого ярого антисоветчика, Вали Каюмхана, и гестапо он, выполнив свою миссию, был умерщвлен в 1942 г. (Хидоятов Г. А. Правда против лжи. Ташкент, 1964, с. 171, сноска № 2).

Ахмед Заки Валидов (Тоган) (1890–1970) — по профессии учитель мусульманской религиозной школы. Башкирский буржуазный националист, в 1917–1920 гг. он возглавлял контрреволюционное буржуазно-националистическое движение, получившее название «валидовщина». Оно оформилось в декабре 1917 г. на проходившем в Оренбурге, который в ноябре был захвачен войсками атамана Дутова, «Башкирском учредительном собрании» (курултае), избравшем мелкобуржуазное националистическое правительство (А. Валидов, Ш. Манатов, И. Султанов и др.). Войдя в состав Башкирского ревкома, с февраля до мая 1919 г. и с февраля 1920 г. председатель «Башкирского ревкома», Валидов и его сторонники проводили националистическую политику, выступили организаторами кулацкого бандитизма (были созданы конные отряды в горных Залаирском и Тамьян-Катайском кантонах). В июне 1920 г. «валидовцы» бежали в Туркестан, а затем за границу. Сам Валидов обосновался в Турции, долгие годы был профессором Стамбульского университета (возглавил с 1927 г кафедру турецкой истории). (Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983, с. 58, 84; Gandau J. M. PanTurkism in Turkey: A study of Irredentism. London. 1981, p. 93.)

Еще одним «специалистом» по истории Средней Азии был Вали Каюмхан — предатель родины. В конце 20-х гг. он выехал на учебу в Берлин в сельскохозяйственный институт. Отрекшись от Родины, от семьи, он остался в Германии и начиная с 1930 г. стал

работать на германскую разведку. С приходом к власти гитлеровцев перешел на службу в гестапо, принял германское подданство и поменял мусульманское вероисповедание на христианское. Был сотрудником в восточном отделе Министерства пропаганды Германии, возглавляемом Геббельсом. После отравления М. Чокаева Вали Каюмхан стал председателем «Туркестанского национального комитета», а его заместителем — другой предатель родины — Б. Хаит. Этот комитет осуществлял антисоветскую, антисоциалистическую деятельность среди военнопленных, выходцев из Средней Азии. После разгрома Германии «Туркестанский национальный комитет» перестал существовать, а Вали Каюмхан был арестован англичанами. В 1948 г. он был освобожден, некоторое время сотрудничал с английской разведкой (Хидоятов Г. А. Правда против лжи, с. 201–203).

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции, с. 75.

129

Там же, с. 42.

130

Там же, с. 76.

Landau J. M. Pan-Turkism in Turkey: A Study of Irredentism. London, 1981, p. 72–95.

Ibid., p. 80.

Ibid., p. 85.

Ibid., p. 86.

135

Маллесон Уилфрид (1866–1946) — поступил в королевскую артиллерию в 1886 г. Переведен в индийскую армию в 1901 г. Возглавлял разведывательное отделение штаб-квартиры индийской армии в 1904–1910 гг. Полковник Генерального штаба в 1910–1914 гг. С 1914 г. — на военной службе в Восточной Африке. В 1915–1916 гг. — бригадный генерал. С 1917 г. — генерал-майор. В 1918–1920 гг. возглавлял Британскую военную миссию в Туркестане. В 1920 г. возведен в рыцарское достоинство.

Macartney G. Bolshevism as 1 saw it in Turkestan in 1918. — Journal of the Royal Central Asian Society, vol. VII. London, 1920; Blacker L. V. S. Wars and travels in Turkestan, 1918–1920. — Ibid., 1922, vol. 9, pt. 1, p. 4–20; Malleson W. The British Military Misson to Turkestan, 1918–1920. — Ibid., 1922, vol. 9, pt. 2, p. 96–110; Limitaris. Turkestan since the Revolution. — The Asiatic Review, vol. XIX, N 4. London, 1923, p. 601–619, and oth.

137

Кастанье Ж. — еще до первой мировой войны находился в Ташкенте якобы на «археологических исследованиях». Прикрываясь составлением археологической карты Туркестана, он занимался шпионской деятельностью. В 1917–1919 гг. был связан с агентами английских шпионских миссий и активно участвовал в борьбе с Советской властью, в связи с чем ушел в подполье. В 1921 г. с группой военнопленных вернулся во Францию (Революция в Средней Азии, сб. 1. Ташкент, 1928, с. 100–101).

138

Развитой социализм и кризис «советологии», с. 110.

139

Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии, с. 27–28; Хидоятов Г. А. Правда против лжи. Ташкент. 1964, с. 201–203.

Hayit B. Turkestanin gisgaca tarihi. Berlin, 1944. Более подробно об этой книге см.: Тузмухамедов Р. А. Ответ клеветникам, с. 7; Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии, с. 28, 29.

141

Развитой социализм и кризис «советологии», с. 88–91.

142

Там же, с. 92.

143

Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии, с. 18.

144

Бейли (Bailey) Фредерик (1882–1967) — английский полковник, сотрудник «Интелл и дженс сервис». 14 августа 1918 г. (в звании майора) в составе военно-дипломатической (а по существу — шпионской) миссии прибыл в Ташкент. Совместно с американским консулом в Советском Туркестане Р Тредуэллом финансировал и направлял деятельность басмаческих банд Иргаша, «Туркестанского союза борьбы с большевизмом». Им была создана сеть антисоветских, шпионско-диверсионных групп в Туркестанской советской республике, а также в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Будучи раскрыт органами ВЧК, с ноября 1918 г. Бейли действовал нелегально. Был одним из организаторов антисоветского мятежа в Ташкенте в 1919 г. С октября 1919 г. — в Бухаре, откуда в декабре выехал в Мешхед (Северный Иран). В середине 40-х гг. выпустил книгу воспоминаний о своей деятельности в Ташкенте (Bailey F. M. Mission to Tashkent. London, 1946).

145

Кассис В. Б., Колосов Л. С., Михайлов М. А., Пиляцкий Б. А. Пойманы с поличным. М., 1976, с. 46–48 (далее — Пойманы с поличным); Коваль В. И., Коршунов В. И., Осипов В. И. Сила правды и бессилие лжи, с. 40–41.

Цит. по: Пойманы с поличным, с. 46–47.

147

Коваль В. И., Коршунов В. И., Осипов В. И. Сила правды и бессилие лжи, с. 39–40.

Central Asian Review, vol. XVI. London, 1968, N 4, p. 275, 277.

Central Asian History, 1917–1924 (By a Correspondent). — Central Asian Review, vol. VI. London, 1958, N 3, p. 272–279; The Revolt in Transcaspia, 1918–1919 (By a Correspondent). — Ibid., vol. VII, 1959, N 2, p. 117–130; The Basmachis: The Central Resistance Movement, 1918–1924. — Ibid., vol. VII, 1959, N 3, p. 236–250; Foreign Prisoners of War in Turkestan, 1917–1918. — Ibid., vol. IX, 1961, N 3, p. 241–249; Shukman A. The Turkestan Comission, 1919–1920. — Ibid., vol. XII, 1964, N 1, p. 5–15; The Red Army in Turkestan, 19171920. — Ibid., vol. XIII, 1965, N 1, p. 31–43; Dzhunaid-Khan — «King of the Karakum Desert». — Ibid., vol. XIII, 1965, N 3, p. 216–226; Sheehy A. The End of the Khanate of Khiva. — Ibid., vol. XV, 1967, N 1, p. 5–20, and oth.

150

Anglo-Indian Troops in Persia, 1914–1920 (By a Student of the Period Who Was a Member of the Malleson Mission in N. E. Persia, 1918–1919. — Central Asian Review, vol. IX, 1961, N 1, p. 78–82; The Role of the Indian Army in Persia, Transcaucasia and Turkestan, 1914–1920: A. Soviet Historian's Interpretation. — Ibid., vol. XII, 1964, N 2, p. 156–159, and oth.

151

Central Asian Review, vol. XVI. London, 1968, N 1, p. 1, 2.

Central Asian Review, vol. VI, 1958, N 3, p. 272–279; Ibid., vol. XV, 1967, N 3, p. 263–265; vol. XVI, 1968, N 3, p. 161–165, 249–253, and oth.

Central Asian Review, vol. VIII, 1960, N 2, p. 160–161; Ibid., vol. XIII, 1965, N 4, p. 368–369, and oth.

154

Пойманы с поличным, с. 48–49.

155

Коваль В. И., Коршунов В. И., Осипов В. П. Сила правды и бессилие лжи, с. 39.

Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968, с. 58–71; Марушкин Б. И. Советология: расчеты и просчеты. М., 1976, с. 19.

Hayit B. Turkestan ini Herzen Euroasiens. Kln, 1980, s. 298–299.

Салов В. И. Указ, соч., с. 58–71; Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии, с. 25–27; Hayit B. Turkestan in Herzen Euroasiens, s. 299.

159

Иноятов Х, Ш. Ленинская национальная политика в действии, с. 27.

160

Марушкин Б. И. История в современной идеологической борьбе. М., 1972, с. 21–24; его же. Советология: расчеты и просчеты, с. 14–24; Развитой социализм и кризис «советологии», с. 92.

161

Коваль В. И., Коршунов В. И., Осипов В. П. Сила правды и бессилие лжи, с. 36–37.

Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии, с. 19.

163

Там же, с. 16.

Там же. с. 16–17.

165

Грошев И. И., Чеченкина О. И. Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС. М., 1974, с. 10–11; Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии, с. 20–21, 23–24; Къвалъ В. И., Коршунов В. И., Осипов В. П. Сила правды и бессилие лжи, с. 45–46, и др.

Осипов В. Какие проблемы занимают «Problems of Communism». — Проблемы мира и социализма, 1973, № 1, с. 64.

Буржуазная пропаганда изображает Хаита «борцом за свободу Туркестана», умалчивая о его послужном списке, обагренном кровью тысяч соотечественников, граждан Франции, других европейских государств. Выходец из Узбекистана, получивший здесь высшее образование, Хаит в годы Великой Отечественной войны изменил родине, перешел на сторону немецких захватчиков Он участвовал в создании карательных батальонов «Восточно-мусульманской дивизии СС», «Полевой роты СС» и др Хаит — один из инициаторов создания особо беспощадного карательного подразделения из бывших военнопленных — изменников родины — «Туркестанского легиона» В 1944 г., как мы уже отмечали, в Берлине вышла первая антисоветская, антисоциалистическая по содержанию книга Б. Хаита «Краткая история Туркестана» После разгрома гитлеровской Германии бывший фашист и эсэсовец переквалифицировался в «ученого-специалиста» по проблемам Туркестана. В 1956 г. он опубликовал в Западной Германии объемистый труд «Туркестан в XX столетии», за которым последовали многочисленные фальсификаторские выступления по истории и современности Средней Азии (Hayit B. Turkestan im XX Jahrhundert. Darmstadt, 1956; Idem. Sowjetrussische Orientpolitik am Beispiel Turkestans. Koln — Berlin, 1962; Idem. Turkestan zwischen Russland und China Philopress. Amsterdam, 1971; Idem. Turkestan in Herzen Euroasiens. Koln, 1980). В своих антисоветских изданиях Хаит усердно пытается доказать, что Советская власть продолжает в Туркестане старую колониальную политику русского царизма, что Октябрь не оказал никакого положительного влияния на судьбы народов Туркестана и Средней Азии.

В начале 80-х гг. Б. Хаит стал руководителем Института туркестанских исследований в ФРГ.

Хидоятов Г. А. Правда против лжи. Ташкент, 1964, с. 203.

169

Там же.

170

Там же.

Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана, с. 157–162; Иноятов Х. НІ. Ленинская национальная политика, с. 27–31; Хидоятов Г. А. Указ, соч., и др.

Развитой социализм и кризис «советологии», с. 111.

173

Там же, с. 108–109.

174

Фирма «РЭНД корпорейшн» — исследовательский «центр», созданный еще в 1948 г. для изучения военного потенциала СССР. Именно специалисты этого «центра» составляют основной костяк советников администрации Рейгана.

175

Развитой социализм и кризис «советологии», с. 109; На службе психологической войны. — Правда, 1983, 28 ноября.

176

Развитой социализм и кризис «советологии», с. 110.

177

Там же, с. 111.

178

Коваль В. И., Коршунов В. И., Осипов В. П. Сила правды и бессилие лжи, с. 38–39.

Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии, с. 24–25; Коваль В. И., Коршунов В. И., Осипов В. П. Сила правды и бессилие лжи, с. 43; Цоппи В. Вы обольщаетесь, профессор! Об одной «научной работе», увидевшей свет в Париже. — Новое время, 1984, № 28, с. 24–27.

180

Л. Паулейде в течение пяти лет был на дипломатической работе в Афганистане, в начале 70-х гг профессор политических наук в университете в Северной Аризоне (США).

3. Имам, также бывший дипломатический работник, в начале 80-х гг. — адъюнкт-профессор Центра по советским и восточноевропейским исследованиям Школы международных исследований при университете им. Дж. Неру в Дели. В середине 60-х гг он был стажером Бристольского университета. Руководителем его докторской диссертации в Лондонском университете был «знаменитый» британский «кремнолог» Леонард Шапиро.

Развитой социализм и кризис «советологии», с. 119.

Там же, с. 120–129.

Иванов В. Н. Буржуазная пропаганда о межнациональных отношениях в СССР. — В кн.: Непримиримость к буржуазной идеологии, пережиткам национализма. По материалам Всесоюзн. науч. — практ. конференции «Развитие национальных отношений в условиях зрелого социализма. Опыт и проблемы патриотического и интернационального воспитания» (Рига, 28–30 июня 1982 г.). М., 1982, с. 6–7.

Change and the Muslim World (Ed. by Ph. Stoddard and oth.) Syracyse — New York, 1981.

Ibid., p. 115–126.

187

Цит. по: Герасимов Г. Пайпс повторяется. — Московские новости, 1982, 14 марта.

Романовский В. В. Ричард Пайпс — профессиональный антисоветчик. — Вопросы истории, 1982, № 3, с. 27–42.

189

The Soviet role in Asia. Hearings before the subcommittee on Europe and the Middle East and on Asian and Pacific Affairs of the committee on foreign affairs House of Representatives. 98 Congress, first session. 1983, July 19, 21, 26, 28; August 2; September 27; October 19. Washington, 1983, p. 37; Situation in Afganistan. Hearings before the committee on foreign relations United States Senate. 97 Congress, Second session. 1982, March 8. Washington, 1982, p. 125.

The Soviet role in Asia, p. 37, 38, 45; Zagorica D. S. Soviet policy in East Asia. Fale University, 1984.

Situation in Afganistan, p. 237–292.

Joliffe J. Reign of Terror. — Spectator. London, 1981, August 8, p. 21; Bennigsen A. A.f Wimbush S. E, Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago — London, 1979, p. 21; Wheeler G. Islam and the Soviet Union. — Asian Affairs, vol. 10, pt. 3. London, 1979, p. 243.

Massell G. J. The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton University Press, 1974.

Shahrani M. N. The Kirghiz and Wakhi of Afganistan: Adaptation to Closed Frontiers, Seattle — London, 1979.

195

Иванов В. И. Буржуазная пропаганда о межнациональных отношениях в СССР, с. 7.

Ислам в СССР… с. 155.

197

Там же, с. 156.

Там же, с. 156–157.

Цит. по: там же, с. 160.

200

Там же, с. 161.

201

Филиппова М. И. Современные тенденции изучения ислама в англо-американском буржуазном востоковедении 50–70-х гг. — В кн.: Актуальные проблемы идеологии и культуры стран Востока (АН СССР. Институт востоковедения). М., 1982, с. 39.

Развитой социализм и кризис «советологии», с. 129.

203

Иванов В. И. Буржуазная пропаганда о межнациональных отношениях в СССР, с. 13–14.

Там же. с. 15.

205

Цит. по: Ахмедов А. «Исламский фактор» в планах империализма и реакции. — В кн.: Аргументы, 1982. М., 1982. с. 7 3.

World Politics. Princeton University Press, 1982, vol. XXXIV, N 4, p. 487.

Arnold A. Afganistan: The Soviet Invasion in Perspective. Stanford, 1981, d. 12–21.

Castagne J. Les Basmatchis…; Etherlon P. G. In the Heart of Asia. London, 1925; Валиди А. В. Туркестан. — Знамя борьбы. Берлин, 1925, № 9–10, с. 14–18; Chocaev M. The Basmaji movement in Turkestan. — The Asiatic Review. London, 1928, vol. XXIV, April, p. 273–288, и др.

209

Togan A. Z. Bugunqu Turkili (Turkistan) veyakin tarihi. Cilt II. Istanbul, 1942–1947, s. 47 g.; Цит. по: Иноятов Х. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана, с. 66; Hostler Ch. W. Turkism and the Soviets. London, 1957, p. 163; Parle A. G. Op. cit., p. 34; Pipes B. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917–1923, Rev. ed. Cambridge (Massachusetts), 1964, p. 178; Bennigsen A., Wimbush S. Op. cit., p. 26, 213; Arnold A. Op. cit., p. 12; Olcott M. The Basmachi or Freemen's Revolt in Turkestan, 1918–1924. — Soviet Studies. University of Glasgow, 1981, vol. XXXIII, N 3, p. 352–369; Bennigsen A.f Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. London — Canberra, 1983, p. 66, 67 and oth.

210

Хидоятов Г. А. Правда против лжи. Ташкент, 1964, с. 171 (сн. 2).

Chokayev M. Turkestan and the Soviet Regime. — Journal of the Royal Central Asian Society, vol. 18(3). London, 1931, p. 403–420; Idem. Fifteen years of Bolshevik Rule in Turkestan. — Journal of the Royal Central Asian Society, vol. XX–3. London, 1933, p. 351–359; его же. Туркестан под властью Советов. Париж, 1935.

Lazzerini E. I. The Archive of Mustafa Chocay Beg: An Invetory. — Cuhiers du Monde Russe et Soviétique, vol. XXI–2. Paris, 1980, p. 235–239.

Landau J. M. Pan-Turkism in Turkey: A Study of Irredentism. London, 1981, p. 83, 93.

Journal de Russie. Paris, 1917, Decembre, 24.

215

Castagne J. Le Turkestan depuis la Révolution russe (1917–1921). Paris, 1922; Idem. Les organisatione soviétiques de la Russe, musulmane. — Revue du Monde Musulmane. Paris, 1922, Octobre; Idem. Les Basmatchis: Le mouvement national des indigènes d'Asie Centrale depuis la revolution d’octobre 1917 jusqu’en octobre 1924. Paris, 1925. Подробный анализ последней книги Кастанье содержится в статье К. Василевского, опубликованной в книге «Революция в Средней Азии». Ташкент, 1928, сб. 1, с. 100–106.

Chocaev M. The Basmaji movement in Turkestan… p. 275–278.

Ibid., p. 278.

Ibid.

Тулепбаев Б. А. Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане. М., 1984, с. 80.

Там же, с. 72–106

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ, соч., с. 169–172; Тулепбаев Б. А. Указ, соч., с. 95, 105.

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ, соч., с. 169.

Тулепбаев Б. А. Указ, соч., с. 140.

Развитой социализм и кризис «советологии», с. 87–90

225

Soviet Russia. A selected list of references. The library of congress. Washington, 1943; см. также: Коваль В. И., Коршунов В. И., Осипов В. П. Сила правды и бессилие лжи, с. 35.

Olzcha R., Cleinow G. Turkestan: Die Politisch-Historischen und Wirtschaftlichen Probleme Zentralasiens. Leipzig, 1942, S. 209–214; Landau J. Op. cit., p. 84–86.

Olzcha R., Cleinow G. Op. cit., S. 209.

Togan A. Z. Bugunku Turkili (Turkistan) veyakin tarihi. Gilt I. Istanbul, 1942–1947, S. 471.

Ibid., S. 419.

Togan A. Z. Op. cit., S. 423.

Bailey F. M. Mission to Tashkent. London, 1946.

Schuman F. L. Soviet Politics: At Home and Abroad. New York, 1946.

Ibid., p. 163, 225.

Bailey F. M. Op. cit., p. 28–29, 32, 35, 40–41.

Ibid., p. 48.

Гафурова К. А. Документы разоблачают. — Вопросы истории, 1970, № 8, с. 30–41; ее же. Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана в первые годы Советской власти (1917–1924). М., 1972, с. 55–64.

Хидоятов Г. А. Правда против лжи. Ташкент, 1964, с. 105.

Hay it B. Some problems of modern Turkistan history. Düsseldorf, 1963.

239

См. обоснование этого в кн.: Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии, с. 30–31.

Первое издание 1954 г., 2-е, исправленное вышло в 1964 и в 1968 гг. Мы далее будем разбирать и ссылаться на 2-е издание, 1964 г.

Caroe O. Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism. London, 1954; Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge (Massachusetts), 1954; Kolarz W. Russia and her Colonies. 3–d reprint. New York, 1955; Hayii B. Turkestan im XX Jahrhundert. Darmstadt, 1956; Idem. Die Nationalitatenpolitik der Soviet Union. Frankfurt am Main, 1956; Idem. Russland und seine asiatischen Volker. Frankfurt am Main, 1956; Monteil V. Les Musulmans Sovietiques. Paris, 1957; Park A. Bolshevism in Turkestan: 1917–1927. New York, 1957.

The Basmachis: The Central Asian Resistance Movement, 1918–1924. — Central Asian Review. London, 1959, vol. VII, N 3, p. 236–250.

Пясковский А. В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. М., 1958; Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

Hayit B. Turkestan im XX Jahrhundert… S. 256.

Park A. G. Op. cit., p. 292–293.

Ibid., p. 15.

Правда, Б. Хаит относит «советизацию» Туркестана к 1923–1924 гг. Советские историки и правоведы доказали, что этот процесс начался с победы Октября, т. е. с 1917 г. (см.: Рудницкая Д. М. Из истории строительства Советов в Туркестане (1917–1920 гг.). Ташкент, 1964).

248

См. письмо в редакцию журнала «Коммунист Туркменистана» доктора исторических наук, профессора Г. Непесова. — Коммунист Туркменистана, 1959, № 5, с. 61.

Росляков А. А. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов (1917–1918). Ашхабад, 1961, с. 30.

Kolarz W. Russia and her Colonies, p. 7–8.

Park A. G. Op. cit., p. 22.

Ibid., p. 8.

Ibid., p. 41.

The Basmachis… p. 237.

Pipes R. Op. cit., 1954, p. IX.

256

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сб. Ташкент, 1947, с. 92–93, 93–95.

257

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 37, с. 60–61.

Pipes R. Op. cit., 1964, p. 178.

259

Ibid.

Ibid.

Ibid., p. 260.

262

Revue Historique. Paris, 1956, octobre — decembre, p. 239–240. Цит. по: Якубовская С. И. Строительство Союзного Советского Социалистического государства, 1922–1925. М., 1960, с. 62–63.

Park A. G. Op. cit.

Ibid., p. IX.

Небезынтересно заметить, что в США книга А. Парка не только получила высокую оценку, но и поставлена в один ряд с книгой Б. Хаита «Туркестан в XX столетии» Это специально подчеркнуто в рецензии, помещенной в «Американском историческом обозрении» («The American Historical Review». Washington, 1958, vol. XX. № 3, April) Этим самым американская критика невольно не только разоблачила «оружие» автора — его мнимую объективность в освещении истории народов Средней Азии, но и подчеркнула единую целенаправленность буржуазных историков.

Ibid., p. 55, 155–203.

Ibid., p. 162.

Ibid., p. 40.

269

Ibid.

Ibid., p. 41.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 г. М., 1983, с. 68.

Там же.

Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 9.

Ваграмов Э. А. Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982; Булдаков В. П., Кулешов С. В. Указ, соч., с. 158; Критика буржуазных фальсификаций национальных отношений в СССР. М., 1984.

Bennigsen A. The Sufi Brotherhood on North Caucasses. — In: Soviet Nationality Politics and Practices./Ed. by J. Asreel./London, 1978, p. 334.

Bennigsen A.f Lemercier-Quelquejay Ch. Islam in the Soviet Union. London, 1967, p. 50, 68, 81; Rakowska-Harmstone T. Russia and Nationalism in Central Asia: The Case of Tadzhikistan. Baltimore — London, 1970, p. 20; Wheeler G. The Russian Presence in Central Asia. — Canadian Slavonic Papers. Ottawa, 1975, vol. 17, N 2–3, p. 189–201; Bennigsen A. A., Wimbush S. E. Op. cit., p. 8; Braker H. Die Islamischen Turkvolker Zentralasiens und die sowjetisch-chinesischen Beziehungen. Koln. 1984, S. 14–18.

Материалы XXVI съезда КПСС, с. 13.

Полонская Л. Р. Современный панисламизм и его националистическая сущность. — В кн.: Непримиримость к буржуазной идеологии, пережиткам национализма: По материалам Всесоюзн. научн. — практ. конференции «Развитие национальных отношений в условиях зрелого социализма. Опыт и проблемы патриотического и интернационального воспитания» (Рига, 28–30 июня 1982 г.). М., 1982, с. 107–115.

279

Цит. по: Ахмедов А. «Исламский фактор» в планах империализма и реакции. — В кн.: Аргументы, 1982. М., 1982, с. 83–84.

The Muslim World. A Quarterly Journal of Islamic Study and of Christian Interpretation among Muslims. Hartford (USA), 1966, vol LVI, N 4.

Wheeler G. E. The Soviet Central Asia. — The Muslim Work3 Hartford, 1966, vol. LVI, N 4, p. 239–243.

Ibid., p. 240.

283

Ислам в СССР: особенности процесса секуляризации в республиках Советского Востока. (Академия обществ, наук при ЦК КПСС. Институт научи, атеизма). М., 1983, с. 180.

Цит. по: Развитой социализм и кризис «советологии»… с. 118.

Zenkovsky S. A. Op. cit., p. 209–253; Seton-Watson H. The New Imperialism: A Background Book. London, 1961, p. 51; Hayit B. Sowjetrussische Orientpolitik am Beispiel Turkestans. Koln — Berlin, 1962; Pipes R. The Formation of the Soviet Union… 1964, p. 178.

Zenkovsky S. A. Op. cit., p. 225, 231, 237, 314, N 50; Pipes R. The Formation of the Soviet Union… 1964, p. 172.

Hayit B. Some Problems of Modern Turkistan History: An Analysis of Soviet Attacks on the Alleged Falsifiers of the History of Turkistan. Düsseldorf, 1963.

Критический анализ данной работы Б. Хаита впервые всеобъемлюще сделан советским историком Х. Иноятовым (см.: Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии (ответ идеологам антикоммунизма, извращающим исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и Казахстане). Ташкент, 1973, с. 30–31).

Сологубов И. С. Иностранные коммунисты в Туркестане (1918–1921 гг.). Ташкент, 1961.

Hayit B. Some Problems… p. 22. См. также: Матвеев А. М. Буржуазные авторы об иностранных интернационалистах в Средней Азии. — В кн.: Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967, с. 307–314; его же. Западная мемуаристика и историография об иностранных интернационалистах в Средней Азии. — История СССР, 1968, № 1, с. 184–208; Шишкина Л. В. Участие зарубежных интернационалистов в защите завоеваний Октября в освещении англо-американской буржуазной историографии. — Вопросы истории, 1982, № 3, с. 155–162.

291

Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965, с. 4–6; Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967, с. 15, 16; Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке Республики. (Интернационалисты, кн. 2). М., 1971, с. 9–10, 69, и др.

Матвеев А. М. Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю. 1914 — октябрь 1917. Ташкент, 1977, с. 111.

Интернационалисты, кн. 2, с. 164–165.

Сологубов И. С. Указ, соч., с. 38.

295

Там же.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 43, с. 134.

Иноятов Х. Ш. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976, с. 332.

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ, соч., с. 152.

Инамджанова Г. З. Национальная государственность Узбекистана и ее фальсификаторы. Ташкент, 1977, с. 28–30

Шуктомов П. Национальные формирования Красной Армии в годы иностранной интервенции и гражданской войны. — Военноисторический журнал, 1962, № 4, с. 117; Инамджанова Г. З. Указ, соч., с. 28–29.

301

Hayit B. Some problems… p. 22.

Гуджалов Б. Жарче солнца в пустыне бой. — Комсомольская правда, 1978, 22 февраля.

Central Asia/Hambly G. and oth. New York — London, 1969; Bennigsen A. A., Wimbush S. E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago — London, 1979; Change and the Muslim World/Ed. by Zh. Stoddard. Syracuse, 1981, and oth.

Ранее сборник выходил на немецком языке во Франкфурте-на-Майне и в Гамбурге в 1966 г., а в конце 60-х гг. на английском языке вышло переиздание.

Central Asia… p. 232.

Ibid., p. 236, 238.

Bennigsen A. A., Wimbush S. E. Op. cit., p. 26, 76–77, 87–88, 210–211, 213, and oth.

Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Islam in the Soviet Union. London, 1967.

Ibid., p. 81, 83, 85, 85 n., 98.

310

Ethnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance/ED. by E. Allworth. New York, 1980, p. 9, 18, 46, 112, 127, 129, 156, 165, and oth.

311

Allworth E. The End of Ethnic integration in Southern Central Asia. Washington, 1981, p. 4, 8–9, 11–13, 16, 17, 22, 23 and oth.; Rywkin M. Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia. Armonk — New York, 1982, p. 34, 35.

Arnold A. Op. cit.; Shahrani M. Op. cit., p. 39.

Hayit B. Turkestan in Herzen Euroasiens. Koln, 1980.

Ibid., S. 111.

315

Ibid.

Ibid., S. 304.

317

Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР: Докл. на совмести, торжеств, заседании ЦК КПСС, Верховн. Совета СССР и Верховн. Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов, 21 дек. 1982 г. — В кн.: Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983, с. 7.

Там же, с. 8.

319

Народное хозяйство СССР в 1983 г. Стат, ежегодник. М., 1984, с. 29.

Народное хозяйство СССР в 1983 г., с. 498.

321

Народное хозяйство СССР в 1983 г., с. 402.

Olcott M. B. The Basmachi or Freemen's Revolt in Turkestan, 1918–1924. — Soviet Studies. A Quarterly Journal on the USSR and Eastern Europe. University of Glasgow, 1981, vol. XXXIII, N 3, p. 352–369

Ibid., p. 365.

Ibid.

Ibid., p. 352.

Imam Z. Colonialism in East-West Relations: A Study of Soviet Policy Towards India and Anglo-Soviet Relations 1917–1947. New Delhi, 1969; Chavan R. S. Nationalism in Asia. New Delhi, 1973; and oth.

Chavan R. S. Op. cit., p. 415–417; Imam Z. Op. cit.; Vaidyanath R. The Formation of the Soviet Central Asian Republics: A Study in Soviet Nationalities Policy, 1917–1936. New Delhi, 1967; Sen Gupta B. The USSR in Asia: An interperceptional Study of Soviet-Asian Relations. New Delhi, 1980.

Landau J. M. Pan-turkism in Turkey: A Study of Irredentism. London, 1981, p. 7–27, 53–55, 78–7 9, 80–83, 92–93, and oth.

Ibid., p. 25, N 61.

330

Обречено на провал: для чего ведется необъявленная война в Афганистане. — Правда, 1985, 14 февраля.

Arnold A, Op. cit.; Griffiths J. S. Afganistan: Key to Konti-nent. Boulder, 1981; Monks A. L. The Soviet Intervention in Afganistan. Washington — London, 1981; Newell N. P., Newell R. S. The Struggle for Afganistan. Ithaca — London, 1982, and oth.

332

The Middle East Journal. Washington, 1981, vol. 35, N 4, p. 620.

Change and the Muslim World/Ed. by Stoddard and oth./Syracuse — New York, 1981, p. 123; Arnold A. Op. cit., p. 12–13; см. также: Абуталипов А. Правды истории не опровергнуть: против фальсификации басмаческого движения буржуазными идеологами. — Коммунист Узбекистана (Ташкент), 1981, № 10, с. 95.

The Security of the Parsian Gulf/Ed. by H. Amirsadeghi. London, 1981, p. 8, 30; Ziring L. Iran, Turkey and Afganistan. New York, 1981, p. 46, 47.

335

Цит. по: Абуталипов А. Правды истории не опровергнуть, с. 82.

336

Там же.

Лунин Б. В., Юсупов Э. Ю. Басмачество — орудие реакции: (Исторические параллели). Ташкент, 1981, с. 4.

Критика фальсификаций национальных отношений в СССР. М., 1984, с. 353.

Afganistan in crisis/Ed. by K. P. Misra. London, 1981, p. 29–30; Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. London — Canberra, 1983, p. 115, 124–152; Bennigsen A.f Lemercier-Quelquefau Ch. L'Islam dan des Republiques musulmanes Sovietiques. — In: L'Islam et L'etat dans le monde d'Aujourd'hui. Paris, 1982, p. 143–167; Maprayil C. The Soviets and Afganistan. London, 1982, p. 112; Dawisha K., Carrere d' Encausse H. Islam in the foreign policy of the Soviet Union: A double-edged sword? — In: Islam in the foreign policy. Cambridge — London, 1983, p. 171, 172, 173, and oth.

Change and the Muslim World. Syracuse — New York, 1981, p. 124; The Middle East in World Politics. London, 1981, p. 153; Islam and contemporary society. London — New York, 1982; Mortimer E. Faith and Power: The Politics of Islam. London, 1982, p. 377–385; OlcottM.B. Soviet Islam and the World Revolution. — World Politics. Princeton University Press, 1982, vol. XXXIV, N 4, p. 487–505; Bennigsen A.f Broxup M. Op. cit.

341

Цит. по: Гольденберг М. Непрошенные попечители. — Наука и религия, 1982, № 12, с. 56.

Dupree L. Afganistan. Princeton — New Jersey, 1980, p. 769, 777.

Критика фальсификаций национальных отношений в СССР. М., 1984, с. 352–360.

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 156.

345

Иванов В. Н. Буржуазная пропаганда о межнациональных отношениях в СССР, с. 7–8.

Bennigsen A., Broxup. M. Op. cit., p. 4.

Dawisha K., Carrere dfEncausse H. Op. cit., p. 161.

Развитой социализм и кризис «советологии»… с. 133.

Ленин В. И, Поли. собр. соч., т. 23, с. 61.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 27.

351

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 38, с. 386–387.

ЦГАСА, подборка, оп. 2, д. 836, л. 286–318.

Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана. 1918–1924 гг. Ташкент, 1958, с. 121.

Отчет ЦК КПТ с VI по VII съезд КПТ. Ташкент, 1923, с. 12.

355

После слияния шаек Мадаминбека и так называемой Крестьянской армии.

356

По свидетельству побывавшего у басмачей белогвардейца Зайцева, в лагерях басмачей постоянно находились панисламистские агитаторы (см.: Соловецкие острова, 1926, № 5–6, с. 36).

357

См.: М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. М., 1941, с. 308.

358

В Туркестане в 1917–1918 гг. была национализирована лишь часть наиболее крупных землевладений, главным образом русских помещиков: земли Н. К. Романова (Мургабское имение), имения «Капланбек» Кенсай и др. (Ташкентский уезд). Были конфискованы земельные владения крупнейшего местного бая-миллионера Миркамиля Муминова в Андижанском уезде, а также сады крупных торговопромышленных товариществ.

359

Резолюции и постановления II съезда КП (б) Уз. Самарканд, 1925, с. 47.

Общее собрание фракции коммунистов-мусульман старой части Андижана 8 апреля 1919 г., обсуждая вопрос о возникновении басмачества, отметило, что трудовое население во многих случаях попадает в число басмачей, «идя на это под угрозой насилия» (ЦГАОР Уз. ССР, ф. 25, оп. 1, д. 69а, л. 61).

Бывший басмач Рузбай Байназаров, переходя на сторону Красной Армии, заявил: «…в шайке Хал-Ходжи я был не по доброй воле» (ЦГАСА, ф. 149, д. 39, л. 22).

Бывший басмач Гулмаметдин Мамаюсупов говорил: «… джигиты курбаши Ярбая забрали меня в плен. Оттуда никак не мог сбежать, ибо всегда находился под угрозой смерти… Я насильно был увезен одним из курбашей в стан разбойников, но, когда удался случай, я сбежал из лагеря в Федченко» (ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 16, л. 88).

Бывший басмач Арифджан Игамбердыев рассказывал: «…в отряд Курширмата я попал не добровольно, а был насильно взят с Кубинского базара… Чтобы я не сбежал, ко мне приставили джигита, который должен был следить за мной» (ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 81, л. 272).

Бывший басмач Турсункул Амирбаев показывал: «…я был дома, пришел курширматовский курбаши и взял меня на службу… бежал в Маргелан, чтобы перейти на сторону Советской власти» (ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 81, л. 270 об.).

Семьи дехкан зачастую увозились в басмаческие ставки. Отказ от участия в шайке или уход из нее приводил к убийству семьи и к разграблению имущества. Иногда курбаши брали в залог скот и другое имущество дехкан, которое также уничтожалось или раздавалось другим басмачам при попытках покинуть басмаческую шайку.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 34, с. 299.

363

ЦГАОР Уз. ССР, ф. 36, оп. 1, д. 12, л. 92.

364

Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, оп. 1, д. 280, л. 12–14— Цит. по: Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959, с. 111.

365

Наша газета, 1917, № 151, 15 декабря.

366

Наша газета, 1918, № 24, 30 января. Опубликовано в сб.: Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане (Госиздат Уз. ССР), 1947, с. 148–149.

367

Наша газета, 1918, № 70, 10 апреля. Опубликовано там же, с. 158.

ЦГАСА, ф. 25859, оп. 1, д. 4, л. 110.

369

ЦГАСА, ф. 25859, оп. 1, д. 13, л. 420 об.

ЦГАОР Уз. ССР, ф. 25, оп. 1, д. 69а, л. 61.

Цит. по: Зевелев А. И. Указ, соч., с. 114.

Цит. по: Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ходжентском уезде (1917–1920 гг.). Сб. док. Ленинабад, 1957, с. 107.

Из 15 тыс. промышленных рабочих Ферганы более 11 тыс были представителями местных национальностей, и в первую очередь узбеков (9247 человек)

И. М. Парамонов организатор отряда Красной гвардии в Коканде. Один из видных советских военачальников в борьбе с басмачеством, участник Великой Отечественной войны, полковник Советской Армии. Умер в 1951 г в Фергане.

Усманов Ю. Бои в районе Намангана. — В сб.: В боях за Советскую власть в Ферганской долине. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны. 1917–1923. Ташкент, 1957, с. 67.

См.: Зевелев А. И. Указ, соч., с. 220.

377

Наша газета, 1919, № 5, 7 января.

Правда Востока, 1957, № 276, 22 ноября.

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ. соч., с. 165–166, 168.

Bennigsen A. A.t Wimbush S. E. Op. cit., p. 213. См. также: Dictionary of World History. London, 1973, p. 191.

Castagne J. Les Basmatchis…, p. 8.

382

История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 112–113.

383

Там же, с. 112.

Hayit B. Turkestan im XX Jahrhundert…, S. 173.

Ibid., S. 199; Idem. Some problems…, p. 27.

Hayit B. Some problems…, p. 27–28..

См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 37, с. 14.

Hayit B. Some problems…, p. 28.

389

Castagne J. Les Basmatchis…, p. 9; Chocaev M. Op. cit., p. 275, 280; Валиди А. В. Указ, соч.; Le colonialisme sovetique. Un cxemple en Asie Centrale. Paris, 1956, p. 6; Monteil V. Op. cit., p. 35; Carrere d'Encausse H. Reforme et revolution…, p. 227; Eaudem. The Russian Revolution and Soviet Policy in Central Asia. — In: Central Asia. New York, 1969, p. 231; Eaudem. L'Empire eclate. Paris, 1978, p. 11–12; Mas-sell G. J. Op. cit., p. 24; Hayit B. Turkestan zwischen Russland…, S. 270; Idem. Turkestan in Herzen Euroasiens…, S. 99; Tomari I. G. Muslim under the Czars and the Soviets. Lucknov, 1984, and oth. См. также: Абуталипов А. Басмачество в Средней Азии: домыслы французских советологов и историческая действительность. — Общественные науки Узбекистана. Ташкент, 1981, № 7, с. 40–42.

ChocaevM. Op. cit., p. 274; Park A. G. Op. cit., p. И, 22; Becker S. Op. cit., p. 273–295; Massell G. J. Op. cit., p. 24; Hayit B. Turkestan im Herzen Euroasiens, S. 100, 295, 299.

Chocaev M. The Basmachi movement in Turkestan, p. 287, 274; Caroe O. Soviet empire, the Turks of Central Asia and Stalinism. London, 1954, p. 104; Park A. G. Op. cit., p. 16–19, 21–22, 40; The Basmachis…, p. 236–237; Zenkovsky S. Op. cit., p. 236; Pipes R. The Formation of the Soviet Union… Revised edition, 1964, p. 178; Wheeler G. The Modern History of Soviet Central Asia. London, 1964, p. 107; Olcott M. B. The Basmachi Movement or Freemen's Revolt…, p. 355; Hayit B. Some problems…, p. 28; Idem. Turkestan in Herzen Euroasiens, p. 270.

392

По данным С. Зеньковского, представительство от областей Туркестана на съезде выглядело следующим образом: Ферганская область — 150 делегатов, Сырдарьинская — 22, Самаркандская — 23, Закаспийская — 15 (Zenkovsky S. Op. cit., p. 233–234).

Zenkovsky S. Op. cit., p. 233–234, 235.

Pipes R. Op. cit., 1954, p. 174–175.

Park A. Op. cit., p. 14–15, 21–22.

См., например: История коммунистических организаций Средней Азии, с. 129–252; История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967, с. 5—161, и др.

Chocaev M. Op. cit., p. 282; Валиди А. В. Указ, соч., с. 16; Massell G. Op. cit., p. 24; Olcott M. B. The Basmachis Movement or Freemen's Revolt…, p. 352, 362.

Park A. Op. cit., p. 40–41; Carrere d'Encausse H. Civil War and New Governments. — In: Central Asia: A Century of Russian Rule. New York, 1969, p. 249; Rakowska-Harmstone T. Russia and Nationalism in Central Asia: The Case of Tadzhikistan. Baltimore — London, 1970, p. 20–22; Massell G. Op. cit., p. 22.

Валиди А. В. Указ, соч., с. 16; Massell G. Op. cit., p. 24.

Castagne J. Les Basmatchis…, p. 11–15.

Olcott M. B. The Basmachi Movement or Freemen's Revolt…, p. 352.

Castagne J. Les Basmatchis…, p. 12.

Ibid., p. 15; Chocaev M. Op. cit., p. 273.

Chocaev M. Op. cit., p. 275, 280.

Pipes R. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 183.

Кантарович Л. Кутан Торгоев. М., 1937; История коммунистических организаций Средней Азии, с. 253–320 и др.

The Basmachis. The Central Asian Resistance Movement, 1918–1924.— Central Asian Review, 1959. N 3, p. 238–250.

Ibid., p. 246. 248.

Ryivkin M. Moscow's Moslem Challenge…, p. 35.

Не имея возможности опровергнуть факты, Б. Хаит, например, стремится внушить читателю мысль о том, что на стороне Советской власти были лишь одиночные представители трудящихся коренных национальностей.

411

Тимошков С. П. Борьба с английской интервенцией…, с. 13.

Chocaev M. The Basmachi Movement…, p. 279. См. также: Тимошков С. П. Указ, соч., с. 12–13, 18.

Castagne J. Les Basmatchis…, p. 12.

Ryivkin M. Central Asia and Price of Sovietization. — Problems of Communism, 1964, N 1, p. 8.— Цит. по: Хидоятов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978, с. 131.

415

Хидоятов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии…, с. 131.

Olcott M. The Basmachi or Freemen's Revolt…, p. 356.

Idid.

418

Ферганская область состояла из 5 уездов: Скобелевского, Наманганского, Ошского, Кокандского и Андижанского. Она занимала территорию, равную 12 684 кв. верстам. Памир, входящий в ее состав, занимал территорию в 45 600 кв. верст. В Ферганской области в 1917 г. проживало более 2 млн. человек, из них: узбеки — 1 321 481 человек, русские — 3166, казахи — 295 506, таджики — 114 481 человек (см.: Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959, с. 120 (сноска 2)).

419

Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане, с. 123, 124.

Там же, с. 124.

421

Там же, с. 125, 126.

Pipes B. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 176, 178, 184, 256.

Ibid., p. 178.

Ibid., p. 178–179.

Zenkovsky S. Op. cit., p. 269–272; Olcott M. The Basmachi or Freemen's Revolt…, p. 364.

Ислам в СССР. М., 1983, с. 8–16.

427

Моран делит все человечество на две части: последователей ислама («идущих по пути Аллаха», «справедливых») и «неверных» ([противников «учения истины», «несправедливых»). В стихах Корана содержатся многочисленные призывы, обращенные к мусульманам, бороться с неверными… (см.: Ахмедов А. Социальная доктрина ислама. М., 1982, с. 21).

Zenkovsky S. Op. cit., p. 226, 272.

Olcott M. B. The Basmachi or Freemen's Revolt…, p. 363–364.

Ibid., p. 364.

Ibid., p. 365.

Landau J. M. Op. cit., p. 17.

433

Туркестанский коммунист, 1919, 16 июля.

Там же.

Именно поэтому в директиве ЦК подчеркивалось, что пропорциональное представительство должно осуществляться «без обязательной принадлежности к партии».

Там же.

437

ЦГАОР СССР, ф. 130, он. 3, д. 711, л. 230.

В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1960, с. 455–456.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 39, с. 304.

Park A. Op. cit., p. 120–123; Zenkovsky S. A. Op. cit., p. 246–250; Pipes B. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 181–183; Shukman A. The Turkestan Comission, 1919–1920.— Central Asian Review. London, 1964, vol. XII, N 1, p. 5—15; Olcott M. B. The Basmachi or Freemen's Revolt, p. 357.

Shukman A. Op. cit., p. 6; Pipes B. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 181.

Zenkovsky S. A. Op. cit., p. 248; Park A. G. Op. cit., p. 121.

Shukman A. Op. cit., p. 9.

Olcott M. B. The Basmachi or Freemen's Revolt, p. 357.

Pipes B. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 183.

The Basmachi…, p. 242.

Carrere d'Encausse H. Reforme et revolution chez les Musulmans de l’empire Russe: Bukhara, 1867–1924. Paris, 1966, p. 265.

Jacobs W. D. Frunze: The Soviet Clausewitz, 1885–1925. Hague, 1969, p. 3, 208.

449

См., например, из последних работ: Спирин А. М. Полководец революции. К 100-летию со дня рождения М. В. Фрунзе. Фрунзе. Коммунист, 1985, № 2, с. 65–76.

Massell G. J. Op. cit., p. 44.

Shukman A. Op. cit., p. 6.

The Red Army in Turkestan, 1917–1920.— Central Asian Review. London, 1956, vol. XIII, N 1, p. 31–43.

Ibid., p. 32, 33–35, 37, 38.

Ibid., p. 35, and oth.

Zenkovsky S. A. Op. cit, p. 276–277.

Ислам в СССР, с. И.

Ахмедов А. Социальная доктрина ислама. М., 1982, с. 118–119.

Подробнее об этом см.: Бабаходжаев А., Ланда Л., Станишевский А., Халфин В. Провал захватнических планов англо-американских империалистов в Средней Азии. — Звезда Востока, 1951, № 8; Ланда Л. М. Американский империализм — активный организатор антисоветской интервенции в Средней Азии (1918–1920 гг.). — Труды Музея истории Узбекской ССР. Ташкент, 1954, вып. II.

Ланда Л. М. Указ, соч., с. 24.

Конопка С. Р. Туркестанский край. Путеводитель. Ташкент, 1910.

461

Сейере М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 1947, с. 117.

Малышев К. И. Разгром антисоветской интервенции в Южной Киргизии. Канд. дис. М., 1956, с. 19–20.

463

Звезда Востока, 1953, № 5, с. 103.

Эвентов Л. Я. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России. М. — Л., 1925, с. 44, 62, 85, 89.

465

Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948, с. 44, 62, 362.

Ланда Л. М. Указ, соч., с. 25.

Отчет Русско-Азиатского банка за 1910 г. СПб., 1911, с. 2.

Ланда Л. М. Указ, соч., с. 25.

469

Бабаходжаев А., Ланда Л., Станишевский А., Халфин Н. Указ, соч., с. 135.

Архив полковника Хауза. Т. IV. М., 1944, с. 152–153.

Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917–1920 гг. М., 1954, с. 95.

Гиршфелъд А. О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке. — Вопросы истории, 1948, № 8, с. 20.

Miller D. My Diary of the Conference of Paris. Vol. IV. New York, 1926, p. 219–220.

Иштракиюн (Ташкент), 1918, 21 марта.

475

Голос Средней Азии (Ашхабад), 1918, 17 августа.

Денстервиль Л. Британский империализм в Баку и Персии, 1917–1918 гг. М., 1925, с. 122–123.

Die Post, 6. III. 1919.

ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 627, л. 78.

479

ЦГАОР Узб. ССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 317а, л. 80.

Ланда Л. М. Указ, соч., с. 29.

481

В 1918 г. в Ташкенте находились французский шпион Капдевиль, чехословацкий «уполномоченный» Готфрид, румынский «агент для поручений» Балтариу, шведские представители Галль, фон Шульман и Студен, датский «делегат» Браун, бельгийский консул де Стерк, немцы Циммерман, Вольбрюк, представители американской «Христианской ассоциации молодежи» Дж. Дэвис и Дж. Бренипг и др.

482

ЦГАОР Узб. ССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 27а, л. 2об.

483

Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. II, с. 36.

Его отчет о деятельности в Туркестане обнаружен в Национальном архиве Индии, в секретном фонде «Специального информационного бюро» (Гафурова К. А. Документы разоблачают. — Вопросы истории, 1970, № 8; см. также: Bailey F.M. Mission to Tashkent. London, 1946).

Castagne J. Les basmatchis…, p. 20.

Соловецкие острова, 1926, № 4, с. 62.

Report of the Kashgar Mission 1918–1920.— Foreign and Political Department. Special Bureau of Information, 1920, N 22(6), p. 3.

ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 762, л. 230.

Ниалло А. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941, с. 64.

Bailey F. M. Op. cit., p. 156.

491

Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане, с. 89.

См.: Фрунзе М. В. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957, с. 314. о

Тимошков С, П. Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачеством в Средней Азии. М., 1941; его же. Борьба с английскими интервентами в Туркестане. М., 1941.

Черчилль У. Мировой кризис. М., 1932, с. 105.

495

Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1940, с. 492.

496

Архив полковника Хауза. Т. III. М., 1939, с. 275; т. IV, с. 152–153.

497

ЦГАСА, ф. 149, д. 51, л. 90.

498

ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 409, л. 35–38.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 7.

Соловецкие острова, 1926, № 4, с. 63.

501

Соловецкие острова, 1926, № 5–6, с. 37.

/ афурова К. А. Указ, соч., с. 37.

503

Лавров С. В. Борьба в политических кругах Великобритании вокруг англо-советских переговоров 1920–1921 гг. — Вопросы истории, 1977, № 6, с. 61.

504

ЦГАОР Узб. ССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 118, л. 70.

505

Сокращенно миссия Маллесона называлась «Малмис».

Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Vol. II. Princeton — Oxford, 1968, p. 14.

507

Голос Средней Азии (Ашхабад), 1918, 17 августа.

Кто должник? М., 1926, с. 396–399.

Ullman B. H. Op. cit., Vol. I. Princeton — Oxford, 1961, p. 319.

Соловецкие острова, 1926, № 4, с. 68–69.

511

Маллесон В. 26 комиссаров. Рус. пер. в рукописном фонде Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, Р-25, л. 6.

Зевелев А. И. Указ, соч., с. 117.

513

ЦГАСА, ф. 110, оп. 4, д. 275, л. 26.

Там же, ф. 149, д. 69, л. 79.

515

Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Конец басмачества. М., 1976, с. 51.

516

В сообщении правительства Туркреспублики говорилось, что инициаторами антисоветского заговора являются империалисты, «иностранный капитал» (Наша газета (Ташкент), 1918, 9 октября)

517

ЦГАОР Узб. ССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 31, л. 14; д. 120, л. 34.

518

«The Times», подтвердив факт перехода Бейли на нелегальное положение, писала, что он действовал «нераскрытым в Туркестане более года», включая его пребывание в Бухаре (Зевелев А. И Указ, соч., с. 246)

519

Гафурова К. А. Указ, соч., с. 38.

См. подробнее: Халфин Н. А. Афганистан завоевывает независимость. — Вопросы истории, 1980, № 6.

521

ЦГАСА, подборка, оп. 2, д. 835, л. 188.

По другим данным — три офицера, переводчик и сопровождавшие лица (Труды Музея истории АН Узб. ССР, вып. II, с. 37).

523

Жизнь национальностей (Москва), 1923, № 1, с. 89.

Труды Музея истории АН Узб. ССР, вып. II, с. 38.

Зевелев А. И. Указ, соч., с. 531.

526

ЦГАСА, ф. 25859, оп. 1, д. 44, л. 97.

527

ЦГАСА, ф. 25859, оп. 6, д. 47, л. 231–232.

Николаева В, П. Туркомиссия как полномочный орган ЦК РКП (б). — Вопросы истории КПСС, 1958, № 2.

529

Фрунзе М. В. Избранные произведения. Т. 1, с. 314.

530

ЦГАСА, ф. 110, оп. 4, д. 36, л. 271–273.

Macmun G. Afganistan from Durius to Ammanullah. London, 1923, p. 288.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 53, с. 190.

Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ, соч., с. 107, 111.

534

Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре. Ташкент, 1957, с. 175.

Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане, с. 77–79.

Hayit B. Turkestan im XX Jahrhundert…, S. 89.

Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке: (1918–1924). М., 1962, с. 27.

Там же, с. 29.

Malleson W. Op. cit., p. 13, 14.

Бабаходжаев А. Х. Провал агрессивной политики английского империализма в Средней Азии в 1917–1920 гг. Ташкент, 1955, с. 109.

Там же, с. 109–110.

Там же, с. 104–105.

Гафурова К. А. Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана в первые годы Советской власти (1917–1924). М., 1972.

Etherton P. T. In The Heart of Asia. London, 1925, p. 5–6.

545

Тимошков С. П. Борьба с английской интервенцией в Туркестане, с. 30.

Bailey F. M. Op. cit.

Ibid., p. 157.

Ibid., p. 156.

549

Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Сб. док., т. 1. Алма-Ата, 1963, с. 341–343.

Тимошков С. П. Борьба с английской интервенцией в Туркестане, с. 57–58.

Hayit B. Turkestan im XX Jahrhundert…, S. 89.

Fortnightly Review. 1933, March, p. 334. Цит. по: Тимошков С. П. Борьба с английской интервенцией..., с. 51.

553

Там же, с. 56.

The Army Quarterly, 1928, N 7, p. 296. См. также: Тимошков С. П. Борьба с английской интервенцией…, с. 61, 115, 116–117.

Там же, с. 116–117.

Pipes R. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 180.

Park A. G. Op. cit., p. 30.

Pipes R. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 180, 181.

559

Имеются в виду статьи в газете «Таймс» (в частности, от 13 июля 1918 г.), сочинения Маллесона, Денстервиля, Тода, Сайкса и др.

Caroe 0. Op. cit., p. 97, 118; Pipes R. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 180; Ellis C. A. The Transcaspian Episode 1918–1919. London, 1963, p. 12–13.

Ellis C. A. The British «Intervention» in Transcaspia. 1918–1919. Bercley, 1963.

562

Многие буржуазные историки старательно обходят молчанием заявления на этот счет, сделанные в свое время государственными деятелями Англии или крупными промышленниками. Так, например, промышленник Герберт Аллен говорил: «Британские войска появились на Кавказе… на Каспийском море… Никогда еще британская история не давала нам таких возможностей для расширения влияния и торговли, такого благоприятного случая, чтобы создать вторую Индию или второй Египет» (выделено нами. — Авт.) (Ромашкин П. Военные преступления империализма. М., 1953, с. 106). Председатель Эль-Биби-Эйбатской нефтяной компании еще в 1918 г. высказал такие же мысли (Фишер Л. Империализм нефти. М. — Л., 1927, с. 25–26).

Central Asian Review. London, 1958, N 3, p. 227.

К. Х. Эллис, например, не признавал достоверности советских источников, касающихся истории Туркестана, в которых британская интервенция представлена как часть обширного плана подчинения Туркестана и превращения его в колонию Англии (Ellis C. H. The British Intervention in Transcaspia. 1918–1919. California Press, 1963; Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана. Ташкент, 1968, с. 166–167).

565

Улман сообщает, что в мае 1918 г. (т. е. за четыре месяца др интервенции) в Туркестане находился подручный Маллесона майор Реддл (Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, Vol. 1. Intervention and the War. Princeton, 1961, p. 311–313). Другой член этой «миссии», капитан Джервис, за месяц до начала мятежа ездил в Асхабад (Матвеев А. Английский полковник заметает следы. — История СССР, 1964, № 1, с. 189)

566

Журнал «Среднеазиатское обозрение» писал: «После разгрома турецких войск в октябре 1918 г. и затем в ноябре поражения Германии больше не было военной необходимости для пребывания английских войск в Закаспии (Central Asian Review, 1959, vol. VI, N 2, p. 128). Однако английские войска бежали из Закаспия не в ноябре 1918 г., а в апреле 1919 г. Неужели этого не замечали главный редактор журнала и те, кто писал эту статью?

567

The Army Quarterly. London, 1928, VII, p. 300. Цит. по: Новоселова К. Указ, соч., с. 122.

Becker S. Op. cit., p. 275–276.

569

Wheeler G. Encounters with Communism in Asia: Personal Reaction. — Asian Affairs. London, 1977, vol. 8, pt. 3, p. 307.

Monroe E. Britain's Moment in the Middle East. 1914–1971. New and Rev. ed. Baltimore, 1981, p. 46.

Greniville J. A. S. A World History of the Twentieth Century, 1900–1945. Sussex — New Jersey, 1980, p. 236, 237.

Documents on British foreign policy, 1919–1939/Ed. by E. L. Woodward. London, 1949. First series. Vol. 3. 1919, doc. 34 7, p. 468; doc. 352, p. 469; doc. 544, p. 649; doc. 622, p. 741–742; doc. 640, p. 753755, and oth.

Ностяев Ф. Интервенция на юге России, Кавказе и в Туркестане, 1918–1920 гг. — В кн.: Кто должник? Сб. документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции. М., 1926, с. 333–428.

Churchill W. S. (M. Gilbert.) Vol. 4. 1916–1922. The Stricken World. Boston, 1975.

Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Vol. 1–3. Princeton — New Jersey, 1963–1971,

Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Vol. 2. Britain and the Russian Civil War, Nov. 1918 — February 1920. Princeton — New Jersey, 1968, p. 13–16, 45–46, 71–79, 90, 93, 176, and oth.

Imam Z. Colonialism and East-West Relations. A Study of Soviet policy towards India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. New Delhi, 1969, p. 90–93, 96-102, 113–114.

White S. Britain and the Bolshevik Revolution: A Study in the Politics of Diplomacy, 1920–1924. London, 1979, p. 82–84, 86–87, 123–124.

Park A. G. Op. cit., p. 41.

Тимошков С. П. Борьба с английской интервенцией в Туркестане, с. 31, 32–33.

Etherton P. T. Op. cit., p. 5–6; Castagne J. Les Basmatchis…, p. 20–21, 25. См. /также: Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию… М., 1982, с. 68–69.

Castagne J. Les Basmatchis…, p. 14, 20–21, 25.

Ibid., p. 21.

Соловецкие острова, 1926, № 4, с. 69.

Castagne J. Les Basmatchis…, p. 61.

Ibid., p. 62.

Chocaev M. Op. cit.

Ibid., p. 284, 287.

589

Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке: (1918–1924), с. 84; Etherton P. T. Op. cit., p. 171.

590

Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке: (1918–1924), с. 56–60.

591

The Basmachis…, p. 237.

Park A. G. Op. cit., p. 31, 34, 40, and oth.

593

Landau J. M. Op. cit., p. 93, 106, no. 234.

Ротштейн З. Указ, соч., с. 69.

Arnold A. Op. cit., p. 15–16.

596

Центральный музей пограничных войск СССР. Док. фонд, папка 23, д. 9, л. 3–9, а также: Пограничные войска в СССР: 1929–1938. Сб. док. и матер. М., 1972, док. 118, с. 160–161; док. 173, с. 218, 219; док. 179, с. 232; док. 180, с. 237.

597

Пограничные войска в СССР: 1929–1938, док. 118, с. 161.

598

Центральный музей пограничных войск СССР. Док. фонд, папка 23, д. 9, л. 3.

599

Центральный музей пограничных войск СССР. Док. фонд, папка 22, д. 9; см. также: Пограничные войска СССР: 1929–1938, док. 260, с. 294; док. 264, с. 301.

Chocaev M. Op. cit., p. 284.

Ibid., p. 287, 288.

Bailey F. M. Op. cit., p. 48; Hayit B. Turkestan im XX Jahrhundert, p. 198; Massell G. J. Op. cit., p. 9, 24–25; Park A. G. Op. cit., p. 50; Monteil V. Op. cit., p. 31; Carrere d'Encausse H. Reforme et revolution chez musulmans di L'Empire Russe: Bukhara, 1867–1927. Paris, 1966, p. 264; Eaudem. The Civil War and New Governments. — Ina Central Asia. A Century of Russian Rule. New York, 1969, p. 25; Arnold A. Op. cit., p. 12–21; Olcott M. B. The Basmachi or Freemen's Revolt in Turkestan, p. 362.

Park A. G. Op. cit., p. 50; Massell G. J. Op. cit., p. 25.

Pipes R. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 260.

Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане, с. 104–116; Зевелев А. И:, Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ, соч., с. 182–190.

Pipes R. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 259–260. Этой точки зрения всецело придерживается и Масселл (Massell G. J. Op. cit., p. 26).

Pipes R. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 183.

The Basmachis…, p. 239–242; Park A. G. Op. cit., p. 52; Massell G. J. Op. cit., p. 25–26, 197

Massell G. J. Op. cit., p. 25.

Park A. G. Op. cit., p. 52, 53, 54, 214–215.

Ibid., p. 54.

Ислам в СССР…, с. 15.

613

Там же, с. 17.

Pipes B. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 260.

615

Цит. по: Юсупов Э. Ю., Лунин Б. В. Басмачество — орудие реакции: (Исторические параллели). Ташкент, 1981, с. 26–27. См. также: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. М., 1961, с. 137.

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ соч., с. 122; Басмачество: социально-политическая сущность. Ташкент, 1984.

Castagne J. Les Basmatchis…, p. 42–61; Hostler Ch. W. Op. cit., p. 148–156; Pipes R. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 256–259.

Hostler Ch. W. Op. cit., p. 149.

Etherton P. T. Op. cit., p. 237; Macmun G. Afganistan from Darius to Amanullah. London, 1929, p. 288.

Olcott M. B. The Basmachi or Freemen's Revolt in Turkestan, 1918–1924…, p. 358.

Landau J. Op. cit., p. 55.

Chocaev M. Op. cit., p. 285.

623

Первый съезд народов Востока в Баку, 1–8 сент. 1920 г.: Стенограф, отчеты. Пг., 1920, с. 117.

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ, соч., с. 116.

Chocaev M. Op. cit., p. 286; Pipes R. The Formation of the Soviet Union…, 1964, p. 259.

Dumont P. Op. cit., p. 158.

The Basmachis…, p. 237.

The Basmachis…, p. 237; Olcott M. B. The Basmachi or Freemen's Revolt in Turkestan…, p. 355.

The Basmachis…, p. 237; Olcott M. B. Op. cit., p. 355, 362.

Chocaev M. Op. cit., p. 281; The Basmachis…, p. 237, 239, 241; Monteil V. Op. cit., p. 33; Carrere d'Encausse H. The Civil War and New Government. — In: Central Asia: A Century of Russian Rule. New York, 1969, p. 250; Bennigsen A. The Bolshevic conquest of the Moslem Borderlands. — In: The Anatomy of Communist Takeovers. New Haven — London, 1975, p. 67; Olcott M. B. The Basmachi or Freemen's Revolt in Turkestan…, p. 362–366.

631

Туркменский феодально-племенной вождь, кровавый диктатор Хивы в 1918–1920-х гг., Джунаид-хан (Джунаид Курбан Мамед, 1860–1938) характеризуется как человек «необыкновенного ума, смелости и организаторских способностей», хотя хорошо известно, что он начал бандитский разбой задолго до революции в Хивинском ханстве. Жестокий, алчный, коварный, честолюбивый Джунаид со своим отрядом совершал разбойничьи нападения на соседние племена, грабил узбеков, каракалпаков. В 1911 г. убил родного брата и присвоил его имущество. Ему удалось объединить под своей властью несколько туркменских племен, создать весьма значительный по хивинским масштабам вооруженный отряд.

В 1915–1916 гг. Джунаид совершил несколько набегов на Хиву, стремясь захватить власть и одновременно грабя население. Он потерпел поражение, ушел в каракумские пески, а затем откочевал в Иран.

После победы революции контрреволюционные круги увидели в Джунаиде подходящего союзника для борьбы с трудящимися. Белогвардеец полковник Зайцев, командовавший казачьими частями в Хиве, установил с ним личные контакты.

В январе 1918 г. 1600 вооруженных всадников Джунаид-хана вошли в Хиву. Хивинский хан Исфендиар покорился ему и формально остался на троне. Джунайд стал диктатором Хивы. Так басмачество было возведено в ранг государственной власти.

Банды Джунаид-хана неоднократно нападали па города Петро-Александровск и Нукус, входившие в состав Туркестанской АССР, грабили окрестное население, угоняли лошадей, верблюдов, баранов, вывозили хлеб, жестоко пытали пленных, расправлялись с крестьянами и ремесленниками.

Во второй половине 1919 — начале 1920 г. немногочисленные части Красной Армии и хивинские революционные добровольческие отряды нанесли ряд поражений басмачам и взяли резиденцию Джу наид-хана — Бедиркент. Сам он бежал в пески Каракумов. В октябре 1920 г. пополнившиеся банды Джунаид-хана, вооруженные английским оружием, снова активизировались, захватили Кунград и окружили Нукус. Весной 1921 г. основные силы басмачей на территории Хорезма (Хивы) были разбиты, и Джунаид-хан был вынужден вновь укрыться в пустыне. В конце 1923 г. Джунаид-хан довел численность своих банд до девяти тысяч человек и начал активные действия. Ему удалось захватить Хазарасп, осадить Хиву и Новоургенч. После

трудной и упорной борьбы к концу 1924 г. все крупные банды басмачей па территории Хорезмской республики были ликвидированы.

В 1924 г. Джунаид-хан сдался Советской власти. Он был амнистирован, но не прекратил вооруженной борьбы с народной властью. Злобный хищник, недавний властитель Хивы, он не мог примириться с поражением, с новой жизнью, властно вторгавшейся в самые отдаленные уголки Туркмении. Джунаид по-прежнему поддерживал связи с английской разведкой, с контрреволюционной эмиграцией, сколачивал новые басмаческие отряды, распускал слухи о том, что со дня па день капиталистические государства нападут на СССР.

Летом и осенью 1927 г. из-за границы к Джунаиду прибыло несколько караванов с оружием и боеприпасами. Из Кабула и Мешхеда то и дело приезжали курьеры с инструкциями от иностранных спецслужб. 19 сентября 1927 г. Джунаид-хан поднял мятеж против Советской власти, но его банды были разгромлены, а сам он бежал за границу (Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ, соч., с. 36–37, 42, 43, 81, 83–84, 151; Погорельский И. В. История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики. Л., 1984; Гражданская война и военная интервенция: Энциклопедия. М., 1983, с. 55–56).

Dzhunaid-Khan — «King of the Karakum Desert». — The Central Asian Review. London, 1965, vol. XIII, N 3, p. 216–226.

Ibid., p. 216.

Ibid., p. 225–226.

Ibid., p. 226.

Monteil V. Op. cit., p. 31.

Сами басмаческие главари по отрицали своих разбойничьих действий. Так, один из курбаши Ибрагим-бека, Алят Палван Ильмирзаев, показал на следствии в 1931 г.: «Байду я содержал за счет населения, конечно, население добровольно не давало продовольствия, приходилось отбирать и грабить, за счет награбленного содержать банду» (Пограничные войска СССР: 1929–1938. Сб. док. и матер. М., 1972, док. 179, с. 235).

Olcott M. B. The Basmashi or Freemen's Revolt in Turkestan…, p. 362.

639

Ibid.

640

Центральный музей пограничных войск СССР. Документальный фонд, папка 23, д. 9, л. 33.

Olcott M. B. Op. cit., p. 363.

642

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ, соч., с. 51–52.

643

Там же, с. 103.

Castagne J. Les Basmatchis, p. И; Chocaev M. Op. cit., p. 277.

Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане, с. 127–134; Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ, соч., с. 34.

Zenkousky S. Op. cit., p. 226; Pipes R. Op. cit., p. 179; Mas-sell G. J. Op. cit., p. 89; Arnold A. Op. cit., p. 13; Olcott M. B. The Basmachi or Freemen's Revolt in Turkestan…, p. 352, 362.

Hostler Ch. W. Op. cit., p. 163.

Bennigsen A. A., Wimbush S. E. Op. cit., p. 26, 213.

Olcott M. B. The Basmachi or Freemen's Revolt in Turkestan…, p. 361.

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Указ соч., с. 181.

651

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 40, с. 244.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 25, с. 352.

653

«Средняя Азия, — писал, например, английский журнал, — начинает играть значительную роль в конкуренции между восточным и западным блоком [в борьбе за слаборазвитые страны]» (The Challenge of Central Asia. — Far East Trade. London, 1958, vol. 13, N 3, p. 322–323).

Так, например, источниковая база М. Чокаева была такова: он имел в своем архиве оригиналы некоторых документов «Временного автономного правительства» Коканда, официальные издания этого правительства, подборки статей из белоэмигрантских журналов (Lazzerini E. J. The Archive of Mustafa Chokay Beg: An Inventory. — Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris, 1980, vol. XXI–2, p. 235–239).

655

Давид Ллойд Джордж. Военные мемуары. ОГИЗ — СОЦЭКГИЗ, Т. I–I1, 1934; т. ill — IV, 1935; т. V, 1936; т. VI, 1937.

Черчилль У. Мировой кризис. М. — Л., 1932.

Денстервилъ Л. Британский империализм в Баку и Персии. Тифлис, 1925.

Черчилль У. Указ, соч., с. 157, 174.

659

Правда, 1955, 9 февраля.

660

Сотрудник исследовательского отдела южноавстралийского парламента Р. Прайор в монографии ««Мировой кризис» Черчилля и история» пришел к выводу, что Черчилль-историк своей книгой защищает Черчилля-политика (Prior R. Churehill's «World crisis» as history. London, Canberra, 1983, p. 275).

661

В шестом томе мемуаров Ллойд Джорджа, в главе, названной «В России после Бреста», имеется специальный раздел «Каспий» в котором развиваются эти положения.

Денстервилъ Л. Указ, соч., с. 122.

663

Documents on British foreign policy, 1919–1939/Ed. by E. L. Woodward. London. First Series. Vol. 1–23. London, 1947–1981. Для нашей темы важны т. 1–7, охватывающие период 1919–1920 гг.

Winston S. Churchill. Vol. 1–6. London, 1967–1983; Churchill W. S. (M. Gilbert). Vol. 4. 1916–1922. The Stricken World. London, 1975; Wilson W. The papers of Woodraw Wilson/Editor A. S. Link. Princeton, 1985, vol. 48, May 13 — July 17, 1918.

665

О 80-летии Второго съезда РСДРП: Постановление ЦК КПСС от 31 марта 1983 г. М., 1983, с. 12–13.

Ф. Мосли заявляет, что целью книги А. Парка является отвергнуть «претензии Москвы», выступить вдохновителем освобождения слабых народов (Park A. Op. cit., p. X).

В. Коларз писал, что «западные нации могут и должны воспрепятствовать тому, чтобы Россия выступила на мировой арене в роли той силы, которая призвана решать задачи, оставшиеся не решенными для остальной части человечества, включая национальную проблему и проблему зависимых пародов» (Kolarz W. Op. cit., p. 314).

Zenkovsky S. Op. cit., p. VII.

Вот как выразил эту мысль С.Зеньковский: интерес к истории народов Средней Азии «стимулируется тем брожением, в котором находится (ныне. — Авт.) мусульманский мир (освободившиеся от колониальной зависимости пароды. — Авт.)» (Zenkovsky S. Op. cit., p. VII).

The Washington Post, 1977, October, 24.

Правда Востока, 1976, 14 октября.

Визит Самора Мойзеса Машела в Советский Союз, 17–22 ноября 1980 г. Док. и матер. М., 1980, с. 44.

673

Советский Союз и современный мир (Ред. — сост.: Барсуков Н. А. и Пирогов Г. Н. Под общ. ред. Зародова К. И.). — Прага: Мир и социализм, 1972 (Трибуна марксистской мысли. 50-летие образования СССР); Союз Советских народов; Зарубежные оценки, высказывания, отклики (АН СССР. ИНИОН). М., 1972; Континенты мира говорят об Узбекистане (Редкол.: М. М. Хайрулаев, Х. Ш. Иноятов, В. С. Маннапов). Ташкент, 1975; 60 лет образования СССР. Исторический опыт образования и развития Советского многонационального государства. Реферативный сборник (АН СССР. ИНИОН). М., 1982; 60-летие образования СССР. Зарубежные приветствия. Сборник. М., 1983.

Цит. по: Крихели Г. Д. Против фальсификации национальной политики КПСС. М., 1964, с. 31.

675

Гулям Г. Стихотворения и поэмы. Л., 1983, с. 332–333.

В подлиннике: смещаемыми.

677

В «Правде»: За; исправлено по подлиннику и другим изданиям.

В подлиннике: прикрывавшейся.

679

Исходя… первый в «Газете», «Известиях» и «Собрании Узаконений» нет.

В подлиннике: июле.

в подлиннике: самоуправление.

682

В «Газете» № 18 и «Собрании Узаконений» подпись В. И. Ленина помещена выше подписи И. В. Сталина.

683

В подлиннике дата находится под подписью И. В. Сталина.

Так в «Правде»; в остальных изданиях: руку.

которые ведут… от тех в «Газете» и «Собрании Узаконений» нет.

В «Газете» и «Собрании Узаконений»: расхищенную.

687

В «Известиях»: обижаемую.

в «Газете» и «Собрании Узаконений»: растаптывают.

в «Известиях»: виновных.

ваших в «Газете» и «Собрании Узаконений» нет.

691

В «Правде»: В; исправлено по другим изданиям.

Так подписи расположены в «Правде» и «Известиях»; в. «Газете» и «Собрании Узаконений» они переставлены.

693

Г. И. Бокия в дубликате подлинника нет.

694

Абдурахманов Усман (1898), член КПСС с мая 1918 г., председатель уездно-городской Наманганской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. С 1921 г. на профсоюзной и хозяйственной работе. С 1925 по 1957 г. в судебных органах — заместитель и председатель Верховного суда УзССР, член Верховного суда СССР.

695

Умаров Хасанбай (1896) член КПСС, с мая 1919 г красногвардеец, активный участник гражданской войны в Ферганской доли не, с 1923 г на руководящей советской и хозяйственной работе, избирался членом ТурЦИКа и ЦИКа Советов Узбекистана.

696

Камаев Усман (1896), член КПСС с 1917 г., бывший военком Андижанского участка Ферганского фронта, активный участник борьбы с басмачеством в Ферганской долине. С 1922 г. на ответственной работе в партийных органах в Средней Азии, на Украине, в Сибкрайкоме КПСС, в аппарате агитпропотдела ЦК КПСС.

697

Юсупов Фатах (1897), член КПСС с сентября 1918 г., бывший военком отряда, активный участник гражданской войны в Туркестане. В 1921–1923 гг. на руководящей советской и партийной работе в БНСР. В 1924–1925 гг. работал в Оргбюро ЦК Бухарской компартии по Восточной Бухаре. В дальнейшем был на руководящей партийной, советской и профсоюзной работе в Таджикской ССР и Узбекистане.